

Чарлз Ледбитер

КАК МЫ ПОДВЕРГАЕМСЯ ВЛИЯНИЮ

(фрагмент книги «Скрытая сторона вещей»)

ВЛИЯНИЕ ПЛАНЕТ

Излучения

Первый факт, который нам необходимо осознать, это что всё изливает влияние на своё окружение, а окружение всё время оказывает ответное влияние. Солнце, Луна, звёзды, ангелы, люди, деревья, камни — решительно *всё* излучает непрерывный поток вибраций характерного для себя типа; причём не только в физическом мире, но и в других, более тонких мирах. Наши физические чувства могут оценивать лишь ограниченное количество таких излучений. Мы легко чувствуем тепло, излучаемое Солнцем или огнём, но обычно не сознаём того факта, что сами мы тоже постоянно излучаем тепло; однако же если мы поднесём руку к радиометру, этот тонкий инструмент откликнется на тепло этой руки даже на расстоянии более метра и начнёт вращаться. Мы знаем, что роза пахнет, а ромашка — нет, но тем не менее она отбрасывает столько же частичек, что и роза, просто в одном случае наши чувства воспринимают такие частицы, а в другом — нет.

С глубокой древности люди верили, что Солнце, Луна, планеты и звёзды оказывают на человеческую жизнь некоторое влияние. В наши дни большинство людей смеются над такими верованиями, ничего не зная об этом, но всякий, кто возьмёт на себя труд предпринять тщательное и беспристрастное исследование астрологии, обнаружит много такого, что нельзя просто так отбросить. Несомненно, он встретит и множество ошибок, причём некоторые будут достаточно смехотворными, но также он найдёт и точные результаты, пропорция которых такова, что их нельзя будет разумно объяснить простым совпадением. Исследование убедит его, что под заявлениями астрологов несомненно есть какое-то основание, хотя в то же время он не сможет не заметить, что их системы пока что далеки от совершенства.

Когда мы вспомним, насколько огромное пространство отделяет нас даже от ближайших планет, сразу станет очевидно, что мы должны будем отбросить представление о том, что они могут оказывать на нас какое-либо физическое влияние, достойное рассмотрения. Более того, если бы оно и существовало, его сила должна была бы в гораздо большей степени зависеть не столько от положения планеты на небе, сколько от её близости к Земле — фактора, который обычно не принимается астрологами в расчёт. Чем больше мы размышляем над предметом, тем меньше нам кажется, что есть какие-то рациональные основания полагать, что планеты могут воздействовать на Землю или её обитателей в

сколько-нибудь заметной степени; но тем не менее факт остаётся фактом — теория, основанная на этой кажущейся невозможности, часто точно срабатывает. Возможно, объяснение следует искать в следующем направлении. Точно так же, как движение стрелок часов показывает время, хотя и не является причиной его хода, так и движение планет указывает на преобладание некоторых влияний, но никоим образом эти влияния не создаёт. Давайте посмотрим, какой свет может бросить на этот несколько озадачивающий предмет оккультное исследование.

Логос Солнечной Системы

Изучающие оккультизм считают всю Солнечную Систему во всей её огромной сложности частичным проявлением огромного живого существа, а все её части — выражениями его аспектов. Ему давались многие имена; в нашей теософической литературе его часто называют гностическим термином «логос» — это то самое Слово, которое было в начале у Бога и было Бог; мы также называем его и солнечным божеством. Все физические составляющие Солнечной Системы — Солнце с его удивительной короной, все планеты с их спутниками, океанами, атмосферами и различными окружающими их эфирами — всё это вместе является его физическим телом, его выражением в физическом царстве.

Таким же образом совокупность астральных миров (не только астральных миров, принадлежащих к физическим планетам, но и чисто астральных планет всех цепей — таких, например, как планеты В и F нашей цепи) составляет его астральное тело, а совокупность ментальных миров — его ментальное тело, тот проводник, через который он проявляется на ментальном плане. Каждый атом каждого из миров является центром, через который он этот мир создаёт, так что верно не только то, что Бог вездесущ, но и что всё сущее есть Бог.

Таким образом мы видим, что древние пантеистические представления совершенно верны, хотя это только лишь часть истины, поскольку хотя вся природа во всех мирах — ни что иное, как его одеяние, всё же сам он существует вне и превыше всего этого, живя той огромной жизнью, о которой мы ничего не знаем и знать не можем — жизнью среди подобных правителей других систем. И точно так же, как наши жизни проживаются буквально внутри него и поистине являются частями его жизни, так и его жизнь и жизнь солнечных логосов других бесчисленных систем являются частями ещё большей жизни логоса видимой вселенной. И если есть в глубинах пространства и иные вселенные, невидимые нам, все их логосы в свою очередь должны так же образовывать части Единого Великого Сознания, которое включает всё.

Различные типы материи

В упомянутых «телах» солнечного логоса на разных их уровнях есть определённые различные классы или типы материи, достаточно равномерно распределённые по всей системе. Я не говорю здесь о нашем обычном

подразделении миров на планы и подпланы, которое производится согласно степени плотности материи, так что, например, в физическом мире мы имеем твёрдое, жидкое, газообразное, эфирное, сверхэфирное, субатомическое и атомическое состояния материи, которые все физические, но разнятся по плотности. Типы, которые я имею в виду, образуют совершенно иной ряд и способ подразделения, при котором в каждом из типов содержится материя всех этих состояний, так что если мы обозначим каждый из этих типов числами, то получим твёрдую, жидкую и газообразную материю первого типа, твёрдую, жидкую и газообразную материю второго типа и так далее.

Эти типы материи перемешаны так же основательно, как и составляющие земной атмосферы. Представьте комнату, заполненную воздухом. Всякие отчётливые колебания, переданные воздуху, например, звуковые, будут восприниматься во всех её частях. Но представьте, что возможно создать некий вид колебаний, который воздействует лишь на кислород, несколько не беспокоя азот. Эти колебания тоже можно будет ощущать во всех частях комнаты. И если мы временно допустим, что пропорция кислорода в одной части комнаты больше, чем в другой, тогда эти колебания, хотя и ощутимые везде, окажутся самыми сильными именно в этой части. И точно так же как воздух в комнате главным образом состоит из кислорода и азота, так и материя солнечной системы состоит из этих различных типов; и как наша воображаемая волна (если бы она действительно могла существовать), действовавшая лишь на один кислород, могла ощущаться во всех частях комнаты, так и движение или изменение, затрагивающее только один из этих типов, вызывает эффект по всей солнечной системе, хотя он может оказаться сильнее в одной её части, чем в другой.

Это верно для всех миров, но в целях ясности давайте временно ограничимся в своих размышлениях одним из них. Пожалуй, легче всего эту идею будет проследить в отношении астрального плана. Часто объяснялось, что в астральном теле человека можно найти материю, принадлежащую к каждому из подпланов, и пропорция между более плотными и тонкими её видами показывает, насколько это тело способно откликаться на более грубые или утончённые виды желаний, таким образом в некоторой мере являясь индикатором уровня, до которого развился человек. Подобно этому, в каждом астральном теле есть материя и всех этих типов, но в данном случае пропорция между ними показывает характер человека — религиозный у него склад или философский, художественный или научный, мистик он или прагматик.

Живые центры

Каждый из этих типов материи в астральном теле солнечного логоса является в некоторой степени отдельным проводником, и его можно рассматривать также как астральное тело подчинённого божества или духа, который является в то же время аспектом логоса системы, чем-то вроде нервного сплетения или центра сил. И если эти типы различаются, то как раз потому, что составляющая их материя первоначально изошла через эти различные живые центры, так что материя каждого типа всё ещё является особым проводником и выражением этого

второстепенного божества, через которое она пришла, и малейшая мысль, движение или изменение любого рода в нём сразу же отражается тем или иным образом во всей материи соответствующего типа. Естественно, что каждый тип материи имеет свои особые сродства и может вибрировать под влияниями, которые, вероятно, не вызовут никакого отклика у других типов.

Поскольку в каждом человеке есть материя *всех* этих типов, то очевидно, что всякое изменение или действие любого из этих живых центров должно в той или иной мере повлиять на всех существ в системе, причём степень, в которой тот или иной человек подвергнется этому воздействию, зависит от пропорции, в которой присутствует в его астральном теле тот тип материи, который подвергается влиянию. Следовательно, мы обнаруживаем различные типы людей, точно так же, как и материи, и в силу их конституции, а именно — строения их астральных тел, некоторые из них оказываются более подвержены одним влияниям, а некоторые — другим.

Этих типов — семь, и астрологи часто давали им названия определённых планет. Каждый тип подразделяется на семь подтипов, поскольку каждая «планета» может быть подвергнута преимущественному влиянию одной из шести прочих, а может и не подвергаться ему. В добавление к 49 определённым подтипам, полученным таким образом, может быть любое количество всевозможных видоизменений и сочетаний влияний, часто столь сложных, что проследить их оказывается нелёгким делом. Тем не менее, это даёт нам определённую систему классификации, согласно которой мы можем подразделять не только человеческих существ, но и представителей животного, растительного и минерального царств, и даже ту элементарную сущность, которая ещё предшествует им по шкале эволюции.

Всё в нашей Солнечной Системе принадлежит к тому или иному из этих семи великих потоков, поскольку пришло через один из этих великих силовых центров, к которому относится по самой своей сущности, хотя неизбежно должно подвергнуться большему или меньшему влиянию и других. Это даёт каждому человеку, животному, растению и минералу некоторую фундаментальную характеристику, которая никогда не меняется, и которую иногда символически обозначают как его ноту или цвет и называют его лучом.

Эта характеристика остаётся постоянной не только на период планетной цепи, но и на протяжении всей планетной схемы,* так что жизнь, проявляющаяся через элементарную сущность луча А в ходе своей эволюции будет последовательно одушевлять минералы, растения и животных этого же типа, а когда групповая душа разделится на единицы и получит третье излияние логоса,** человеческие существа, ставшие результатом этой эволюции, станут людьми типа А и никакого иного, и при нормальных условиях будут продолжать своё развитие, пока не станут адептами этого типа.

* Здесь имеется в виду луч высшего я. Луч личности человека может меняться с каждым воплощением, и таким образом ноты всех принципов человека образуют своеобразный и неповторимый аккорд. — *Прим. пер.*

** См. диаграмму «Три излияния» в книгах Ч. Ледбитера «Человек видимый и невидимый» или «Учителя и путь» и пояснения к ней. — *Прим. пер.*

На раннем этапе изучения теософии у нас создалось впечатление, что этот план неуклонно проводится до самого конца, и adeпты воссоединяются с солнечным логосом через то вспомогательное божество или «дух перед престолом», через которое они первоначально изошли. Но дальнейшие исследования показали, что это представление нуждается в модификации, так как мы обнаружили, что группы «я» многих различных типов соединяются вместе для достижения общей цели.

Например, при исследованиях, связанных в первую очередь с прошлыми жизнями Алкиона, было обнаружено, что определённые группы «я» собирались вокруг разных Учителей, со временем подходя всё ближе и ближе к ним. Один за другим, становясь пригодными, они достигали той стадии, на которой они принимались в ученики или подмастерья того или иного из Учителей. Стать настоящим учеником — значит войти с Учителем в отношения, близость которых намного превосходит любые узы, известные нам в мирской жизни. Это означает такую степень единения с ним, которую не могут выразить никакие слова, хотя в то же время ученик полностью сохраняет свою индивидуальность и собственную инициативу.

Таким образом Учитель становится центром, который поистине можно назвать огромным организмом, поскольку ученики действительно являются его частями. Когда мы осознаем, что сам он таким же образом является частью какого-то ещё большего Учителя, мы придём к представлению о некоем могучем организме, который в самом реальном смысле *един*, хотя и построен из тысяч совершенно отличных «я».

Это и есть Небесный Человек, являющийся результатом эволюции каждой коренной расы. В нём, как и в земном человеке, есть семь великих центров, каждый из которых — могущественный адепт; а ману и бодхисаттва занимают в этом огромном организме место мозгового и сердечного центров соответственно. Вокруг них — и всё же не *вокруг* них, а *в* них, составляя их часть, в то же время в самом полном и великолепном смысле оставаясь самими собой, будем и мы, их служители; и эта великая фигура в своей совокупности будет представлять цветок данной расы и включит в себя всех, кто стал через неё адептом. Таким образом по завершении своего развития каждая раса бывает представлена одним из таких небесных людей, и эти великолепные совокупности на своей следующей стадии эволюции станут распорядителями сил какого-либо будущего солнечного логоса. И всё же каждый из них содержит в себе людей всевозможных типов, так что каждый из этих «духов перед престолом» или второстепенных логосов в действительности будет представителем не одной линии, а всех.

Если посмотреть на всю Солнечную Систему с достаточно высокого уровня, будет видно, что она состоит из этих великих живых центров или духов, а также типов материи, через которые каждый из них себя выражает. Позвольте мне здесь для ясности повторить то, что я некоторое время назад писал об этом в книге «Внутренняя жизнь», т. I, раздел II.

«У каждого из этих великих живых центров есть что-то вроде собственного упорядоченного периодического изменения или движения, которое, возможно, на каком-то бесконечно более высоком уровне соответствует биению человеческого сердца или вдоху и выдоху. Некоторые из этих периодов являются более быстрыми, чем другие, так что получается очень сложная серия эффектов, и было замечено, что движения физических планет в их взаимном отношении дают некоторый ключ к действию этих великих космических влияний в любой данный момент. У каждого из этих центров есть своё особое место или главный фокус в теле Солнца, а также меньший, внешний фокус, положение которого всегда отмечается положением планеты.

При помощи нашей трёхмерной фразеологии трудно будет объяснить их точное взаимоотношение; но, пожалуй, можно сказать, что поле влияния каждого центра практически совпадает с Солнечной Системой, и что можно взять сечение этого поля, которое окажется эллиптическим; один из фокусов этого эллипса всегда будет в Солнце, а в другом окажется та планета, которая управляется этим второстепенным логосом. Вероятно, что при постепенной конденсации первоначальной светящейся туманности, из которой сформировалась система, местоположение планет было определено образованием вихрей в этих меньших фокусах, и они стали дополнительными точками распределения — как бы железами солнечной системы.»

Конечно же, следует понимать, что мы не имеем здесь в виду курьёзную астрологическую теорию, которая рассматривает само Солнце в качестве одной из планет,* но говорим о настоящих планетах, обращающихся вокруг него.

* В экзотерической астрологии Солнце скрывает планету Вулкан, которая считается ещё неоткрытой из-за своих малых размеров и близости к Солнцу. (См. «Протоколы логи Блаватской», Встреча IV). — *Прим. пер.*

Их влияние

Влияния, принадлежащие к этим великим типам, широко разнятся в качестве, и эта разница выражается в том числе и через влияние на живую элементарную сущность в человеке и вокруг него. Нужно всегда помнить, что это преобладающее влияние проявляется во *всех* мирах, а не только в астральном, хотя сейчас мы и ограничились им ради простоты. У этих таинственных посредников могут быть и действительно есть другие и более важные линии действия, пока что нам неизвестные; но по меньшей мере наблюдателю бросается в глаза, что каждый центр оказывает на многие разновидности элементарной сущности свой особый эффект.

Например, может оказаться, что влияние одного центра сильно стимулирует жизненность тех видов сущности, которые особо к нему относятся, в то время сдерживая другие виды и управляя ими, тогда как власть другого центра над своими видами сущности окажется сильной, но при этом не будет оказывать

заметного влияния на другие виды. У этих мистических сил могут быть все виды комбинаций и видоизменений, и в одном случае действие одной из них может усиливаться присутствием другой, а в другом — почти нейтрализовываться.

Поскольку эта элементарная сущность проявляет живую деятельность в астральном и ментальном телах человека, становится ясно, что любое необычное возбуждение какого-либо из классов, всякий резкий рост его активности, несомненно в той или иной мере повлияет на его эмоции или ум, или на то и другое; и очевидно также, что эти силы на разных людей будут действовать по-разному в зависимости от разновидностей сущности, входящих в их состав.

Все эти влияния существуют и употребляются не ради человека и вовсе не предназначены именно ему — они существуют для него не в большей степени, чем ветер, способствующий или препятствующий движению корабля, дует специально для него. Они — часть игры космических сил, о цели которых мы ничего не знаем, хотя и можем в некоторой степени научиться вычислять их воздействие и пользоваться ими. Сами по себе эти энергии не в большей степени добры или злы, чем любая другая из сил природы: подобно электричеству или любой другой великой природной силе они могут быть полезны и вредны для нас в зависимости от того, какое мы им даём применение. И точно так же, как некоторые эксперименты скорее будут успешными, если предпринимаются, когда воздух сильно заряжен электричеством, тогда как другие в этих условиях скорее всего не удадутся, так и усилия, требующие применения сил нашей умственной и эмоциональной природы, с большей или меньшей лёгкостью достигнут своей цели соответственно влияниям, преобладающим во время их совершения.

Свобода действий

Нам очень важно понимать, что подобное давление не может даже в малейшей степени возобладать над волей человека; всё, что оно может — это в некоторых случаях затруднить или облегчить действие этой воли по тем или иным направлениям. Человек ни в коем случае не принуждается им к какому-либо образу действий без его собственного согласия, хотя оно и может помочь или помешать ему в любых усилиях, которые ему случится совершать. Человеку действительно сильному нет особой нужды беспокоиться о господствующих влияниях, но людям с более слабой волей иногда стоит знать, в какой момент и какую силу можно будет применить с наибольшим преимуществом. Человеком железной решимости или изучающим истинный оккультизм эти факторы могут быть отброшены как пренебрежимо малые, но поскольку большинство людей всё ещё позволяют себе быть беспомощными игрушками сил желания и пока не развили ничего достойного называться собственной волей, их слабость позволяет этим влияниям обрести в человеческой жизни ту важность, на которую они сами по себе и не претендовали.

Например, определённая разновидность влияния иногда может вызвать такое положение дел, при котором заметно усиливаются все виды нервного возбуждения, вследствие чего повсюду возникает общее чувство

раздражительности. Само по себе это состояние не может вызвать ссору между разумными людьми, но при таких обстоятельствах споры возникают гораздо чаще, чем обычно, причём даже по самым пустячным поводам, и большое количество людей, которые, похоже, всегда на грани потери самообладания, полностью теряют над собой контроль при малейшей провокации. Иногда может случиться, что такие влияния, попадая на почву тлеющего недовольства или невежественной зависти, могут раздуть их до народного бунта, из которого могут последовать широкомасштабные бедствия.

Но даже в таком случае мы должны предостеречь себя от фатальной ошибки приписывания этому влиянию зловредного характера лишь из-за того, что человеческие страсти обращают его ко злу. Эта сила — просто лишь волна деятельности, посланная из одного из центров логоса, и сама по себе имеет лишь природу усиления некоторых вибраций, возможно, необходимых для того, чтобы произвести какой-то далекоидущий космический эффект. Усиление деятельности, побочно производимое ею в астральном теле человека, предоставляет ему возможность испытать свою способность справляться со своими проводниками, и вне зависимости от того, добьётся он в этом успеха или потерпит неудачу, это будет ещё одним из уроков, которые помогут ему в его эволюции. Карма может забросить человека в определённое окружение или подставить его под те или иные влияния, но она никогда не может заставить его совершить преступление, хотя и может поставить его в такое положение, что с его стороны потребуется большая решимость, чтобы этого преступления избежать. Потому астрологу возможно предупреждать человека об обстоятельствах, в которых он окажется в то или иное время, но всякое предсказание его действий при этих обстоятельствах теоретически может основываться лишь на вероятности, — хотя мы охотно признаём, что в случае заурядного и безвольного человека эта вероятность становится определённой. Из необычайной смеси успехов и неудач, характеризующей современные астрологические предсказания, представляется достаточно ясным, что практикующие это искусство не вполне знакомы со всеми факторами, которые им необходимо знать. В тех случаях, когда вступают в действие лишь те факторы, которые понимаются уже достаточно хорошо, достигается успех, но когда вступают в игру факторы ещё нераспознанные, в результате мы, естественно, имеем более или менее полную неудачу.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ СОЛНЦА

Солнечное тепло

Интересующиеся астрономией найдут оккультную сторону этой науки одной из самых захватывающих областей из доступных нам. Очевидно, этот предмет чересчур сложен и техничен, чтобы включать его в такую книгу, как эта, больше посвящённую тем из невидимых явлений, которые практически влияют на нас в

повседневной жизни; но связь Солнца с этой жизнью столь близкая, что сказать о нём несколько слов просто необходимо.

Всю Солнечную Систему можно назвать одеянием её логоса, но Солнце — поистине его богоявление, самое полное его проявление, которое только возможно в физическом мире, линза, через которую его сила светит на всех нас.

С чисто физической точки зрения Солнце представляет собой огромную массу сияющей материи невысказанно высокой температуры, и состояние насыщенности её электричеством полностью превосходит любой наш опыт. Астрономы, полагавшие, что это тепло получается просто в силу сжатия, пробовали подсчитать, сколько оно могло существовать в прошлом и как долго сможет оно сохраняться в будущем, но в любом случае у них выходило не более чем несколько сотен тысяч лет, тогда как геологи заявляют, что на одной лишь нашей Земле мы имеем свидетельства процессов, простирающихся на миллионы лет. Открытие радиоактивности отменило прежние теории, но даже с её помощью учёные ещё не смогли добраться до простоты истинного объяснения этой сложности.

Можно вообразить какого-нибудь разумного микроба, который, живя на поверхности человеческого тела, точно таким же образом рассуждает о его температуре. Он может сказать, что это тело конечно же должно постепенно охлаждаться, и точно подсчитать сколько часов или минут займёт охлаждение до такой температуры, которая уже не позволит продолжать его существование. Если он, однако, проживёт достаточно долго, то обнаружит, что тело не охлаждается, как должно быть по его теориям, и несомненно, это покажется ему очень загадочным, если он не откроет, что имеет дело не с затухающим огнём, а с живым существом, которое не остывает, пока в нём сохраняется жизнь. Точно так же, если мы осознаем, что Солнце есть физическое проявление солнечного логоса, то увидим, что могучая жизнь, стоящая за ним, непременно будет поддерживать его температуру столько, сколько необходимо для полной эволюции его системы.

Гранулы фотосферы

Подобное же объяснение даст нам решение и некоторых других проблем солнечной физики. Например явление, названное из-за своей формы «рисовыми зёрнами» или «ивовыми листьями», из которых практически и состоит фотосфера Солнца, часто озадачивало экзотерических исследователей противоречивыми по всей видимости характеристиками, которые они демонстрируют и которые не удаётся между собой примирить. С точки зрения этих исследователей они — не что иное, как массы светящегося газа чрезвычайно высокой температуры, а потому и большой разреженности. И хотя они должны быть намного легче любого земного облака, они никогда не теряют своей специфической формы, как бы дико не носило их среди бурь столь огромной силы, что они моментально могли бы разрушать и саму Землю.

Если же мы осознаем, что за каждым из этих странных объектов стоит великолепная жизнь, и что каждый из них можно рассматривать как физическое

тело великого ангела, то мы поймём, что эта жизнь и удерживает их, сохраняя их целостность и придавая им эту удивительную устойчивость. Пожалуй, применение термина «физическое тело» введёт нас в заблуждение, поскольку нам жизнь в физическом теле кажется такой важной и на нынешней стадии нашей эволюции занимает такое заметное место. Е. П. Блаватская говорила нам, что мы не можем верно назвать их солнечными обитателями, поскольку солнечные существа вряд ли окажутся в фокусе телескопа, но что они — резервуары солнечной жизненной энергии, сами принимающие участие в той жизни, которую они изливают.

Давайте лучше скажем, что эти образования являются проявлениями на физическом уровне, поддерживаемые солнечными ангелами для особой цели, ценой некоторой жертвы или ограничения своей деятельности на высших планах, являющихся их обычным местом обитания. Помня, что именно через них к нам приходят свет, тепло и жизненность Солнца, мы легко увидим, что цель этой жертвы — свести на физический план некоторые силы, которые иначе оставались бы непроявленными, и что эти великие ангелы действуют как каналы, отражатели и выделители божественной энергии. Фактически они делают на космических уровнях для Солнечной Системы то же, что в микроскопическом масштабе можем делать и мы в своём маленьком кругу, если будем достаточно мудры, чтобы верно использовать свои привилегии, как будет объяснено в одной из следующих глав.

Жизненная сила

Всем нам знакомо чувство бодрости и благополучия, которое приносит нам солнечный свет, но лишь изучающие оккультизм вполне сознают причины этого ощущения. Солнце, заливая свою систему светом и теплом, точно так же постоянно льёт в неё и другую силу, существования которой современная наука пока что не подозревает, и которой было дано наименование «жизненность»* Она излучается на всех уровнях и проявляет себя в каждом царстве — физическом, эмоциональном, ментальном и остальных, — но в данный момент нас особо интересует её проявление на низшем из них, где она, входя в некоторые физические атомы, сильно увеличивает их активность, делая их сияющими и оживлёнными.

Мы не должны путать эту силу с электричеством, хотя она и напоминает его в некоторых отношениях. Логос посылает от себя три великие формы энергии; могут быть и сотни других, о которых мы ничего не знаем, но по меньшей мере есть три. У каждой из них есть соответствующее проявление на всех уровнях, которых уже достигли наши исследователи, но пока что мы рассмотрим, как они демонстрируют себя в физическом мире. Одна из них проявляет себя как электричество, другая — как жизненность, а третья — как змеиный огонь,** о котором я уже писал в книге «Внутренняя жизнь».

* Прана.

** Кундалини. — *Прим. пер.*

Эти три силы остаются отдельными, и на этом уровне ни одна из них не может быть превращена в какую-либо другую. Они не связаны с каким-либо из трёх великих излияний, эти излияния представляют собой определённые усилия, совершаемые солнечным логосом, тогда как эти три силы представляются скорее результатами его жизни — его качествами, проявляемыми им без всяких видимых усилий. Электричество, пробегая через атомы, отклоняет их и удерживает определённым образом; это происходит в дополнение к тому, что оно сообщает им особую частоту колебаний, и совершенно помимо этого.

Но действие жизненности во многих отношениях отличается от действия электричества, света и тепла. Все виды этой последней силы вызывают колебания атома в целом, и размах этого колебания огромен в сравнении с размером атома; но та сила, которую мы называем жизненностью, входит в атом не извне, а изнутри.

Шарики жизненности

Атом сам по себе — не что иное, как проявление силы; солнечный логос создаёт своей волей некую форму, которую мы называем первичным физическим атомом, и этим его волевым усилием около четырнадцати миллиардов пузырьков удерживаются в этой конкретной форме. Необходимо подчеркнуть тот факт, что соединение пузырьков в такую форму всецело зависит от его усилия, так что будь эта воля на мгновение отведена, фигура сразу бы распалась, пузырьки снова существовали бы по отдельности, и всё физическое царство просто прекратило бы существование менее чем за мгновение вспышки молнии. Таким образом верно, что весь мир — не что иное, как иллюзия, даже с этой точки зрения, не говоря уже о том, что сами эти пузырьки, из которых построен атом — лишь пустоты в койлоне, истинном эфире пространства.

Так что это постоянно изъясняемая сила воли солнечного логоса удерживает атом в целостности, и когда мы попытаемся исследовать действие этой силы, то увидим, что она не приходит в атом извне, но бьёт ключом изнутри него, что означает её поступление из высших измерений. То же самое верно и в отношении той другой силы, которую мы называем жизненностью — она входит в атом изнутри, вместе с той силой, которая сохраняет его целостность, а не действует на него всецело извне, как те разновидности силы, которые мы называем светом, теплом и электричеством.

Когда жизненность таким образом истекает изнутри атома, она наделяет его дополнительной жизнью и сообщает ему способность притяжения, так что он незамедлительно собирает вокруг себя шесть других атомов,* которые располагает особым образом, создавая то, что в «Оккультной химии» было названо гипер-мета-прото-элементом. Однако, этот элемент тем отличается от всех прочих, пока что наблюдавшихся, что создающая и удерживающая его силы исходят из второго аспекта солнечного логоса, а не из третьего. Этот шарик жизненности изображён в «Оккультной химии», где он стоит первым слева в верхнем ряду диаграммы,** изображающей элементы гипер-мета-прото-материи.

Именно эта небольшая группа создаёт исключительно яркие бусины на мужской или положительной змейке в химическом элементе кислороде, а также в сердце центрального шара радия.

* Используемый здесь термин «атом» обозначает единицы материи, а не физический атом науки. — *Прим. ред.*

** Было несколько изданий этой книги, и по всей видимости не во всех диаграммы расположены одинаково, потому лучше смотреть упомянутые далее диаграммы для радия и кислорода. — *Прим. пер.*

Эти шарики выделяются среди всех прочих, которые можно наблюдать плавающими в атмосфере, своей яркостью и крайней активностью — интенсивностью жизни, которую они демонстрируют. Вероятно, это те самые огненные жизни, которые так часто упоминала Е. П. Блаватская, хотя, похоже, она применяла этот термин в двух смыслах. В «Тайной доктрине», т. II, с. 117, это по всей видимости означает шарик в целом, а в т. I, с. 262 — дополнительно оживлённые атомы, которые вначале собирают вокруг себя шесть других.*

* См. в русском издании т. I, станца VII, «Огненные жизни» и т. II, станца V, «Способы размножения». — *Прим. пер.*

Хотя сила, оживляющая эти шарики, совершенно отлична от света, тем не менее, похоже, что её способность проявления всё-таки от света зависит. При ярком солнечном свете свежая жизненность постоянно прибывает, и шарики создаются с большой скоростью и в немыслимых количествах, но в пасмурную погоду количество новообразованных шариков значительно сокращается, а ночью процесс их образования, похоже, прекращается совсем. Потому можно сказать, что ночью мы живём на запасах, произведённых в течение предыдущего дня, и хотя кажется практически невозможным, чтобы они могли полностью иссякнуть, они, очевидно, становятся невелики после долгой последовательности пасмурных дней. Такой шарик, будучи раз заряжен, остаётся субатомным элементом, и похоже, не подвергается каким-либо изменениям и не теряет силу, пока не будет поглощён каким-либо живым существом.

Поглощение жизненности

Эта жизненность поглощается всеми живыми организмами, и достаточный её приток представляется необходимым для их существования. У людей и высших животных она поглощается центром или вихрем в эфирном двойнике, который соответствует селезёнке.* Следует вспомнить, что у этого центра шесть лепестков, создаваемых колебательным движением сил, вызывающих этот вихрь. Но само это колебательное движение вызывается излучением других сил из центра этого вихря. Если представить центр вихря как ступицу колеса, то эти самые силы будут подобны исходящим из него прямым спицам. Тогда силы вихря, несущиеся по кругу, проходят попеременно над и под этими спицами, плетя нечто вроде

эфирной корзины, и таким образом получается вид шести лепестков, разделённых углублениями.

* Здесь имеются в виду чакры (санскр. колёса), семь основных силовых центров, собирающих и распределяющих энергию в жизненном теле (эфирном двойнике), питая, таким образом, физическое тело. Более полное их описание имеется в книге Ч. Ледбитера «Чакры». — *Прим. ред.*

Когда яркая единица жизненности вспыхивает в атмосфере, она почти бесцветна, и её можно сравнить с белым светом. Но как только она втягивается в вихрь силового центра у селезёнки, она разлагается и расщепляется на потоки разных цветов, хотя они и не соответствуют в точности спектральным цветам. Когда составляющие её атомы несутся в вихре, каждая из шести спиц ловит один из них, так что все атомы, заряженные жёлтым, несутся вдоль одной из них, заряженные зелёным — вдоль другой и так далее, пока седьмой из них не исчезнет в центре вихря, как бы через ступицу колеса. Затем эти лучи устремляются оттуда в разных направлениях, и каждый выполняет свою особую работу по оживлению тела. Однако, как я уже упомянул, подразделение цветов здесь не совсем такое, как мы обычно используем для солнечного спектра, но скорее напоминает расположение цветов, наблюдаемое на высших планах в каузальном, ментальном и астральном телах.

Например, тот цвет, который мы называем синим, разделяется между фиолетовым и голубым лучами, так что здесь обнаруживаются только два подразделения вместо трёх; но с другой стороны, то, что мы называем красным, подразделяется на два — розово-красный и тёмно-красный. Потому шесть радиусов имеют фиолетовый, голубой, зелёный, жёлтый, оранжевый и тёмно-красный цвета, тогда как седьмой (а точнее первый, поскольку это и есть тот самый атом, в который сила прибыла сначала), розовый атом, проходит вниз через центр вихря. Жизненность, имея явно семеричный состав, тем не менее проносится через тело пятью основными потоками, как и описано в некоторых индийских книгах,* поскольку по выходе из селезёночного центра голубой и фиолетовый потоки соединяются в один луч; так же поступают оранжевый и тёмно-красный.

* «Главная жизнь сказала им: не впадайте в заблуждение — лишь я, разделившись на пять частей, утверждаю и поддерживаю это тело!»; «От этого возникают семь огней» (Прашна Упанишада, II.3 и III.5).

1. Фиолетово-голубой луч вспыхивает вверх, к горлу, где, похоже, разделяется. Голубой луч проходит через горловой центр, оживляя его, а синий и фиолетовый лучи идут дальше, в мозг. Синий луч расходится в нижней и центральной частях мозга, а фиолетовый луч наполняет верхнюю его часть и, по-видимому, придает особую энергию силовому центру на макушке головы, распространяясь в основном через девятьсот шестьдесят лепестков внешней части этого центра.

2. Жёлтый луч направляется к сердцу, но после того, как он выполняет там свою работу, часть луча проходит также к мозгу, и проникает в него, направляясь

главным образом к двенадцатилепестковому цветку в середине высшего из центров.

3. Зелёный луч заливает брюшную полость и, концентрируясь особенно в солнечном сплетении, очевидно, оживляет печень, почки, кишечник и весь пищеварительный аппарат в целом.

4. Розовый луч разбегается по всему телу вдоль нервов и, очевидно, является жизнью нервной системы. Это и есть то, что обычно называется жизненной силой, которую один человек может выделить и легко передать другому, у которого её нехватает. Если нервы недостаточно снабжаются этим розовым светом, они становятся чувствительными и очень раздражительными, так что больной находит невозможным оставаться в одном положении, а меняя его, получает лишь кратковременное облегчение. Малейший шум и легкое прикосновение для него мучительны, и он сильно страдает. Наполнение его нервов праной более здорового человека приносит ему моментальное облегчение, и тогда на него нисходит облегчение и успокоение. Обычно человек крепкого здоровья впитывает и выделяет настолько больше жизненной силы, чем необходимо его телу, что постоянно излучает поток розовых атомов и тем самым неосознанно вливает силу в своих более слабых собратьев, сам ничего не теряя. Усилием воли он может собрать воедино всю избыточную энергию и намеренно направить её тому, кому желает помочь.

У физического тела есть некое слепое инстинктивное сознание, в физическом мире соответствующее элементу желания астрального тела. Это самосознание всегда стремится защитить тело от опасности и обеспечить его всем необходимым. Оно существует совершенно отдельно от собственного сознания человека и одинаково хорошо работает, даже когда во время сна в физическом теле отсутствует «я». Благодаря ему происходят все наши инстинктивные движения, равно как и непрерывно без нашего ведома продолжается работа симпатической системы.

Когда мы находимся в том состоянии, которое называем бодрствованием, этот физический элементал постоянно занят нашей самозащитой; он не только сам находится в состоянии постоянной бдительности, но и удерживает мышцы и нервы всегда в напряжении. Ночью или в любое другое время, когда мы спим, он позволяет нервам и мышцам расслабиться, и особо посвящает себя усвоению жизненности и восстановлению сил физического тела. С наибольшим успехом он делает это в начале ночи, поскольку тогда ещё имеется изобилие жизненности, тогда как непосредственно перед рассветом оставшаяся от солнечного света жизненность почти полностью исчерпывается. Вот причина вялости и безжизненности, ощущаемой в ранние утренние часы; и это также причина того, почему больные столь часто умирают именно в это время. Потому-то старинная поговорка и гласит, что час сна перед полуночью стоит двух часов после нее. Работа этого физического элементала и объясняет то мощное восстановительное воздействие сна, которое наблюдается даже если вздремнуть ненадолго.

Эта жизненность воистину является пищей эфирного двойника, и необходима ему так же, как необходима материальная пища для более плотной части физического

тела. Так что когда селезёночный центр оказывается неспособным по той или иной причине (такой как болезнь, переутомление или очень преклонный возраст) подготавливать жизненность для питания клеток тела, этот физический элементал пытается привлечь для своих нужд жизненные силы, уже подготовленные в телах других. Таким образом, часто после временного контакта с человеком, у которого истощена собственная жизненная сила, мы чувствуем себя слабыми и изнуренными, потому что он вытянул из нас розовые атомы до того, как мы смогли извлечь их энергию.

Растительное царство также впитывает эту жизненную силу, но в большинстве случаев, по-видимому, использует только небольшую её часть. Многие деревья извлекают из неё почти точно те же составляющие, что и высшая часть эфирного тела человека, и в результате, когда они используют то, что им требуется, отбрасываемые ими заряженные розовым светом атомы оказываются именно такими, как нужно для клеток нашего физического тела, особенно у таких деревьев как сосна и эвкалипт. Потому само соседство с этими деревьями даёт здоровье и силу тем, кто страдает от недостатка этой части жизненного начала — тем, кого мы называем нервными людьми. Они нервны потому, что клетки их тела голодны, и нервозность их может быть успокоена только путем питания этих клеток. Часто самым лёгким способом сделать это является обеспечение их извне тем особым видом жизненности, в котором они нуждаются.

5. Оранжево-красный луч течёт к основанию позвоночника, а оттуда — к половым органам, с которыми тесно связана одна часть его функций. Этот луч, по-видимому, имеет в своем составе не только оранжевый и темно-красный цвета, но и определённое количество темно-лилового цвета, как будто бы спектр свернулся в круг, и цвета начались снова на более низкой октаве. У обычного человека этот луч подпитывает энергией желания плоти и, похоже, проникает и в кровь, помогая поддерживать температуру тела. Но если человек настойчиво отказывается подчиняться своей низшей природе, то длительными и решительными усилиями этот луч может быть отклонён вверх, к мозгу, где все его три составляющие проходят примечательные изменения. Оранжевый луч повышается до чисто жёлтого и производит решительное усиление умственных сил; тёмно-красный луч становится малиновым и значительно повышает способность бескорыстной любви, тогда как темно-лиловый трансмутируется в красивый бледно-фиолетовый и оживляет духовную часть человеческой природы. Человека, достигшего этого преображения, больше не беспокоят чувственные желания, и когда ему понадобится пробудить верхние слои змеиного огня, он уже будет свободен от самых серьезных опасностей этого процесса. Когда эти изменения завершены, этот оранжево-красный луч направляется прямо в центр у основания позвоночника и оттуда бежит вверх вдоль полости позвоночного столба прямо к мозгу.

Жизненность и здоровье

Протекание жизненности по этим различным потокам регулирует здоровье тех частей тела, с которыми они связаны. Например, если человек страдает от плохого пищеварения, то это сразу же становится видно любому человеку, обладающему

эфирным зрением, потому что либо замедлены течение и активность зеленого потока, либо его объём меньше необходимого. Полнота и сила жёлтого потока показывает или, вернее, задаёт силу и регулярность деятельности сердца. Протекая вокруг сердечного центра, он пропитывает и проходящую через него кровь и рассылаётся с ней по всему телу. Однако при этом остаётся ещё достаточно энергии, чтобы проникнуть и в мозг, и сила высоко философской и метафизической мысли, по-видимому, в значительной мере зависит от объема и активности этого жёлтого потока, а также от соответствующего пробуждения двенадцатилепесткового цветка в середине центра сил на макушке головы.

Высокодуховные мысли и чувства, похоже, в большей степени зависят от фиолетового луча, тогда как энергия обычного мышления стимулируется действием голубого луча, смешанного с частью жёлтого. Было замечено, что при некоторых формах идиотии оба потока жизненности, направлявшиеся к мозгу, и жёлтый, и сине-фиолетовый, почти полностью прекращены. Необычная активность или объём светло-голубого луча, который предназначается горловому центру, сопровождается здоровьем и силой физических органов этой части тела. Например, он придает силу и эластичность голосовым связкам, так что особую активность и силу этого потока можно заметить у известных ораторов и великих певцов. Слабость или болезнь любой части тела сопровождаются недостаточностью притока жизненной силы к ней.

По мере того, как различные потоки атомов выполняют свою работу, заряд жизненности выводится из них, подобно тому, как происходит потеря электрического заряда. Атомы, несущие розовый луч, по мере своего движения вдоль нервов постепенно бледнеют и, наконец, выбрасываются из тела через поры, образуя то, что в книге «Человек видимый и невидимый» названо аурой здоровья. К моменту выхода из тела большинство из них теряет розовый свет, поэтому общий вид этого излучения — голубовато-белый. Таким же образом теряет свой характерный цвет и та часть желтого луча, которая была поглощена кровью и циркулировала вместе с ней.

Атомы, лишённые своего заряда жизненности, либо вступают в некоторые соединения, постоянно образуемые в теле, либо выходят из тела через поры или через обычные пути выделения. Так, опустошённые атомы зеленого луча, в основном связанные с процессами пищеварения, скорее всего, соединятся с обычными отходами жизнедеятельности и выйдут из тела вместе с ними. Такой же будет и судьба атомов красно-оранжевого луча у обычных людей. Атомы, принадлежавшие голубым лучам, использовавшиеся в связи с горловым центром, обычно покидают тело при выдыхании, а составлявшие синий и фиолетовый лучи обычно выходят из центра на макушке головы.

Когда ученик научится отклонять оранжево-красный луч, направляя его вверх по позвоночнику, пустые атомы этого луча, как и атомы сине-фиолетового, будут изливаться из вершины головы огненным каскадом, который часто изображается в виде пламени на древних статуях Будды и других великих святых.* Опустошенные атомы становятся точно такими же, как и любые другие, с тем исключением, что в результате этой деятельности они становятся несколько более развитыми, чем ранее. Те атомы, которые необходимы телу, оно поглощает, и из

них формируется часть соединений, постоянно образующихся в теле, тогда как другие, ненужные телу, выбрасываются через любой подходящий для этого канал.

* Эти атомы таким образом повторно используются как физические носители для некоторых благодатных сил, излучаемых высокоразвитыми людьми из венечной чакры. (Добавление из книги «Чакры», в которой значительная часть этой главы была помещена автором в переработанном виде. — *Прим. пер.*)

Приток жизненности в любой центр или её поток через него, и даже его усиление, не следует путать с совершенно иным развитием этого центра, которое зависит от пробуждения высших уровней змеиногo огня на более поздней стадии развития человека. Все мы впитываем и выделяем жизненность, но многие из нас не используют её полностью, потому что по разным причинам наши жизни не так чисты, здоровы и разумны, какими должны быть. Тот, кто огрубляет своё тело употреблением мяса, алкоголя или табака, никогда не сможет использовать жизненную силу столь же полно, как это может сделать человек, ведущий более чистую жизнь. Отдельные люди, ведущие нечистую жизнь, могут быть и бывают сильнее некоторых других людей, которые чище, и причиной этому их карма, но при прочих равных условиях человек, ведущий чистую жизнь, имеет огромное преимущество.

Жизненность — не магнетизм

Жизненность, протекающую вдоль нервов, не следует путать с тем, что мы обычно называем магнетизмом человека, — его собственным нервным флюидом, выделяющимся внутри позвоночника и состоящим из первичной жизненной силы, смешанной с кундалини. Именно этот флюид поддерживает постоянную циркуляцию эфирной материи вдоль нервов, которая соответствует движению крови по сосудам. И как кислород разносится кровью ко всем частям тела, так и жизненность передаётся вдоль нервов этим эфирным потоком. Частицы эфирной части человеческого тела постоянно обновляются, подобно клеткам более плотной его части. Наряду с пищей, которую мы потребляем, и воздухом, которым мы дышим, мы впитываем и эфирную материю, усваиваемую эфирным телом. Эфирная материя постоянно выбрасывается через поры точно так же, как и газообразная материя, так что когда два человека тесно соприкасаются друг с другом, каждый из них неизбежно поглощает множество физических эманаций другого.

Когда один человек месмеризирует другого, оператор усилием воли собирает вместе большое количество своего магнетизма и посылает его внутрь субъекта, выталкивая его нервный флюид и замещая его своим собственным. Поскольку мозг является центром этой нервной циркуляции, это ставит часть тела человека, подвергающуюся воздействию, под контроль мозга манипулятора, и субъект начинает чувствовать то, что желает месмеризатор. Если из мозга реципиента вытеснен его собственный магнетизм, и он заполнен магнетизмом оператора, то

первый может думать и действовать только так, как желает последний, то есть на время он полностью находится под его властью.

Даже когда магнетизёр путем вливания силы пытается лечить человека, наряду с жизненностью он неизбежно передаёт ему многие из своих собственных эманаций. Очевидно, что любое заболевание месмериста легко может перейти таким образом на объект воздействия, но есть и другое, и более важное соображение. Даже если здоровье месмериста совершенно с медицинской точки зрения, у него могут быть заболевания ментальные и нравственные; а поскольку вместе с физическим потоком в субъекта вбрасывается также астральная и ментальная материя месмериста, то такие заболевания тоже часто передаются.*

* Некоторые дальнейшие соображения и рекомендации по применению месмеризма см. в книге автора «Чакры», гл. III. — *Прим. пер.*

Жизненность, подобно свету и теплу, постоянно изливается Солнцем, но часто возникают препятствия, не дающие ей в полном объёме достичь Земли. В холодном и унылом климате, ошибочно называемом «умеренным», слишком часто случается, что целыми днями небо покрыто саваном тяжёлых туч, оказывающих на жизненность то же воздействие, что и на свет — они не полностью перекрывают её проход, но заметно снижают её количество. Потому в пасмурную и мрачную погоду количество жизненности снижается, и у всех живых существ возникает инстинктивная тоска по солнечному свету.

Когда насыщенные жизнью атомы оказываются таким образом рассеяны более редко, человек крепкого здоровья увеличивает свою способность их поглощать и опустошает более широкую область, поддерживая таким образом свои силы на нормальном уровне. Но больные и люди со слабой нервной силой, неспособные делать это, часто очень сильно страдают, и становятся ещё более слабыми и раздражительными, сами не зная почему. По тем же причинам жизненность зимой имеет меньший уровень, чем летом, ведь даже если зимний день оказывается солнечным, что бывает редко, нам всё же приходится пережить длинную и мрачную ночь, в течение которой приходится существовать на запасах жизненности, накопленной в атмосфере за день. Длинный ясный летний день, напротив, так основательно заряжает атмосферу жизненностью, что короткая ночь создаёт лишь небольшую разницу.

Из изучения этого вопроса оккультист не может не признать, что совершенно отдельно от даваемого тепла солнечный свет является одним из важнейших факторов достижения и сохранения совершенного здоровья, отсутствия которого ничто не сможет вполне возместить. А поскольку эта жизненность изливается не только на физический мир, но и на другие, очевидно, что когда во всех других отношениях условия удовлетворительны, эмоции, интеллект и духовность будут в лучшем состоянии под чистым небом с неоценимой помощью солнечного света.

Все цвета этой жизненности — эфирные, но можно видеть, что в их действии наблюдаются некоторые соответствия смыслам, которые несут подобные же цвета в астральном теле. Ясно, что верное мышление и правильные чувства

воздействуют на физическое тело и увеличивают его способность усваивать жизненность, которая столь необходима для его благосостояния. Говорят, что Господь Будда однажды сказал, что первый шаг на пути к нирване — это совершенное физическое здоровье, и несомненно, что лучший способ достичь его — это следовать Благородным Восемеричным Путём, который он указал. «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это всё приложится вам», и даже физическое здоровье.

Глава V

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Погода

Капризы погоды вошли в поговорку, и хотя наблюдение и изучение погодных явлений позволяет нам отваживаться на некоторые ограниченные прогнозы, конечная причина большинства её перемен всё ещё от нас ускользает, и это будет продолжаться до того, пока мы не осознаем, что помимо тепла и холода, излучения и конденсации есть и иные соображения, которые следует принять в учёт. Земля живая; этот шар материи используется в качестве физического тела огромным существом — не адептом, не ангелом, не вообще каким-то высокоразвитым существом, но скорее чем-то вроде гигантского природного духа, для которого всё существование нашей Земли — одно воплощение. Его прежним воплощением была, естественно, Луна, поскольку она была четвёртой планетой предыдущей цепи, и точно так же следующим его воплощением будет четвёртая планета той цепи, которая последует за нашей, когда эволюция нашей земной цепи будет завершена. О природе или характере его эволюции мы можем знать лишь немного, да и отношения к нам она никакого не имеет, ведь для него мы подобны крошечным микробам или паразитам на его теле, и по всей вероятности он даже не сознаёт нашего существования, поскольку ничто из совершаемого нами не достигает масштабов достаточно больших, чтобы на него повлиять.

Для него атмосфера, окружающая Землю, должна быть чем-то вроде ауры, или, скорее, плёнки эфирной материи, которая лишь немного выдаётся за контуры плотного тела человека; и точно так же, как всякая перемена или возмущение в человеке воздействует на эту плёнку эфира, так и любая перемена в состоянии этого духа Земли влияет на её атмосферу. Некоторые из этих изменений должны быть периодическими и регулярными, подобно движениям, происходящим у нас при дыхании, сердцебиении или даже при ходьбе; другие могут быть нерегулярными и случайными, как перемены в человеке, который резко встал и пошёл или пережил всплеск эмоций.

Нам известно, что сильная эмоция, хотя и имеет астральное происхождение, производит химические и температурные изменения в физическом теле человека; и что-либо соответствующее такой эмоции у духа Земли вполне может вызвать

химические изменения в *его* теле и температурные изменения в его ближайших окрестностях. Но температурные изменения в атмосфере приводят к ветру, а если они сильные и резкие — то и к буре; а химические изменения под поверхностью Земли нередко вызывают землетрясения и извержения вулканов.

Никакой оккультист не впадёт в общую ошибку и не станет считать злом такие выбросы, как бури и извержения, только потому что они иногда лишают людей жизни, ибо он знает, что какой бы ни была непосредственная причина, всё происходящее — часть действия великого неизменного закона справедливости, и всё, что ни делается, то к лучшему. Этот аспект явлений природы будет, однако, рассмотрен в одной из следующих глав.

Нельзя отрицать, что люди сильно и разнообразно подвергаются влиянию погоды — это несомненно. Существует общее согласие в том, что мрачная погода действует подавляюще, но в основном это так в силу того факта, что при отсутствии солнечного света ощущается недостаток жизненности, как уже было объяснено. Однако, у некоторых людей дождь, снег или сильный ветер вызывает настоящее удовольствие. Есть в этих возмущениях что-то такое, что создаёт явно приятное ощущение, ускоряющее их вибрации и гармонирующее с основным тоном их природы. Вероятно, это происходит не совсем и даже не в основном из-за физических возмущений — скорее тонкие изменения в ауре духа Земли (создающие это явление или совпадающие с ним) оказываются в симпатии с собственным духом этих людей. Ещё более ярко выраженным примером этого является эффект грозы. Есть множество людей, у которых гроза создаёт непреодолимое чувство страха, совершенно несоразмерное любой физической опасности, которую она может представлять. У других, напротив, гроза вызывает дикое ликование. Несомненно, в создании этих необычных ощущений играет роль воздействие электричества на физические нервы, но истинная их причина лежит глубже.

Эффект, производимый этими разнообразными проявлениями, зависит от темперамента людей, то есть от преобладания в них тех или иных типов элементарной сущности, находящихся в симпатии с теми или иными вибрациями, которые средневековые исследователи обычно называли земными, водными, воздушными и огненными. Точно так же и эффект воздействия на нас разных областей нашего окружения будет больше или меньше в зависимости от содержания в их составе той или иной из этих составляющих. Для человека, который легче всего откликается на земные влияния, первостепенную важность будет иметь природа почвы, на которой построен его дом, но для него будет сравнительно маловажным, есть ли по соседству вода; тогда как человека, легче всего отзывающегося на излучения воды, будет мало заботить почва, коль скоро в пределах видимости или досягаемости есть море или озеро.

Камни

Все природные объекты постоянно излучают на нас своё влияние, даже сама земля, по которой мы ходим. У каждого типа камня или почвы есть свой особый

тип влияния, и разница между ними может быть огромной, так что этими эффектами вовсе нельзя пренебрегать. В создании этих эффектов принимают участие три фактора — жизнь самого камня, разновидность элементарной сущности, свойственной его астральному соответствию, и вид природных духов, которых он привлекает. Жизнь камня — это просто жизнь второго великого излияния, которое достигло стадии одушевления минерального царства, а элементарная сущность — это более поздняя волна той же самой божественной Жизни, которая на один период планетной цепи отстаёт от предыдущей и в своём нисхождении в материю достигла пока что астрального мира. Природные духи принадлежат к совершенно иной эволюции, о которой мы расскажем в должном месте.

Пока же нам следует запомнить то, что каждый вид почвы — будь то гранит, песчаник, мел, глина или лава, оказывает определённое влияние на тех, кто на ней живёт, и влияние это никогда не прекращается. Днём и ночью, летом и зимой, на протяжении многих лет это давление постоянно действует и вносит свой вклад в формирование рас и регионов, как национальных типов, так и индивидуумов. Все эти вещи пока ещё мало понимаются обычной наукой, но несомненно, что со временем эти эффекты станут основательно изучаться, и врачи в будущем будут брать их в расчёт и предписывать своим пациентам перемену почвы так же, как и воздуха.

Там, где есть водоём, будь это озеро, река или море, в игру вводится совершенно новый и отличный набор влияний, мощных в разных отношениях, поистине во всех, но особо сильных и заметных в последнем случае. Здесь опять следует учитывать те же три фактора — жизнь самой воды, проникающую её элементарную сущность, и тип связанных с ней природных духов.

Деревья

Сильные влияния излучаются также и растительным царством, и эффект разных видов деревьев и прочих растений значительно разнится. Не изучавшие специально этот предмет неизменно недооценивают силу, способности и разум, демонстрируемые растительным царством. Я уже писал об этом в своей книге «Христианский символ веры»,* так что не буду здесь повторяться, но хочу привлечь внимание к тому факту, что деревья, особенно старые, обладают сильной и определённой индивидуальностью, вполне заслуживающей названия души. Эта душа, хотя и временная, в том смысле, что не является ещё перевоплощающимся существом, тем не менее обладает заметной силой и разумностью, развитой в особом направлении.

* C. W. Leadbeater, «The Christian Creed», с. 51 (2-е изд.).

У неё есть явные предпочтения, одно ей нравится, а другое — нет, и ясновидящему она отчётливо демонстрирует это живой розовой вспышкой радости от солнца или дождя и явным чувством удовольствия от присутствия тех,

кто ей понравился или с кем у неё есть симпатия в вибрациях. Похоже, Эмерсон осознавал это, поскольку Хаттон в своих «Воспоминаниях» приводит его высказывание о своих деревьях: «Я уверен, что им меня нехватало; они понижают, когда я ухожу, и я знаю, как они оживляются и цветут, когда я возвращаюсь к ним и пожимаю, как руки, их нижние ветви».

Старое лесное дерево является высоким результатом развития растительной жизни, и покидая это царство, оно уже не переходит в низшие формы животной жизни. В некоторых случаях его индивидуальность уже бывает достаточно выражена, чтобы временно проявляться и вне своей физической формы, и когда это так, часто принимает человеческий облик. В других солнечных системах всё может быть иначе, и мы об этом ничего не знаем, но в нашей логос выбрал в качестве проводника высшего разума человеческую форму, чтобы в ней доводить его до того предела совершенства, которого позволяет достичь его схема. И поскольку это так, у низших форм разума всегда имеется склонность стремиться к этой форме, и они по-своему примитивно воображают себя уже имеющими её.

Так и получается, что такие создания, как гномы или эльфы, чьи тела имеют флюидическую природу и состоят из астральной или эфирной материи, которая достаточно пластична, чтобы менять форму под влиянием воли, обычно принимают вид, приближающийся к человеческому. Также и когда душа дерева может выделиться из него и стать видимой, она почти всегда бывает в человеческом облике, который можно наблюдать. Несомненно, это и есть те, кого в античные времена называли дриадами, и тот факт, что такие фигуры иногда появляются, может служить объяснением широко распространённого обычая поклонения деревьям. «*Omne ignotum pro magnifico*» (всё неизвестное принимается за великое); и если первобытный человек видел огромную, степенную человеческую фигуру, выходящую из дерева, он вполне мог в своём невежестве устроить там алтарь и поклоняться ей, нисколько не догадываясь, что сам он стоит гораздо выше её по развитию, и само принятие ею такого образа и есть удостоверение этого факта.

Оккультная сторона инстинкта растений тоже чрезвычайно интересна — их главная цель, как и у некоторых человеческих существ, всегда заключается в том, чтобы образовать семью и продолжить свой род, явно испытывая удовольствие от успеха в этом, от цвета и красоты своих цветов и их способности привлекать пчёл и прочих насекомых. Несомненно, растения чувствуют изливаемое на них восхищение, или когда люди просто им радуются; они чувствительны к человеческой любви и по-своему отвечают взаимностью.

Если всё это учесть, то можно легко понять, что деревья оказывают на людей гораздо большее влияние, чем обычно полагают, и что тот, кто задастся целью установить симпатию и дружественные отношения со *всеми* своими соседями — не только животными и человеческими, но и растительными — сможет получать и отдавать множество такого, о чём средний человек ничего не знает, и таким образом сделать свою жизнь более полной, широкой и совершенной.

Семь типов

Классификация растительного царства, принятая оккультистами, следует семи великим типам, упомянутым в предыдущей главе, посвящённой планетным влияниям, и каждый из них подразделяется на семь подтипов. Если мы попытаемся классифицировать растительное царство, составив таблицу, то линии этого деления будут не горизонтальными, а вертикальными. Здесь деревья не будут занесены в один тип, кустарники — во второй, папоротники — в третий, а травы или мхи — в четвёртый; скорее всего найдутся деревья, кустарники, папоротники, травы и мхи каждого из семи типов, так что в каждом из них будут представлены все ступени восходящей шкалы.

Эту идею можно выразить следующим образом: когда второе излияние готово к нисхождению, перед ним оказываются открыты семь каналов с семью подразделениями в каждом. Любой избранный им канал при прохождении через него придаст этому излиянию свою определённую окраску — набор характерных свойств, которые оно никогда уже полностью не теряет. И хотя, чтобы выразиться, ему требуется материя, принадлежащая ко всем типам, у него всегда будет предпочтение по отношению к собственному типу, и эту принадлежность к типу всегда можно будет легко распознать до тех пор, пока по окончании своей эволюции оно в виде великолепной духовной силы не вернётся к тому логосу, из которого оно первоначально вышло в виде простой неразвитой потенциальности.

Растительное царство — это лишь одна стадия на этом огромном пути, но различные типы в нём различимы точно так же, как и у животных и людей, и у каждого есть своё особое влияние, которое может оказаться успокаивающим или помогающим для одних людей, раздражающим или подавляющим для других и нейтральным для третьих в зависимости от *их собственного* типа и их состояния в данное время. Чтобы определять, к какому типу принадлежат те или иные растения, требуются обучение и практика, но разница в магнетизме, излучаемом дубом и сосной, пальмой и баньяном, оливой и эвкалиптом, розой и лилией, фиалкой и подсолнухом не может не быть очевидной для всякого чувствительного человека. Ощущения от английского леса, тропических джунглей или австралийского буша столь несхожи, что далеки друг от друга, как полюса.

Животные

На протяжении тысяч лет человек проявлял в своей жизни столько жестокости, что все дикие создания боятся и избегают его, так что влияние животного царства на человека практически ограничивается влиянием домашних животных. В наших отношениях с ними наше собственное влияние на них, естественно, является гораздо более мощным, чем их влияние на нас, хотя последнее вовсе нельзя игнорировать. Будучи более развитым, человек, естественно, способен на б`ольшую любовь, чем животное, но любовь животного обычно бывает более концентрированной, и по сравнению с человеком оно гораздо более склонно вкладывать в неё всю свою энергию.

Сам факт более высокого развития человека даёт ему множество интересов, между которыми распределяется его внимание; животное же часто вливает всю силу своей природы в один канал, тем создавая весьма мощный эффект. У человека есть сотня других вещей, о которых ему нужно думать, и поэтому поток его любви не может не быть переменным; а когда сильную привязанность развивает собака или кошка, это наполняет всю её жизнь, и потому на объект любви постоянно воздействует поддерживаемый ею поток силы — фактор, значение которого ни в коем случае нельзя игнорировать.

Точно так же и люди, которые оказываются столь злы, что своей жестокостью провоцируют у домашних животных страх и ненависть, справедливо становятся центрами, в которых сходятся силы антипатии, ведь такое поведение вызывает сильное негодование и у природных духов и прочих астральных и эфирных существ, равно как и у всех справедливо настроенных людей, будь то живых или мёртвых.

Люди

Поскольку глубоко верно, что никому не стоит позволять себе навлекать на себя ненависть своей кошки или собаки, то ясно, что это же соображение с ещё большей силой приложимо к окружающим человеческим существам. Трудно переоценить важность хорошего расположения к человеку тех, с кем он постоянно связан; для учителя — отношения к нему его учеников, для бизнесмена — его служащих, для офицера — подчинённых, и это совершенно помимо очевидных следствий, создающихся в физическом мире. Если человек, занимающий любое из положений, подобных упомянутому, способен активно нравиться своим подчинённым, он становится фокусом, в котором постоянно сходятся многие потоки сил любви и энтузиазма. Это не только даёт ему большой подъём и укрепляет его, но если он знает кое-что о действии оккультных законов, позволяет ему быть полезнее для тех, кому он нравится, и достигать с ними гораздо большего, чем было бы возможно иначе.

Для получения такого результата вовсе не нужно, чтобы они обязательно соглашались с ним во мнении; с тем особым эффектом, который мы изучаем, их умственное отношение вовсе никак не связано — это вопрос сильных, добрых чувств. Если, к несчастью, чувства окажутся противоположного сорта — если человека боятся или презирают, то к нему постоянно устремляются потоки антипатии, что вызывает слабость и разлад в вибрациях его высших проводников и отсекает его от всякой возможности совершать со своими подчинёнными удовлетворительную и плодотворную работу.

И здесь действует не только сила чувства, посылаемого людьми — в астральном мире подобное притягивает подобное так же, как и в физическом. В атмосфере всегда плавают массы смутных мыслей; некоторые из них добрые, а некоторые злые, но все они одинаково готовы усилить какую-либо определённую мысль их собственного типа. Также существуют и природные духи низкого порядка, которые получают удовольствие от грубых вибраций ненависти и гнева и потому

готовы сразу же броситься в любой поток такого рода. Делая это, они усиливают его колебания, вливая туда свежую жизнь. Всё это склоняет к усилению эффекта, создаваемого сходящимися потоками неприятных мыслей и чувств.

Известно, что человека узнают по знакомствам, которые он водит. В значительной степени верно также и то, что и сам он формируется своей компанией, поскольку те, с кем он постоянно связан, всё время бессознательно на него влияют, постепенно всё больше приводя его в гармонию с теми колебаниями, которые они излучают сами. Тот кто много бывает в присутствии людей, мыслящих широко и не по-мирскому, приобретает отличную возможность и самому стать таким же, ибо в этом направлении на него оказывается постоянное, хотя и неощутимое давление, так что ему становится легче расти в этом направлении, чем в каком-нибудь ином. По той же самой причине человек, который праздно проводит время в пивной с бездельниками и порочными людьми, весьма вероятно и сам станет праздным и порочным. Изучение скрытой стороны вещей решительно подтверждает старую пословицу — с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Этот факт огромного влияния близкого контакта с более продвинувшейся личностью хорошо понимают на Востоке, где общепризнанно, что самая важная и эффективная часть подготовки ученика состоит в том, что он должен постоянно жить в присутствии своего учителя и купаться в его ауре. Все проводники учителя постоянно и мощно вибрируют на частотах, которые и выше, и стабильнее тех, которые пока что способен поддерживать ученик, хотя на несколько мгновений он и может их достигать. Но постоянное давление более сильных мысленных волн учителя постепенно поднимает вибрации ученика до того же тона. Человеку, у которого слабый музыкальный слух, оказывается трудно брать верные ноты в одиночку, но когда он поёт вместе с другим, более сильным голосом, который уже хорошо тренирован, его задача становится легче. Это может служить чем-то вроде грубой аналогии.

Немаловажный момент здесь в том, что доминирующая нота учителя звучит всегда, так что ученик подвергается её воздействию день и ночь без всякого особого усилия с обеих сторон. Конечно же, в проводниках ученика, как и у любого другого человека, непрерывно идёт рост и происходят изменения, но мощные колебания, исходящие от учителя, позволяют этому росту легко идти в правильном направлении, и чрезвычайно затрудняют ему возможность идти каким-либо иным образом, подобно тому, как шины, наложенные на сломанную конечность, обеспечивают её правильное срастание и помогают избежать искривления.

Никакой обычный человек, действуя автоматически и без всякого намерения, не может оказать даже сотой части тщательно направленного влияния духовного учителя, но множество таких людей может в некоторой мере компенсировать этот недостаток индивидуальной силы. Таким образом непрерывное, хотя и незаметное давление, оказываемое на нас мнениями и чувствами тех, кто рядом с нами, часто заставляет нас без нашего ведома усваивать многие из их предрассудков. Человеку очень нежелательно всегда оставаться среди одних и тех же людей и всё время слышать одни и те же мнения. Настоятельно необходимо знать что-то и о других взглядах, ведь только так можно научиться видеть

хорошее во всём. Лишь основательно понимая позиции обеих сторон в каждом деле, можно составить мнение, которое заслуживает хоть какое-то право называться настоящим суждением. Предвзятый человек обязательно и всегда оказывается невеждой, и единственный возможный для него способ рассеять своё невежество — выйти из своего маленького узкого круга и учиться смотреть на вещи самостоятельно, стараясь увидеть их такими, каковы они есть, а не такими, какими представляют их те, кто ничего о них не знает.

Путешествия

Степень, в которой влияют на нас окружающие люди, можно осознать, лишь на время поменяв это окружение, и самый действенный метод сделать это — отправиться в другую страну. Но путешествовать по-настоящему — это не проноситься галопом из одного гигантского караван-сарая в другой, общаясь лишь со своими соотечественниками и брюзжа по поводу любых обычаев, отличающихся от обычаев нашего «маленького Пэдлингтона». Скорее, это значит спокойно пожить в стране на протяжении некоторого времени, стараясь по-настоящему узнать и понять её народ, изучать обычаи и выяснять, почему они появились и что в них есть хорошего, вместо того, чтобы с ходу осуждать их только потому, что они не наши собственные. Человек, путешествующий так, скоро распознает характерные черты разных народов и поймёт фундаментальные различия между англичанином и ирландцем, индийцем и американцем, бретонцем и сицилийцем, в то же время сознавая, что на них следует смотреть не с точки зрения того, кто из них лучше, а кто хуже, но как на разные цвета, составляющие одну радугу, как на разные движения, которые все необходимы в качестве партий великой оратории жизни.

У каждой расы* есть своя роль по предоставлению эволюционных возможностей для тех «я», которым требуется именно её влияние, и которым недостаёт именно её характеристик. За каждой расой стоит могущественный ангел, расовый дух, который под руководством Ману сохраняет её особые качества и ведёт её по предначертанному для неё пути. Когда в схеме эволюции появляется потребность в новом типе темперамента, рождается новая раса, а когда все «я», которым эта раса могла принести пользу, проходят через неё, она вымирает. Влияние расового духа основательно проникает страну или область, на которую простирается его власть, и естественно, это является фактором величайшей важности для любого путешественника, который хоть сколько-нибудь чувствителен.

* Значение слова «раса» в английском языке более широкое, чем в русском, и это слово там может значить вообще «народ». Так что здесь могли иметься в виду не коренные расы, а подрасы нашей пятой коренной расы — кельтская, англо-саксонская и т. д. — *Прим. пер.*

Обычный турист слишком часто бывает заключён в тройную броню агрессивных расовых предрассудков; он столь полон чувства превосходства по поводу предполагаемых достоинств его собственной нации, что неспособен увидеть хорошее ни в какой другой. Но более мудрый путешественник, охотно

открывающий своё сердце действию высших сил, может получить из этого источника много ценного и поучительного опыта. Но для этого он должен сначала сам развить верное отношение; он должен быть готов скорее слушать, чем говорить, учиться, а не хвастаться, ценить, а не критиковать, и стараться понять, а не поспешно осуждать.

Достижение такого результата — истинная цель путешествий, и у нас есть для этого лучшие возможности, чем предоставлялись нашим праотцам. Методы сообщения сейчас настолько усовершенствовались, что теперь почти каждый может совершать быстрые и недорогие путешествия, что было совершенно невозможно столетие назад, кроме как для богатых классов, располагавших досугом. Вместе с этими возможностями сообщения пришло и широкое распространение новостей из-за рубежа посредством телеграфа и газет, так что даже те, кто фактически не покидают свою страну, всё же знают о других гораздо больше, чем это было возможно раньше. Без всех этих возможностей у нас не было бы Теософического Общества, или по крайней мере, оно не могло бы иметь своего нынешнего характера и достичь своей нынешней эффективности.

Первая цель Теософического Общества — способствовать всеобщему братству, и ничто так не помогает установлению братских чувств между народами, как полное и непрекращающееся общение между ними. Когда народы знают друг о друге только по слухам, вырастают все виды абсурдных предрассудков, но зная друг друга близко, каждый находит в представителях другого в конечном счёте таких же человеческих существ, как и он сам, с теми же целями и интересами, теми же радостями и печалью.

В прежние времена каждая нация в значительной мере жила в состоянии эгоистической изоляции, и когда на какую-либо из них обрушивалась какая-то беда, у неё обычно не было ресурсов, на которые можно было бы полагаться, кроме своих собственных. Теперь же весь мир так тесно соединён, что в случае голода в Индии помощь присылают из Америки, а если одну из стран Европы опустошает землетрясение, сбор средств для пострадавших сразу же производится во всех других. Как бы это ни было ещё далеко от совершенного осуществления всемирного братства, ясно, что мы по меньшей мере движемся по направлению к нему. Мы ещё не научились полностью доверять друг другу, но по крайней мере готовы друг другу помогать, а это уже большой шаг на пути к тому, чтобы стать действительно единой семьёй.

Мы знаем, как часто рекомендуют путешествия в качестве средства от многих физических болезней, особенно тех, которые проявляются в разных формах нервных расстройств. Многие из нас находят их утомительными, но всё же нельзя отрицать их оживляющий эффект, хотя мы не всегда сознаём, что причиной его не только перемена воздуха и обычных физических впечатлений, но и смена эфирных и астральных влияний, которые связаны с каждым местом и областью.

У океана, гор, леса, водопада, — у всего есть свой особый тип жизни, как видимой, так и астральной и эфирной, и потому свой особый набор влияний и впечатлений. Многие из связанных с ними невидимых существ излучают жизненность, или, во всяком случае, вибрации, которые пробуждают ещё

неосвоенные части нашего эфирного двойника, а также наших астральных и ментальных тел. Так что эффект оказывается подобным тому, что наблюдается при упражнении мускулов, которые обычно не бывают активны — во время тренировки несколько утомительный, но определённо здоровый и желательный в дальней перспективе.

Городской житель привык к окружающей обстановке, и обычно не сознаёт, насколько она ужасна, пока на время её не оставит. С астральной точки зрения, жить на шумной деловой улице — всё равно, что жить на берегу открытого канализационного стока — реки отвратительной грязи, которая всё время распространяет зловоние и вредоносные брызги. Никакой человек, каким бы невпечатлительным он ни был, не может выдерживать это без определённого вреда для себя, и выезжать время от времени на природу — необходимость с точки зрения как физического, так и нравственного здоровья. Уезжая из города, мы также в значительной мере оставляем позади бурное море борющихся человеческих страстей и трудов, а те человеческие мысли, которые продолжают действовать на нас, обычно оказываются менее эгоистичного и более возвышенного характера.

В присутствии одного из великих чудес природы, таких как Ниагарский водопад, почти каждый временно удаляется от себя обыденного, от круга ежедневных забот и эгоистичных желаний. Его мысль таким образом становится благороднее и шире, и мыслеформы, которые он оставляет на своём пути, соответственно становятся менее беспокоящими и более полезными. Эти соображения ещё раз показывают очевидность того, что чтобы извлечь из путешествия максимум пользы, человек должен уделять внимание природе и позволять ей на него действовать. Если он всё время находится в футляре эгоистичных и мрачных мыслей, сокрушён финансовыми неприятностями, или размышляет о своей слабости и болезни, то от целительных влияний будет мало пользы.

Есть и ещё один момент — некоторые места проникнуты особыми типами мысли. Рассмотрение этого вопроса скорее относится к другой главе, но мы коснёмся здесь его настолько, чтобы упомянуть, что умственный настрой, в котором люди обычно посещают какое-либо место, сильно воздействует и на всех других посетителей. Популярные морские курорты Англии имеют атмосферу, наполненную жизнерадостностью и беззаботностью, определённым чувством праздника, временной свободы от дел и стремления получить от этого максимум, влияния которой трудно избежать. Таким образом, переутомлённый и слишком много работавший человек, который проводит свой заслуженный отпуск в таком месте, получает совсем другой результат в сравнении с тем, как если бы он просто спокойно оставался дома. Такое соседство было бы, возможно, менее утомительным, но и гораздо менее стимулирующим.

Предпринять загородную прогулку — это всё равно что совершить путешествие в миниатюре, и чтобы оценить её оздоровительный эффект, мы должны учесть всё ранее сказанное о различных вибрациях, исходящих от разных видов деревьев и прочих растений, и даже от разных типов почв и камней. Все они подобно массажу воздействуют на эфирные, астральные и ментальные тела, облегчая

напряжение, постоянно налагаемое на некоторые части этих проводников заботами повседневной жизни.

Проблески истины касательно этих вещей иногда можно извлечь из традиций крестьян. Например, у них существует распространённое верование, что если спать под сосной головой на север, можно получить прилив сил. В некоторых случаях это так, и рациональное объяснение этого состоит в том, что по поверхности Земли всегда текут магнетические потоки, совершенно неизвестные обычным людям. Нежным, но неослабным давлением они постепенно как бы расчёсывают запутанные места и укрепляют частицы как астрального тела, так и эфирной части физического, таким образом приводя их в б`ольшую гармонию и давая отдых и покой. Роль сосны здесь, во-первых, в том, что её излучения делают человека чувствительным к этим магнетическим потокам, приводя его в то состояние, при котором они могут на него воздействовать, и во вторых (как уже объяснялось) — в постоянном испускании жизненности в том особом виде, в котором человеку её легче всего усвоить.

Глава VI

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ДУХОВ

Отдельная эволюция

Ещё одним фактором, оказывающим на нас огромное влияние, хотя и при некоторых ограничивающих условиях, являются природные духи. Природных духов страны можно в некотором смысле считать её исконными обитателями, изгнанными из многих её частей вторжением людей, подобно тому, как ими были изгнаны и дикие животные. Точно так же, как эти животные, природные духи всецело избегают больших городов и людных мест, так что там их действие сводится к пренебрежимо малому количеству. Но в тихих сельских местностях, среди лесов и полей, на горах или в море, природные духи постоянно присутствуют, и хотя они редко показываются на глаза, их влияние мощное и всепроникающее, подобно наполняющему воздух аромату фиалок, скромно спрятавшихся среди листьев.

Природные духи составляют отдельную эволюцию, на данной стадии совершенно отличную от человечества. Нам известен путь, пройденный вторым излиянием через три элементарных царства вниз к минеральному и далее вверх через растительное и животное к достижению индивидуальности на человеческом уровне. Мы знаем, что после того, как эта индивидуальность достигнута, раскрытие человеческих качеств постепенно ведёт нас к этапам Пути, а далее выше — к адептству и великолепным возможностям, простирающимся за ним.

Это наша линия развития, но мы не должны впадать в ошибку, думая, что она единственная. Даже в этом нашем мире божественная жизнь стремится вверх

несколькими потоками, из которых наш — всего лишь один, и в численном отношении далеко не самый важный. Нам легче будет это осознать, если мы вспомним о том, что в то время как человечество в физическом проявлении занимает лишь малую часть земной поверхности, существа соответствующего уровня других линий эволюции не только населяют Землю более густо, чем люди, но в то же время населяют и огромные равнины моря и области воздуха.

Линии эволюции

На нынешней стадии мы находим эти потоки движущимися параллельно друг другу, но временно совершенно раздельно. Природные духи, например, никогда не были и не будут членами человечества, подобного нашему, хотя пребывающая в них жизнь исходит от того же солнечного логоса, что и наша, и подобно нашей к нему и вернётся. До минерального уровня эти потоки можно грубо считать текущими бок о бок, но по мере того, как они поворачивают на восходящую дугу эволюции, начинает проявляться расхождение. Естественно, эта стадия «металлизации» является той самой, на которой жизнь глубже всего погружена в физическую материю, но в то время как некоторые потоки сохраняют физические формы на протяжении нескольких дальнейших стадий, делая эти формы всё в большей степени выражением пребывающей внутри них жизни, другие потоки сразу же начинают отбрасывать самые грубые виды материи, и для завершения своего раскрытия в этом мире используют лишь тела, состоящие из эфирной материи.

Например, один из этих потоков по завершении той стадии своего развития, на которой он составляет часть минеральной монады, вместо перехода в растительное царство принимает проводники из эфирной материи, которыми населяет внутренность Земли, фактически живя внутри твёрдой скальной породы. Многим изучающим бывает трудно понять, как это какие-либо существа могут населять вещество камня или земную кору. Дело в том, что для существ, обладающих телами из эфирной материи, вещество камня не составляет препятствия ни передвижению, ни зрению. В действительности, физическая материя в твёрдом состоянии — естественный для них элемент, единственный, к которому они привыкли и в котором они чувствуют себя, как дома. Нам нелегко понять эти неопределённые низкоразвитые жизни, действующие в аморфных эфирных проводниках, но так или иначе они постепенно развиваются до той стадии, на которой они, хотя ещё и населяя твёрдые скалы, живут уже ближе к поверхности Земли, а не в её глубинах, а более развитые из них уже способны иногда ненадолго от неё отделяться.

Этих существ иногда видят, и пожалуй, чаще слышат в шахтах и пещерах, а в средневековой литературе их часто описывали как гномов. Эфирная материя их тел при обычных условиях невидима для физических глаз, так что когда их наблюдают, происходит одно из двух: либо они материализуются, собирая вокруг себя покров физической материи, либо наблюдатель должен испытать рост чувствительности, который позволит ему реагировать на длины волн высших эфиров и увидеть то, что обычно за пределами его восприятия.

Небольшое временное возбуждение необходимой для этого способности не такая уж редкость, и достичь этого нетрудно, а с другой стороны, для существ, которые находятся лишь немного за пределами видимости, материализация оказывается нетрудной. Так что они должны бы наблюдаться гораздо чаще, чем это бывает, если бы не их глубоко укоренившаяся неприязнь к близости человеческих существ, которую они разделяют со всеми разновидностями природных духов, кроме самых низших. Следующий этап их продвижения переводит их в то подразделение, которое обычно называют феями — это тот тип природных духов, которые обычно живут на земной поверхности, как и мы, хотя пользуются лишь эфирным телом. После него они проходят через разряд духов воздуха в царство дэв способом, который будет объяснён ниже.

Жизненная волна, находящаяся на минеральном уровне, проявляется не только через породы, из которых состоит твёрдая кора Земли, но и через океанские воды; и как первая может проходить через низкие эфирные формы жизни (пока что неизвестные человеку) в недрах Земли, так и последняя может проходить через соответствующие эфирные формы, обитающие в глубинах океанов. В этом случае следующая стадия эволюции переносит её представителей в более определённые, хотя всё ещё эфирные формы, населяющие средние глубины и очень редко показывающиеся на поверхности. Третья стадия для них (соответствующая у духов камня стадии фей) заключается в том, чтобы присоединиться к огромному сонму водных духов, покрывающих своей радостной жизнью обширные равнины океана.

Можно видеть, что принимая тела, состоящие только из эфирной материи, существа, следующие этим линиям развития, полностью избегают прохождения растительного и животного царств, равно как и человеческого. Однако, есть и другие типы природных духов, которые проходят через оба этих царства, прежде чем их путь начнёт расходиться с нашим. В океане, например, есть поток жизни, который, покинув минеральный уровень, касается растительного царства в форме водорослей, а затем через кораллы, губки и гигантских головоногих средних глубин поднимается до обширной семьи рыб, и только после этого пополняет ряды водных духов.

Можно видеть, что они сохраняют плотное физическое тело в качестве проводника до гораздо более высокого уровня, и аналогично этому нами было замечено, что феи суши набираются не только из рядов гномов, но и из менее развитого слоя животного царства, поскольку мы обнаруживаем линию развития, которая лишь касается растительного царства в виде крошечных грибков, и далее проходит через бактерии и микроорганизмы разных видов, а потом через насекомых и пресмыкающихся — в красивую семью птиц, и только после многих воплощений среди них присоединяется к ещё более радостному племени фей.

Ещё один поток уходит в эфирную жизнь на промежуточной точке, поскольку проходя через растительное царство в виде трав и злаков, он отворачивает отсюда в животное царство, где проводится через любопытные сообщества муравьёв и пчёл, а отсюда уходит через ряд эфирных существ, близко соответствующих последним. Этих природных духов, подобных колибри, постоянно можно видеть возле цветов и растений, и они играют большую роль в образовании их многообразных

разновидностей — их игривость часто используется в процессах приспособления и помогает росту растений.

Однако здесь, во избежание путаницы, необходимо обратить внимание на разницу. Эти маленькие создания, присматривающие за цветами, могут быть разделены на два больших класса, хотя внутри каждого, конечно же, есть множество разновидностей. Представителей первого класса будет правильно назвать элементарными, поскольку какими бы красивыми они ни были, в действительности они — лишь мыслеформы, а потому не являются по-настоящему *живыми* существами. Пожалуй, лучше будет сказать, что они лишь временно живые существа, ведь хотя они очень активны и заняты на протяжении своих коротких жизней, в них нет настоящей эволюционирующей, перевоплощающейся жизни, и выполнив свою работу, они просто распадаются на части и растворяются в окружающей атмосфере, в точности как и наши собственные мыслеформы. Они — мыслеформы, созданные великими существами, дэвами (или ангелами), в ведении которых находится эволюция растительного царства.

Когда у кого-нибудь из этих дэв появляется новая идея, связанная с каким-нибудь видом растений или цветов, находящимся в его ведении, он часто создаёт мыслеформу, имеющую особое назначение — проведение этой идеи в жизнь. Она обычно принимает вид либо эфирной модели самого цветка, либо маленького существа, висящего возле цветка или растения всё время, пока формируются бутоны, и постепенно придаёт им задуманные дэвой цвет и форму. Но как только растение полностью вырастет, или раскроется цветок, его работа закончена, сила исчерпана и, как я уже сказал, оно просто растворяется, потому что единственной душой, которой оно обладало, была воля выполнить эту работу.

Но есть и совершенно иной вид маленьких существ, которых часто можно видеть играющими с цветами, и это-то и есть настоящие природные духи. Их тоже бывает множество разновидностей. Одна из самых распространённых форм, как я уже сказал, чем-то очень напоминает крохотную колибри, и можно часто наблюдать этих существ снующими вокруг цветов во многом так же, как делают это колибри или пчёлы. Эти прекрасные маленькие существа никогда не станут людьми, потому что находятся не на той же линии эволюции, что и мы. Одушевляющая их сейчас жизнь прошла через травы и злаки, такие как пшеница и овёс, когда поднималась через растительное царство, а затем — через муравьёв и пчёл, когда была в животном. Теперь она достигла уровня этих крохотных природных духов, а на следующей стадии будет одушевлять некоторых из прекрасных фей, живущих в эфирных телах на поверхности Земли. Позже они станут саламандрами или огненными духами, а затем — сильфами, или духами воздуха, имея лишь астральные тела вместо эфирных. Ещё позже они пройдут через разные стадии великого царства дэв.

Перекрытие

При переходе волны жизни из одного царства в другое во всех случаях возможны широкие вариации, и царства в значительной мере между собой перекрываются. Пожалуй, яснее всего это можно увидеть в нашей собственной линии эволюции, ведь мы обнаруживаем, что жизнь, достигшая высшей части растительного царства, вовсе никогда не переходит в низшую часть животного царства, но напротив, присоединяется к нему на довольно продвинутой стадии. Позвольте мне напомнить пример, который я уже приводил — жизнь, одушевляющая одно из наших огромных лесных деревьев, никогда не может спуститься до того, чтобы одушевлять рой комаров, или даже семейство крыс, мышей, или других подобных маленьких зверюшек — последние будут вполне подходящими формами для той части жизненной волны, которая оставила растительное царство на уровне ромашек или одуванчиков.

По лестнице эволюции нужно взбираться во всех случаях, но похоже, что высшая часть одного царства в значительной мере как бы тянется параллельно низшей части следующего, более высокого царства, так что переход из одного в другое в разных случаях оказывается возможен на разных уровнях. Тот поток жизни, который вступает в человеческое царство, полностью избегает низших стадий животного; то есть жизнь, которая вскоре поднимется до человечества, никогда не проявляется через насекомых и пресмыкающихся. В прошлом она иногда вступала в животное царство на уровне огромных допотопных рептилий, но теперь она из высших форм растительной жизни проходит прямо в млекопитающих. Аналогично, когда индивидуализуются наиболее продвинувшиеся из домашних животных, им не нужно будет для своего первого человеческого воплощения спускаться в форму дикого первобытного человека.

На приведённой диаграмме в удобной форме показаны некоторые из этих линий развития, но её не следует считать в каком-либо смысле исчерпывающей, поскольку нет сомнений, что существуют и другие линии, которые пока что не открыты, и конечно же, на разных уровнях есть все виды возможностей и вариаций перехода с одной линии на другую, так что всё, что мы можем сделать — это лишь набросать общие контуры схемы эволюции.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЗНИ

Как можно видеть из диаграммы, на более поздней стадии все линии эволюции снова сходятся — по крайней мере нашему неясному взгляду не видится различий в великолепии среди этих Великих, хотя, вероятно, знай мы больше, наша диаграмма была бы полнее. Во всяком случае нам известно, что во многом так же, как человеческое царство находится выше животного, за пределами и выше человеческого находится великое царство дэв, и что возможность вступить в него является одним из семи путей, открывающихся перед адептом. Это самое царство также является следующим этапом для природных духов, и здесь мы имеем ещё

один пример уже упомянутого перекрытия, поскольку адепт присоединяется к этому царству на высоком уровне, полностью пропуская три низшие его стадии, тогда как следующим шагом в прогрессе высшего типа природных духов будет переход в низший класс дэв; таким образом они начнут с самого низа этой лестницы, вместо того, чтобы вступить на неё уже на уровне половины пути.*

* О семи путях см. книгу Ч. Ледбитера «Учителя и путь», гл. X, и «Трактат о семи лучах» А. Бэйли, т. V, ч. II. — *Прим. пер.*

Именно при присоединении к царству дэв природный дух получает божественную искру третьего излияния и достигает таким образом индивидуальности, в точности как делает это животное, переходя в человеческое царство. Дальнейшее сходство здесь в том, что как животное обретает индивидуализацию только через контакт с человечеством, так природный дух приобретает её через контакт с дэвой, через привязанность к нему и работу для него, чтобы доставить ему удовольствие, пока наконец сам не научится выполнять работу дэвы.

Потому высокоразвитый природный дух — не в точности эфирный или астральный человек, ибо он ещё не индивидуальность. Однако, он гораздо больше, чем просто эфирное или астральное животное, потому что его интеллектуальный уровень гораздо выше всего того, что мы встречаем в животном царстве, и на самом деле во многих отношениях равен уровню среднего человека. С другой стороны, некоторые из разновидностей духов, находящиеся на ранних этапах, обладают лишь ограниченным количеством разума и представляются равными в нём с колибри, пчёлами или бабочками, на которых они столь похожи. Как мы увидели из диаграммы, это одно наименование, природные духи, покрывает большой сегмент дуги эволюции, включая стадии, соответствующие целым царствам — растительному и животному, и доходит почти до уровня, соответствующего нынешнему развитию нашего человечества.

Некоторые из низших их представителей не услаждают эстетических чувств, но ведь то же верно и относительно низших видов рептилий и насекомых. Есть неразвитые племена с грубыми вкусами, и естественно, их облик соответствует стадии их эволюции. Бесформенные массы с огромными зияющими красными пастьми, живущие на отвратительных эфирных эманациях крови и разлагающейся плоти, противны и для чувств, и для зрения всякого человека, мысли которого чисты; таковы же и хищные красно-коричневые ракоподобные существа, висающие над домами с дурной славой, и жестокие осьминоγοподобные монстры, ликующие над оргиями пьяниц и пирующие алкогольными эманациями. Но даже эти гарпии не злы сами по себе, хотя и отвратительны для человека; и человек никогда не соприкоснётся с ними, если сам не опустится до их уровня, став рабом своих низших страстей.

Лишь природные духи этих и других подобных примитивных и неприятных видов добровольно приближаются к среднему человеку. Другие духи подобного же сорта, но чуть менее материальные, получают приятные ощущения, купаясь в любых особенно грубых астральных излучениях, таких как производимые гневом, жадностью, жестокостью, ревностью и ненавистью. Люди, поддающиеся таким

чувствам, вынуждены всегда быть в окружении этих стервятников астрального мира, которые приходят в радостный трепет и испытывают ужасающее веселье в предвкушении очередного выброса страстей, отпихивая друг друга, и по-своему, слепо, делают всё возможное, чтобы спровоцировать или усилить его. Трудно поверить, что такие ужасы принадлежат к тому же царству, что и весёлые и забавные духи, которые будут описаны далее.

Феи

Вид природных духов, лучше всего известный человеку — это феи, которые обычно живут на поверхности земли, хотя, поскольку их тела состоят из эфирной материи, по желанию могут проникать и в почву. Их формы многочисленны и разнообразны, но чаще всего имеют человеческий облик, несколько уступая человеку в размерах, причём обычно какая-нибудь черта или часть тела у них бывает гротескно преувеличена. Эфирная материя пластична и легко формируется силой мысли, так что они способны по своей воле принимать почти любой вид, но тем не менее у них есть определённые собственные формы, принимаемые ими, когда они не задаются особой целью принять какую-то другую и потому не прилагают своей воли, чтобы добиться такого изменения. Также у них есть собственные цвета, отмечающие разницу между их видами и племенами, подобно тому, как птицы отличаются оперением.

Среди них есть бесчисленное множество подразделений или рас, и их представители разнятся в разуме и характере точно так же, как и человеческие существа. Опять же подобно тому, как у людей, эти расы населяют разные страны, или иногда разные области одной страны, и представители одной расы склонны держаться вместе, так же как и люди одной нации. В целом они распространены так же, как и другие царства природы — подобно птицам, из которых развились некоторые из них, некоторые свойственны для одной страны, другие обычны в одной стране и редки в других, а третьих можно встретить почти повсюду. И опять же, как и в случае птиц, для них в целом будет верно, что наиболее ярко окрашенные виды встречаются в тропических странах.

Региональные типы

Доминирующие в разных частях света типы обычно легко различимы и в каком-то смысле характерны; возможно, что их влияние с течением веков постепенно наложило отпечаток на живших рядом людей, животных и растения, так что может быть, это природные духи задают моду, а другие царства бессознательно ей следуют? Например, нет более разительного контраста, чем между живыми, весёлыми, оранжево-пурпурными или ало-золотистыми человечками, танцующими среди виноградников Сицилии и почти печальными серо-зелёными существами, которые куда более степенно перемещаются среди дубов и поросших дроком пустошей Бретани или золотисто-коричневого «народца», который водится на склонах холмов Шотландии.

В Англии, пожалуй, наиболее обычной бывает зелёная разновидность, и я также видел её в лесах Франции и Бельгии, в далёком Массачусетсе и на берегах реки Ниагара. Обширные равнины Дакоты населены чёрно-белым видом, которого я больше нигде не видел, а Калифорния может радоваться красивому бело-золотистому, который тоже представляется уникальным.

В Австралии самый частый тип — это весьма примечательные существа удивительного светлого небесно-голубого цвета, но между эфирными обитателями Нового Южного Уэльса или Виктории и тропического Северного Квинслэнда существует значительное различие — последние сильно приближаются к индонезийским. Особенно богата этими грациозными созданиями Ява, и наиболее распространены там два различных типа, причём оба одноцветные — один синий с слабым металлическим блеском, а другой окрашен всеми известными тонами жёлтого — это причудливо, но удивительно эффектно и притягательно.

Одна из поразительных тамошних разновидностей неуклюже покрыта чередующимися жёлтыми и зелёными полосами, подобно форме некоторых футболистов. Этот полосатый тип, возможно, является особенностью этой части света, поскольку на Малайском полуострове я видел подобное же сочетание красного и жёлтого, а по другую сторону пролива, на Суматре, — зелёного и белого. Этот огромный остров также может радоваться обладанию племенем духов красивого цвета бледного гелиотропа, которых до этого я видел только на Шри Ланке. В Новой Зеландии есть их тёмно-голубая разновидность испещренная серебряным, тогда как на островах Южных Морей встречается серебристо-белый вид, переливающийся всеми цветами радуги, подобно фигурам из перламутра.

В Индии мы обнаруживаем все их виды, от нежно-розового с бледно-зелёным, или бледно-голубого с светло-жёлтым в холмистой части страны до богатых сочетаний ярких цветов, почти что кричащих в своём изобилии, что характерно для равнин. В некоторых частях этой удивительной страны я видел чёрно-золотистый тип, обычно больше ассоциирующийся с африканской пустыней, а также вид, напоминающий статуэтки, сделанные из блестящего малинового металла, каким был орихалк атлантов.

В чём-то родственен этому последнему любопытный вид, представители которого выглядят так, будто они отлиты из бронзы и отполированы; его домом, похоже, становятся ближайшие окрестности вулканов, поскольку единственные места, где мне пока что приходилось их видеть — это склоны Везувия и Этны, внутренняя часть Явы, Сандвичевы острова, Йеллоустонский парк в Северной Америке и определённая часть Северного Острова Новой Зеландии. Некоторые признаки, похоже, приводят к заключению, что это реликты примитивного типа, представляющие собой нечто вроде промежуточной стадии между гномами и феями.

В некоторых случаях близко расположенные области оказывались населены совершенно разными классами природных духов; например, как уже упоминалось, для Бельгии обычны изумрудно-зелёные эльфы, но в сотне миль оттуда, в Голландии, вряд ли можно увидеть хоть одного из них, и их место занимает степенно выглядящий тёмно-пурпурный вид.

На священной горе в Ирландии

Любопытно, что высота над уровнем моря, похоже, влияет на их распределение, и обитатели гор редко смешиваются с обитателями равнин. Я хорошо помню, как поднимаясь на Слив-намон, одну из традиционно священных гор Ирландии, заметил вполне определённые демаркационные линии между различными типами. Нижние склоны, подобно и окружающим равнинам, были оживлены очень активным и шаловливым красно-чёрным народцем, которым кишит весь юг и запад Ирландии. Особенно его притягивают магнетические центры, около двух тысяч лет назад основанные магами-жрецами древней милезской расы, чтобы обеспечить и распространить своё влияние на народ, держа его под воздействием великой иллюзии. Однако, после полудня восхождения ни одного из его представителей не видно, но вместо них склон населён более нежным коричнево-голубым типом, который с очень давних пор хранил верность Туатха-де-Данаану.*

* Так назывался народ, ранее населявший Ирландию, но потом покорённый упомянутыми милезийцами, как объясняет автор во II томе книги «Внутренняя жизнь». — *Прим. пер.*

У них тоже была своя зона с определёнными границами, и ни один дух любого из этих типов никогда не отваживался вступить в пространство, окружающее вершину, посвящённую великим зелёным ангелам, бдящим там более двух тысяч лет и защищающим один из центров живой силы, соединяющих прошлое этой мистической страны Эрин с будущим. Намного превышающие рост человека, эти гигантские фигуры, по цвету напоминающие первые весенние листья, мягкие, сияющие, мерцающие, неопишуемые, смотрят на мир своими удивительными глазами, которые светят, как звёзды, полные мира живущих в вечном и со спокойной уверенностью знания ожидающие назначенного срока. Увидев подобное зрелище, в полной мере осознаёшь силу и важность скрытой стороны вещей.

Но в действительности она редко остаётся скрытой, ибо различные влияния бывают столь сильны и отчётливы, что всякий человек, хоть немного чувствительный, не может их не заметить, и вовсе не безосновательны местные предания, говорящие, что тот, кто проведёт ночь на вершине этой горы, утром проснётся либо поэтом, либо безумцем. Поэтом, если он окажется способен откликнуться на возвышение всего его существа, вызываемое огромным магнетизмом, подействовавшим на него, пока он спал; и безумцем, если он окажется недостаточно силён, чтобы выдержать это напряжение.

Жизнь и смерть у фей

Продолжительность жизни разных подразделений природных духов варьируется в значительной степени — у некоторых она очень коротка, а у других — намного больше, чем срок нашей человеческой жизни. Всеобщий принцип перевоплощения

соблюдается и в их существовании, хотя условия, естественно, делают его действие несколько иным. У них нет явлений, соответствующих нашему рождению и росту; фея появляется в своём мире уже большой, как делают некоторые насекомые. Она живёт своей жизнью, будь то длинной или короткой, не проявляя никаких признаков усталости и не нуждаясь в отдыхе, и с годами не выказывая никаких видимых знаков старения.

Но наконец приходит время, когда её энергия, похоже, исчерпывается, и она в некотором роде устаёт от жизни; когда это случается, её тело становится всё более и более бесплотным и прозрачным, пока она не становится астральным существом, чтобы некоторое время пожить в астральном мире среди духов воздуха, представляющих для неё следующую стадию развития. На протяжении этой астральной жизни она постепенно затухает, отходя назад в свою групповую душу, в которой (если она достаточно развита) может иметь некоторое сознательное существование, прежде чем циклический закон вновь подействует на эту групповую душу, вызвав в ней желание отделения. Когда это случается, его давление вновь обращает поток её энергии вовне, и это желание, действуя на пластичную астральную и эфирную материю, материализует тело подобного же типа, подходящее для выражения развития, достигнутого в прошлой жизни.

Потому рождение и смерть для природных духов гораздо проще, чем для нас, и смерть у них свободна от всяких горестных мыслей. В действительности, вся их жизнь кажется проще — радостное, безответственное существование, во многом напоминающее время, которое компания счастливых детей могла бы провести в исключительно благоприятной физической обстановке. У природных духов нет пола, так что они свободны от самой плодovитой из причин человеческих страданий. У них может быть глубокая привязанность, и они способны поддерживать близкую и долгую дружбу, от которой получают непреременную радость. Ревность и гнев у них возможны, но, похоже быстро затухают благодаря той захватывающей радости от всех действий природы, которая является их самым выдающимся свойством.

Их удовольствия

Они ликуют в свете и сиянии солнца, но с равным удовольствием танцуют и при лунном свете; они разделяют удовлетворение жаждущей земли, цветов и деревьев, когда чувствуют струи дождя, но так же счастливы, играя с падающими снежниками; они довольно плывут в спокойствии летнего дня и пируют в порывах ветра. Они не только с силой, которую немногие из нас могут понять, восхищаются красотой цветка или дерева, тонкостью его цвета или изяществом формы, но с живым интересом и глубокой радостью принимают участие во всех процессах природы — сокодвижении, раскрытии бутонов, формировании и опадании листьев. Естественно, этой их чертой пользуются Великие, управляющие эволюцией, и природные духи используются, чтобы помогать в смешивании цветов и создании новых вариаций. Они также уделяют много внимания жизни птиц и насекомых, высиживанию яиц и открытию куколок, и радостно смотрят за игрой ягнят и оленят, зайчат и бельчат.

Ещё одно неоценимое преимущество эфирной эволюции перед той, что соприкасается с плотным физическим планом, состоит в том, что здесь удаётся избежать необходимости питания. Тело феи без забот и ограничений поглощает всё необходимое питание из всегда окружающего его эфира, и строго говоря, это не втягивание питания, а скорее постоянно происходящий обмен частиц — те, жизненность которых истощена, отбрасываются, а полные её притягиваются на замену им.

Хотя природные духи и не едят, от аромата цветов они получают удовольствие, подобное тому, что люди получают от вкуса пищи. Этот запах для них — более чем просто вопрос запаха или вкуса, поскольку они купаются в нём, так что он полностью пронизывает их тела и достигает всех частиц одновременно.

То, что занимает у них место нервной системы, в сравнении с нашей гораздо утончённее и чувствительно ко многим вибрациям, которые наши более грубые чувства пропускают, оставляя невоспринятыми. Таким образом духи обнаруживают то, что соответствует запаху, во многих цветах и минералах, которые для нас запаха не имеют.

У их тел не больше внутренней структуры, чем у облачка тумана, так что их нельзя разорвать на части или покалечить, и ни жар, ни холод не может произвести на них какой-либо болезненный эффект. В действительности есть один тип, принадлежащие к которому духи, похоже, получают самое большое удовольствие, купаясь в огне — со всех сторон они устремляются к любому большому пожару и снова и снова возносятся вверх с языками пламени, подобно тому, как мальчишки снова и снова скатываются с горки. Это духи огня, в средневековой литературе называемые саламандрами. Телесная боль может прийти к природному духу лишь от неприятных или негармоничных эманаций или вибраций, но его способность быстро перемещаться позволяет ему легко их избегать. Насколько можно было наблюдать, он полностью свободен от проклятия страха, играющего столь серьёзную роль в жизни животных, которые на нашей линии эволюции соответствуют уровню фей.

Романы страны фей

У фей на зависть плодовитое воображение, и оно играет огромную роль в их ежедневных играх с товарищами, позволяя создавать для них все виды невозможных обстановок и романтических ситуаций. Это подобно тому, как дети рассказывают своим товарищам истории, но с тем преимуществом, что поскольку они могут видеть эфирную и низшую астральную материю, формы, построенные живым воображением, хорошо видимы им во время рассказа.

Несомненно, многие из таких рассказов показались бы нам детскими и причудливо ограниченными по кругозору, ведь разум, которым обладают эльфы, действует в направлении, столь отличном от нашего собственного, но для них они очень реальны и являются источником никогда не прекращающегося удовольствия. Фея, развившая необычный талант в сочинительстве, завоёвывает

большую любовь и почтение со стороны остальных и собирает вокруг себя постоянную аудиторию спутников. Когда кому-нибудь из людей случится, получив проблеск, мельком увидеть такую группу, в свой рассказ о ней он обычно вводит предубеждения, привнесённые им из своих собственных обстоятельств жизни, и принимает такого заводилу за короля или королеву фей, в зависимости от формы, которую этому лидеру в тот момент случится принять. В действительности же в царстве природных духов не требуется никакого правительства, кроме общего надзора, осуществляемого, вероятно, незаметно для всех его членов, кроме самых высших, дэвараджами и их подчинёнными.

Их отношение к человеку

Большинство природных духов не любят людей и избегают их, и это неудивительно. Человек представляется им демоном-разрушителем, который, куда бы он ни шёл, уничтожает и портит всё на своём пути. Он произвольно убивает, часто причиняя ужасные мучения, всех красивых существ, за которыми они любят наблюдать, он рубит деревья, вытаптывает траву, рвёт цветы, а затем беспечно бросает их умирать. Он заменяет прекрасную жизнь природы своим отвратительным бетоном и кирпичом, а аромат цветов — зловонными испарениями своих химикатов и всезагрязняющим дымом своих фабрик. Разве странно, что феи относятся к нам с ужасом, и бегут от нас так, как мы отшатываемся от ядовитой змеи?

Мы не только несём разорение всему, что им больше всего дорого, но и большинство наших привычек и эманаций им неприятны. Мы (по крайней мере некоторые) отравляем сладкий воздух отвратительными запахами алкоголя и табака, а наши неугомонные и бесконтрольные желания и страсти запускают постоянные астральные потоки, которые беспокоят и раздражают их, вызывая у них такое же чувство отвращения, какое испытали бы мы, если бы на нас вылили ведро помоев. Находиться рядом со средним человеком для них означает жить в вечном урагане, который, к тому же, бушует над выгребной ямой. Они — не великие ангелы с совершенным знанием, которое даёт и совершенное терпение; они просто счастливые и в целом добродушные дети — да и это о многих из них вряд ли можно сказать: они скорее как исключительно разумные котята. И снова, говорю я, можно ли удивляться, что когда мы постоянно оскорбляем их лучшие и высшие чувства, они не любят нас, не доверяют нам и всячески нас избегают?

Есть свидетельства того, как каким-то необычайно неоправданным вторжением или раздражением люди провоцировали их на прямую месть и явное выражение злости. И то, что даже при таких невыносимых провокациях подобные случаи бывают редки, и более обычный их метод состоит в том, чтобы попытаться прогнать вторгнувшегося, проделывая над ним разные трюки, часто детские и шкодливые, но не несущие серьёзного вреда, хорошо характеризует их царство в целом. Они получают чертовское удовольствие, обманывая таких людей, заставляя их заблудиться в пустошах и ходить всю ночь по кругу, в то время как человек уверен, что он идёт прямо, или вызывая наваждение — видения замков и дворцов там, где их на самом деле нет. Почти во всякой уединённой гористой местности в

деревнях от крестьян можно услышать много историй, иллюстрирующих эту характерную черту фей.

Наваждение

В этих проделках феям помогает их чудесная способность наводить наваждение на тех, кто поддаётся их влиянию, так что их жертвы временно могут видеть и слышать только то, впечатление чего передают им феи, в точности как mesmerизованный человек видит, слышит, чувствует и признаёт всё, что пожелает магнетизёр. Природные духи, однако, не обладают способностью месмериста возобладать над человеческой волей, исключая случаи совсем уж слабоумных людей или тех, кто позволяет себе впасть в такой беспомощный ужас, что их воля временно парализуется.

Феи не могут идти далее обмана чувств, но в этом деле они несомненные мастера, и нет недостатка в случаях, когда им удавалось подвергнуть наваждению значительное количество людей зараз. Именно призывая их помощь в употреблении этой способности, индийские факиры совершают самые удивительные свои чудеса, такие как известный трюк с корзиной или другой, с верёвкой, которая забрасывается в небеса и остаётся твёрдой, в то время как фокусник забирается по ней и исчезает. Вся аудитория фактически вводится в состояние галлюцинации, и люди просто воображают, что видят и слышат целый ряд событий, которых в действительности вовсе не происходило.*

* Именно поэтому о таких чудесах больше не слышно — с тех пор, как появились фотоаппараты, снимки, сделанные во время представления, стали фиксировать, что факир всё время просто спокойно сидел на земле. — *Прим. пер.*

Сила наваждения — это просто способность создать ясный и сильный мысленный образ, а затем направить его в ум другого человека. Большинству людей это может показаться почти невозможным, потому что сами они ни разу в жизни не делали таких попыток и не имеют понятия, как к этому приступить. Ум феи не имеет такой широты охвата, как человеческий, но он досконально знает это дело — создание образов и передачу впечатления другим, поскольку это одно из основных занятий в повседневной жизни этих существ.

Так что вовсе не странно, что при такой постоянной практике феи становятся в этом деле экспертами, а ещё больше упрощает им задачу то, что как и в случае с индийскими фокусами, точно тот же образ воспроизводится снова и снова сотни раз, пока каждая деталь не станет вырисовываться без всяких усилий, как результат бессознательной привычки. Чтобы постараться точно понять, как же именно это делается, мы должны учитывать, что умственный образ — это весьма реальная вещь, определённая конструкция в ментальной материи, как объяснено в начальных главах нашей книги «Мыслеформы», и также мы должны помнить, что линия сообщения между умом и плотным физическим мозгом проходит через

астральное и эфирное соответствия мозга, и к этой линии можно подключиться и внедрить впечатление в любой из этих точек.

Некоторые природные духи нередко демонстрируют свой талант к мимикрии и проделкам, появляясь на спиритических сеансах, проводимых ради физических феноменов. Всякий завсегдатай таких сеансов может вспомнить примеры таких шуточных проделок — грубых, но обычно добродушных. Они почти всегда указывают на присутствие кого-нибудь из этих шаловливых существ, хотя иногда происходит и благодаря прибытию какого-нибудь умершего, который при земной жизни был достаточно бездумен, чтобы считать подобные глупости забавными, и не набрался мудрости и после смерти.

Примеры дружбы

С другой стороны, есть примеры того, как некоторые природные духи заводили дружбу с отдельными людьми и предлагали им такую помощь, какая была в их силах, как в известных историях, которые рассказывают о шотландских домовых, или о зажигающих огонь феях, описанных в спиритической литературе. Известно, что в редких случаях люди, удостоенные особой милости, были допущены в жизнь эльфов и могли наблюдать их развлечения. Говорят, что к некоторым индийским йогам дикие животные приближаются с почтением, видя в них друзей всех живых существ; подобно тому и эльфы могут собираться вокруг того, кто вступил на Путь Святости, находя его эманации менее бурными и более приятными, чем эманации тех людей, чьи умы ещё сосредоточены на мирских делах.

Известны случаи, когда феи становятся спутниками маленьких детей и развивают к ним сильную привязанность — особенно к детям мечтательным и обладающим способностью к воображению, поскольку могут видеть мыслеформы, которыми такой ребёнок окружает себя, и получать от них удовольствие. Бывали случаи, когда таким существам настолько нравился какой-нибудь необычайно привлекательный ребёнок, что они делали попытки унести его в свои собственные владения — их намерением было спасти его от судьбы, которая им казалась ужасной: вырасти в заурядное человеческое существо! Остатками преданий о таких попытках можно объяснить некоторые фольклорные истории о подменах, оставляемых ими вместо ребёнка, хотя есть этому и другое объяснение, которое мы упомянем потом.

Бывало, — чаще в прошлом, чем в наше время, — когда некоторый класс этих существ, примерно соответствующих в размере и облике людям, часто материализовывался, создавая себе временные, но вполне физические тела, и посредством их эти существа входили в нежелательные отношения с теми людьми, решившими искать с ними контакта. Возможно, этот факт и послужил основой для античных историй о фавнах и сатирах, хотя иногда в них имеется в виду совсем другая дочеловеческая эволюция.

Духи воды

В каком бы изобилии ни водились феи на поверхности Земли почти повсюду, где поблизости нет жилищ человека, по численности их значительно превосходят водные духи — феи поверхности моря. Разновидностей их столь же много, как и у земных духов. Природные духи Тихого океана отличаются от духов Атлантического, а духи Средиземного моря совершенно отличны от тех и от других; типы, резвящиеся в неописуемо богатой голубизне тропических океанов сильно отличаются от тех, что носятся в пене наших холодных седых северных морей. Опять же, на них совершенно непохожи духи озёр, рек и водопадов, у которых гораздо больше общего с земными феями, чем у nereid открытого моря.

Они, как и их братья на суше, бывают всевозможных обличей, но, пожалуй, чаще всего имитируют человеческую форму. В общем, они склонны принимать б`ольшие по размеру формы, чем эльфы лесов и холмов; большинство последних меньше человека, тогда как морские духи принимают и форму его, и размер. Во избежание неверного понимания необходимо постоянно подчёркивать переменчивый характер всех этих форм, и всякое из этих созданий, будь это дух земли, моря или воздуха, может на время по своей воле делаться больше или меньше и принимать любой вид по своему выбору.

Теоретически у этой способности нет ограничений, но практически пределы есть, хотя они и широкие. Фея, которая обычно бывает высотой 30 сантиметров, может увеличиться до размера человеческого роста 1 м. 80 см., но это потребует от неё заметного напряжения, и такой рост она не сможет поддерживать более, чем несколько минут. Чтобы принять форму, отличную от своей собственной, она должна быть в состоянии ясно её представить, и она сможет сохранять этот облик только пока её ум на нём сосредоточен, но как только мысль начнёт блуждать, она сразу примет свой естественный вид.

Хотя эфирная материя может легко формироваться силой мысли, она, естественно, не повинуетея ей так мгновенно, как астральная материя. Мы можем сказать, что ментальная материя меняется *вместе* с мыслью, астральная — так быстро вслед за ней, что обычный наблюдатель вряд ли заметит какую-то разницу, тогда как в случае эфирной материи зрение может проследить её рост и уменьшение без труда. Сильф, тело которого из астральной материи, *мелькает* из одного образа в другой, фея же, которая эфирна, растёт и уменьшается быстро, но *не* моментально.

Среди земных духов немногие имеют гигантский размер, тогда как у духов моря такой рост, похоже, является вполне обычным. Создания, живущие на суше, часто ткнут из своих фантазий отрывки человеческой одежды, и показываются в странных колпаках, перевязях или камзолах, но я никогда не видел ничего подобного у обитателей моря. Почти все эти духи водной поверхности, по-видимому, обладают способностью подниматься из своего родного элемента и парить или летать по воздуху на небольшие расстояния; они радуются, играя среди бурлящей пены или катаясь на барашках волн. Они не так сильно избегают человека, как их братья на суше — вероятно, потому что у человека гораздо меньше возможностей им мешать. Они не опускаются на большие глубины — по крайней мере, никогда не спускаясь глубже, чем достигает свет, так что между их

царством и владениями гораздо менее развитых духов средних глубин всегда пролегает значительное пространство.

Феи пресной воды

Там, где человек не создал ещё невыносимых для фей условий, внутренние водоёмы населены очень красивой их разновидностью. Вполне естественно, что канализационные стоки и химикаты, которыми загрязнена вода около любого большого города, для них отвратительны, но по всей видимости, они не возражают против водяных колёс в тихих сельских уголках, поскольку их можно иногда видеть развлекающимися в потоке водяной мельницы. Похоже, они особенно радуются падающей воде, точно так же, как их морские братья рады пене разбивающихся волн, так как ради удовольствия, которое им это доставляет, они иногда даже отваживаются ближе, чем обычно, терпеть ненавистное им присутствие человека. Например, летом на Ниагаре их можно увидеть почти всегда, хотя обычно они держатся ближе к центру водопадов и порогов. Подобно перелётным птицам, зимой они покидают эти северные воды, замерзающие на несколько месяцев, и ищут временного пристанища в более мягких климатах. На краткий мороз они, похоже, не обращают внимания; сам холод по всей видимости не оказывает на них никакого действия, но они не любят нарушения их обычной среды. Некоторые из тех, что обычно населяют реки, переходят в моря, когда реки замерзают; другим же солёная вода кажется неприятной и они скорее предпочитают мигрировать на значительные расстояния, чем находить убежище в океане.

Интересной разновидностью водных фей являются духи облаков — существа, жизнь которых всецело проходит среди тех «вод, которые над твердью». Пожалуй, их следовало бы классифицировать как вид, промежуточный между духами воды и воздуха — у них тела из эфирной материи, как у первых, но они способны сравнительно долгое время оставаться вдали от воды. Их формы часто бывают огромными и рыхлыми; они представляются близкими родственниками некоторых пресноводных типов, но вполне охотно погружаются в море, когда облака, являющиеся их излюбленным местом обитания, исчезают. Они живут в светлой тиши облаков, и их любимое времяпрепровождение — придавать своим облакам странные, фантастические формы или располагать их упорядоченными рядами, каковое явление называется «небо барашками».

Сильфы

Теперь мы переходим к рассмотрению высшего типа в царстве природных духов — той стадии, на которой линии развития духов суши и моря сходятся: сильфов, или духов воздуха. Эти существа определённо поднялись над всеми другими видами, о которых мы говорили, благодаря тому факту, что они освободились от пут физической материи, и их низшим проводником теперь является астральное тело. Их разум намного выше, чем у эфирных видов, и вполне равен разуму

среднего человека; но они ещё не достигли постоянной перевоплощающейся индивидуальности. Именно потому что они настолько более развиты, они гораздо больше понимают жизнь, чем животные, хотя как и последние, ещё не выделились из групповой души, и поэтому часто бывает, что они знают, что им нехватает индивидуальности, и сильно хотят её обрести. Вот истина, стоящая за всеми распространёнными преданиями о желании природного духа получить бессмертную душу.

Нормальный метод достижения этого заключается для них в привязанности и любви к представителям следующей над ними стадии развития — астральным ангелам.* Домашние животные, такие как кошки или собаки, продвигаются путём развития разума и привязанности, которые являются результатом близких взаимоотношений с хозяином. Не только любовь к хозяину заставляет животных предпринять целенаправленные усилия, чтобы понять его, но и вибрации его ментального тела, постоянно действующие на их зачаточный ум, постепенно пробуждают его к всё большей и большей деятельности. Точно так же и его привязанность к ним пробуждает в них всё углубляющееся ответное чувство. Человек может специально учить животное чему-либо или не делать этого, но в любом случае, даже без прямых усилий, близкая связь между ними помогает эволюции менее развитого. В конце концов развитие такого животного доходит до уровня, позволяющего ему получить третье излияние и таким образом стать индивидуальностью и отделиться от групповой души.

* Этот низший разряд представителей дэва-эволюции также называют кама-дэва. — *Прим. пер.*

В точности то же самое происходит и между астральным ангелом и духом воздуха, с тем исключением, что у них всё это обычно осуществляется гораздо более разумно и эффективно. На тысячу человек не найдётся и одного, который задумывался бы и знал что-нибудь об истинной эволюции своей собаки или кошки, а животные и того меньше понимают лежащие перед ними возможности. Но дэва ясно понимает план природы, и во многих случаях природный дух тоже знает, что ему требуется, и разумно работает в направлении этого достижения. Так что у каждого из этих астральных ангелов обычно есть несколько природных духов, которые к нему привязаны; часто они определённо учатся у него, и он учит их, но в любом случае они греются в лучах его интеллекта и отвечают на его любовь. Очень многие из этих ангелов используются дэвараджами в качестве агентов распределения кармы, и так получается, что духи воздуха в свою очередь тоже оказываются подчинёнными агентами в этой работе, и при исполнении данных им заданий несомненно приобретают множество ценных знаний.

Адепт знает, как воспользоваться услугами природных духов, когда они ему требуются, и есть много дел, которые он может им поручать. В февральском выпуске «Броуд вьюс» за 1907 год появился восхитительный рассказ о том, как искусно один природный дух исполнил данное ему таким образом поручение.

Ему поручили развлечь инвалида, страдавшего от острого гриппа, и на протяжении пяти дней он почти непрерывно развлекал его странными и

интересными видениями. Его усилия увенчались самым убедительным успехом, поскольку страдавший от болезни написал, что его помощь «принесла счастливый эффект, превратив то, что при обычных условиях было бы днями невыразимой скуки и дискомфорта в удивительно интересные переживания».

Дух показал поразительное разнообразие картин, например движение масс камней, наблюдаемое не снаружи, а изнутри, так что можно было видеть лица разнообразных созданий. Он показывал также горы, леса и улицы, а иногда и множество архитектуры, части коринфских колонн, статуи и огромные сводчатые крыши. Также часто он показывал самые удивительные цветы и пальмы, качающиеся под нежным ветерком. Похоже, что иногда он приносил в спальню физические предметы и проводил с ними нечто вроде магических превращений. Из любопытной природы предложенных им развлечений можно сделать предположение, к какому именно типу принадлежал этот дух, занятый в работе милосердия.

Восточные маги иногда пытаются получить помощь высших типов природных духов для своих фокусов, но предприятие это не лишено своих опасностей. Они могут сделать это, призывая их или понуждая — то есть либо привлечь их внимание как проситель и заключить с ними нечто типа сделки, либо попытаться запустить в действие влияния, которые принудят их к подчинению. Такая попытка, если окажется неудачной, вызовет определённую враждебность духов и вполне может кончиться преждевременной смертью мага, или по меньшей мере поставит его в очень смешное и неприятное положение.

Этих воздушных духов, как и низших фей, бывает много видов, различающихся по силе, разуму, привычкам, равно как и по облику. Естественно, они гораздо меньше ограничены местом, чем другие описанные нами виды, хотя подобно другим они по-видимому признают пределы некоторых высотных зон — одни парят вблизи поверхности Земли, тогда как другие едва ли когда-либо к ней приближаются. Как правило, они разделяют общую неприязнь к соседству человека и его неуёмным желаниям, но бывают случаи, когда они согласны терпеть это ради развлечения или лести.

Их развлечения

Иногда им доставляет огромное развлечение одушевлять разного рода мыслеформы. Когда, например, писатель пишет повесть, он, естественно, создаёт сильные мыслеформы всех своих персонажей и передвигает их по своей миниатюрной сцене подобно марионеткам; но иногда компания весёлых природных духов захватывает его формы и импровизируя, разыгрывает драму по своему спонтанному сценарию, так что ошарашенный писатель обнаруживает, что его марионетки каким-то образом отбились от рук и обрели собственную волю.

Любовь к проказам, являющаяся столь характерной для некоторых фей, в некоторой мере сохраняется и у духов воздуха, по крайней мере у низших типов, так что их персонификации иногда оказываются менее невинными. Люди, чья

плохая карма отдала их во власть кальвинистской теологии, и которым нехватает разума или веры, чтобы отбросить эти богохульные доктрины, иногда в страхе своём создают ужасающие мыслеформы воображаемого дьявола, которому их суеверие отводит такую видную роль во вселенной. И, к сожалению, мне приходится сказать, что некоторые проказливые природные духи совершенно не могут противостоять искушению нарядиться в эти ужасные формы, считая очень забавным носиться, потрясая рогами, махая раздвоенным хвостом и изрыгая пламя. Тем, кто понимает природу этих фантомных демонов, это не приносит никакого вреда, но здесь и там нервные дети оказываются достаточно впечатлительными, чтобы хотя бы мельком увидеть такие вещи, а поскольку они не получили мудрого наставления, результатом бывает великий страх.

Чтобы быть справедливым к природному духу, нужно помнить, что поскольку самому ему страх неведом, он ни в малейшей степени не понимает тяжести содеянного, вероятно считая испуг ребёнка притворным и частью игры. Мы вряд ли можем осуждать природных духов за тот факт, что мы позволяем нашим детям оказаться в цепях низменного суеверия и пренебрегаем своим долгом внушить им тот великий и фундаментальный факт, что Бог есть любовь, и что совершенная любовь изгоняет всякий страх. И даже если этот дух воздуха таким образом иногда пугает живущего среди нас ребёнка, нами же введённого в заблуждение, то с другой стороны можно записать ему в актив, что он постоянно доставляет сильнейшее удовольствие тысячам тех детей, которых мы называем «мёртвыми», потому что играть с ними и развлекать их сотней разных способов — одно из тех его занятий, которые приносят ему больше всего счастья.

Духи воздуха открыли возможность, предоставленную им спиритическими сеансами, и некоторые из них стали их постоянными участниками, обычно выступая под именами вроде «Подсолнух» или «Ромашка». Они вполне способны дать очень интересный сеанс, поскольку, естественно, многое знают об астральной жизни и её возможностях. Они охотно ответят на вопросы — достаточно верно, насколько хватает их знаний, и в любом случае, с видимостью глубины, когда предмет несколько выходит за их пределы. Они без труда могут вызвать удары, свет, или наклонить стол, и всегда готовы передать любые сообщения, которые, как они видят, хотят получить участники сеанса, не имея при этом никакого намерения обмануть или причинить вред, а наивно радуясь успеху, с которым удаётся сыграть роль, и трепетному благоговению и любви, изливаемым на них как на «дорогих духов» и «ангельских помощников». Они учатся разделять радость участников сеанса и считают, что делают благое дело, принося утешение скорбящим.

Поскольку они живут астральной жизнью, четвёртое измерение является для них обыденным фактом, что делает для них очень простыми многие трюки, которые нам кажутся чудесными — такие как извлечение предметов из запертой шкатулки или доставка цветов в закрытую комнату. Желания и эмоции участников сеанса для них открыты, и они быстро приобретают лёгкость в чтении любых мыслей, если только они не абстрактны, а когда в наличии подходящий материал, вполне в их силах создать материализацию. Из этого видно, что без всякой внешней помощи они способны доставить разнообразное и удовлетворительное развлечение на целый вечер, и нет сомнения, что они часто это делали. Я вовсе не

хочу сказать, что природные духи — это единственные существа, действующие на сеансах. Являющийся «дух» часто бывает именно тем, за кого он себя выдаёт, но также верно и то, что он часто не имеет с ним ничего общего, и у среднего посетителя сеанса нет абсолютно никаких средств отличить подлинное явление от имитации.

Аномальное развитие

Как уже было сказано, нормальной линией развития для природного духа является достижение индивидуальности путём связи с ангелом, но были отдельные духи, которые отошли от этого правила. Сила привязанности, испытываемой сильфом к ангелу, является главным фактором в этой великой перемене,* а в необычные случаи — это те, когда вместо ангела привязанность испытывается к человеческому существу. Это подразумевает столь полную перемену общего для этих существ отношения к человеческому роду, что случаи такие, естественно, редки, но когда они происходят, и когда любовь столь сильна, чтобы привести к индивидуализации, она отрывает природного духа от своей собственной линии эволюции и приносит его в нашу, так что новообразованное «я» будет воплощаться не как ангел, а как человек.

* Индивидуализации. — *Прим. пер.*

Предания об этой возможности лежат в основе всех тех историй, в которых нечеловеческий дух полюбил человека и загорелся огромным желанием обрести бессмертную душу, чтобы быть в состоянии разделить с ним вечность. Достигнув человеческого воплощения, такой дух становится человеком весьма любопытного типа — любящим и эмоциональным, но своенравным, странно примитивным в некоторых отношениях, и не имеющим совершенно никакого чувства ответственности.

Иногда случалось, что сильф, сильно привязанный к мужчине или женщине, но не достигавший такой силы любви, которая была необходима, чтобы обеспечить ему индивидуализацию, делал попытку силой войти в человеческую эволюцию, захватив тело только что умершего ребёнка. Казалось, что ребёнок выздоровел, будучи вырван из самых лап смерти, но сильно изменился в характере, став раздражительным, и возможно, даже сварливым вследствие непривычных ограничений, которые налагает плотное физическое тело.

Если сильф оказывался способен приспособиться к этому телу, то не было ничего, что бы помешало ему сохранять его на протяжении жизни обычной продолжительности. И если в течение этой жизни ему удавалось развить любовь, достаточно пылкую, чтобы прервать его связь со своей групповой душой, после этого он обычным порядком перевоплощался человеком; если же нет, то по её завершении он притягивался обратно в свою линию эволюции. Можно видеть, что в этих фактах заключена истина, стоящая за широко распространёнными преданиями о подменных детях, которые можно услышать во всех странах северо-

западной Европы, в Китае, а также (как говорят) среди коренных обитателей тихоокеанского побережья Северной Америки.

Преимущества, которые даёт изучение природных духов

Царство природных духов — интереснейшее поле для исследования, которому пока что уделялось мало внимания. Хотя они часто упоминаются в оккультной литературе, я не знаю о каких-либо попытках научно их классифицировать. Это огромное царство природы ещё ждёт своего Кювье или Линнея, но если у нас будет много подготовленных исследователей, мы пожалуй, сможем надеяться, что один из них возьмёт на себя эту роль, и в качестве труда всей своей жизни даст нам полную и подробную естественную историю этих восхитительных существ.

Это не будет пустой тратой труда и бесполезным исследованием. Для нас полезно понять этих существ не только и даже не столько из-за влияния, которое они оказывают на нас, но потому что понимание линии эволюции, столь отличной от нашей, расширяет наши умы и помогает признать, что мир существует не только для нас одних, и что наша точка зрения — не единственная, и даже не самая важная. В меньшей степени тот же эффект дают путешествия за границу, ведь каждому непредубеждённому человеку они демонстрируют, что народы, во всех отношениях такие же хорошие, как и его собственный, могут тем не менее в сотне аспектов сильно от него отличаться. В изучении природных духов мы находим ту же идею, проведённую гораздо дальше. Это царство, коренным образом непохожее на наше — не имеющее полов, свободное от страха, не ведающее о том, что мы называем «борьбой за существование» — и всё же конечный результат его раскрытия во всех отношениях равноценен тому, который достигается по нашей собственной линии эволюции. Это знание может помочь нам чуть больше увидеть многогранность солнечного логоса, и таким образом научить нас скромности, милосердию, равно как и широте и свободе мысли.

Глава VII

ВЛИЯНИЕ ЦЕНТРОВ МАГНЕТИЗМА

Все мы до какой-то степени признаём, что необычное окружение может создать особые эффекты; о некоторых зданиях или пейзажах мы говорим как о мрачных и подавляющих, мы понимаем, что в тюрьме есть что-то печальное и отталкивающее, в церкви — что-то набожное, и так далее. Большинство людей никогда не берут на себя труд подумать, почему это так, а если на краткий миг и обращают внимание к этому предмету, то списывают всё на ассоциацию идей.

Вероятно, это *так*, но это также и нечто гораздо большее, и если мы постараемся найти этому разумное объяснение, то обнаружим, что во многих случаях это действует и тогда, когда мы никакого влияния и не подозревали, и что знание об этом может оказаться практически полезным в повседневной жизни. Изучение

тонких сил природы покажет нам, что не только всякое живое существо излучает на окружающих сложный набор определённых влияний, но в меньшей степени это верно и для неодушевлённых предметов, хотя характер влияния тут проще.

Наши великие соборы

Нам известно, что у дерева, железа и камня есть свои собственные характерные излучения, но сейчас мы хотим подчеркнуть тот момент, что все они способны впитывать человеческое влияние, а затем снова его изливать. Каково происхождение того чувства набожности и благоговейного трепета, которым столь проникнуты некоторые из наших соборов, что даже самый закалённый турист бюро путешествий Кука не может совершенно его избежать? Это происходит не только по причине исторических ассоциаций и *памятования* о том, что на протяжении веков люди собирались здесь для молитвы и хвалы Господу, но гораздо более по причине самого этого факта, а также условий, в которые благодаря этому попал материал храма.

Чтобы понять это, нам нужно прежде всего вспомнить обстоятельства, при которых возводились эти здания. Современная кирпичная церковь, построенная по контракту в максимально сжатые сроки, действительно содержит в себе лишь немного святости, но в средневековье вера была сильнее, а влияние внешнего мира было менее значительным. Поистине, люди возводили наши великие соборы в молитве, и укладывали каждый камень, как если бы это было приношение на алтарь. Благодаря такому духу работы каждый из этих камней становился настоящим талисманом, заряженным почтением и набожностью строителя, и получал способность излучать волны тех же самых ощущений на других, пробуждая в них подобные чувства. Толпы прихожан, которые потом приходили поклоняться в храм, не только чувствовали эти излучения, но в свою очередь и сами усиливали их реакцией своих собственных чувств.

И в ещё большей степени это верно относительно внутреннего убранства церкви. Каждый мазок кисти при создании иконы, каждый удар резца при ваянии статуи был прямым приношением Богу. Таким образом, завершённое произведение искусства уже было окружено атмосферой благоговения и любви, и определённо излучало эти качества на поклоняющихся. Все они, и богатые, и бедные, в какой-то степени чувствовали это, даже если многие из них были слишком невежественны, чтобы получить дополнительный стимул, который дают художественные достоинства изображения тем, кто способен их оценить и постичь всё его значение.

Солнечный свет, льющийся через великолепные витражи средневековых окон, несёт с собой славу, которая не от мира сего, поскольку искусный мастер, создавший эту чудесную мозаику, сделал её из любви к Богу и во славу его святых, так что каждый кусочек стекла тоже является талисманом. Всегда памятуя, как сила, переданная статуе или картине пылкой преданностью её первоначального создателя, на протяжении веков подкреплялась благоговением сменяющих друг друга поколений верующих, мы придём к пониманию

внутреннего смысла огромного влияния, которое несомненно излучается теми предметами, которые веками почитались как священные.

Эффект преданности, подобный описанному, может иметь место совершенно отдельно от художественной ценности картины или статуи. Младенец в Ара Козли в Риме — весьма низкохудожественный образец, и всё же он несомненно обладает значительной способностью пробуждать религиозные чувства у толп, которые приходят увидеть его. Будь он действительно произведением искусства, этот факт лишь немного добавил бы к его влиянию на большинство этих людей, хотя в этом случае он конечно мог бы оказать дополнительный и совершенно иной эффект на людей другого типа, которых в существующем виде он никак не трогает.

Из этих соображений очевидно, что все эти разнообразные предметы церковного убранства, такие как статуи, образа и украшения, имеют действительную ценность в плане эффекта, производимого ими на поклоняющихся; и тот факт, что они обладают заметной силой, которую столь многие могут почувствовать, вероятно, объясняет сильную ненависть, испытываемую к ним дикими фанатиками, столь неверно назвавшими себя пуританами. Они осознали, что сила, стоящая за Церковью, в значительной степени действует через эти предметы, используемые ею в качестве каналов, и хотя их отвращение ко всем высшим влияниям было сильно смешано со страхом, они всё же чувствовали, что если бы они смогли разрушить эти центры магнетизма, это в некоторой мере оборвало бы связь. И в своём бунте против всего хорошего и прекрасного они нанесли столько вреда, сколько могли — пожалуй, примерно столько же, как те ранние так называемые христиане, которые из-за своего грубого невежества размолотили самые прекрасные греческие статуи, чтобы получить известь для постройки своих убогих лачуг.

Во всех этих великолепных средневековых зданиях чувство набожности буквально исходит из стен, потому что веками целым рядом поколений в них создавались благоговейные мыслеформы. Сильный контраст этому являет атмосфера споров и критицизма, которую любой чувствительный человек может почувствовать в молельных домах некоторых сект. Во многих таких домах в Шотландии и Голландии это чувство выдаётся с поразительной заметностью, и создаётся впечатление, что у большинства этих так называемых молящихся не было ни одной набожной или благоговейной мысли, а присутствовало только ханжеское чувство собственной праведности и горячее желание обнаружить какую-нибудь доктринальную погрешность в утомительной проповеди своего несчастного священника.

Совершенно новая церковь поначалу не производит никаких из упомянутых эффектов, поскольку в наши дни рабочие строят церковь с таким же отсутствием энтузиазма, как, например, фабрику. Как только епископ освящает её, в результате этой церемонии устанавливается явное влияние, но объяснение этого относится к другой главе нашей книги. Несколько лет использования заряжают стены очень эффективно, и ещё быстрее результат будет достигнут в церкви, где проводятся священнодействия или постоянно происходит поклонение. Католическая или ритуалистическая англиканская церковь скоро становится основательно заряженной, но молельные дома некоторых отколовшихся от церкви сект, не делающих особого упора на благоговение, часто надолго создают влияние, едва

отличимое от того, что можно почувствовать в лекционном зале. Прекрасный образец благоговейного влияния часто можно обнаружить в капелле монастыря, хотя опять же тип его сильно меняется соответственно целям, которые ставят перед собой монахини или монахи.

Храмы других религий

Я взял в качестве примера христианские храмы, потому что они больше всего мне знакомы, равно как и большинству моих читателей, а также, пожалуй, потому, что христианство делает особый упор на преданности и благоговении, и больше, чем другие религии, приспособлено для одновременного выражения этого чувства в зданиях, построенных специально для этой цели. Среди индусов столь же глубокой преданностью обладают вайшnavы, хотя к сожалению, к ней часто примешивается ожидание милостей, которые будут получены взамен. Хотя по великим праздникам храмы посещают огромные толпы, каждый совершает свою маленькую молитву или церемонию отдельно, тем упуская огромный дополнительный эффект, производимый одновременным действием.*

* Этого нельзя сказать о школе вайшnavов, основанной Шри Чайтаньей, где практикуется санкиртана — совместное прославление имён Господа. — *Прим. пер.*

Если рассмотреть это исключительно с точки зрения зарядки стен храма благоговейным влиянием, разницу можно понять на примере с несколькими моряками, которые тянут трос. Когда это делается, обычно используют нечто вроде песни, чтобы все прилагали свои усилия в точно тот же момент. Таким образом создаётся более эффективная тяга, чем если бы каждый тянул с той же силой, но когда ему заблагорассудится, не соотносясь с работой других.

Тем не менее, с годами в вайшnavском храме появляется сильное ощущение — столь же сильное, пожалуй, как и в христианском, хотя совершенно иное по типу. Опять же, совершенно иное впечатление создаётся в великих храмах, посвящённых Шиве. В таком храме, как, например, в Мадуре, из святилища исходит чрезвычайно мощное влияние. Оно окружено сильным чувством почтительного трепета, почти страха, и это так окрашивает преданность толп, приходящих поклоняться ему, что меняет саму ауру места.

Совершенно иное впечатление окружает буддийский храм. Там нет даже и следа страха, и пожалуй, меньше непосредственной преданности, поскольку в значительной мере её заменяет благодарность. Преобладающим излучением всегда бывает чувство радости и любви с полным отсутствием чего-либо мрачного или сурового.

Ещё один разительный контраст представляет мусульманская мечеть. Там тоже присутствует некоторого рода благоговение, но это определёнno воинственная преданность, и создаёт впечатление огненной решимости. Чувствуется, что

понимание своей веры у этих людей может быть ограничено, но не может быть сомнения в их упорной решимости её держаться.

Иудейская синагога опять же непохожа ни на что иное, и несёт в себе совершенно отчётливое чувство, причём любопытно двойственное — исключительно материалистическое с одной стороны, а с другой — полное сильного, патетического желания возвращения исчезнувшей славы.

Памятные места и реликвии

Выбор места для многих религиозных зданий объясняется частичным признанием ещё одной стороны упомянутых нами фактов. Церковь или храм часто возводятся в память о жизни и смерти какого-нибудь святого, и в первую очередь такой храм строится на месте, которое каким-то образом с ним связано. Это может быть место его смерти, рождения, или какого-то важного события его жизни.

Примерами этого являются Церковь Рождества в Вифлееме и Гроба Господня в Иерусалиме, великая ступа в Буддхагае, где Господь Гаутама стал Буддой, или храм Бишанпад, где, как считается, Вишну оставил отпечаток своей стопы. Все подобные святилища возводятся не столько из исторических соображений, дабы указать потомкам точное место, где произошло важное событие, сколько с той мыслью, что это место является особенно благословенным и заряженным магнетизмом, которые останутся на века и будут излучаться на благо тех, кто приходит туда и попадает в сферу его влияния. И эта общераспространённая идея не лишена соответствующих оснований.

Место, где Господь Будда совершил тот шаг, который дал ему это высокое имя, заряжено магнетизмом, который делает его сияющим, подобно солнцу, для всякого, кто обладает ясновидением. Это рассчитано на оказание максимально возможного эффекта на всякого, кто от природы чувствителен к подобным влияниям, или намеренно временно сделал себя чувствительным благодаря отношению искреннего благоговения.

В недавней статье о Буддхагае в «Лотус джорнэл» Алкион писал:

«Когда я спокойно сидел под деревом вместе с Анни Безант, я смог видеть Господа Будду так, как он выглядел, когда сидел здесь. Поистине, отпечаток, оставленный его медитацией, всё ещё так силён, что требуется лишь немного ясновидения, чтобы видеть его даже сейчас. У меня было преимущество — я встречал его ещё в той жизни, в 580 г. до н. э., и стал одним из его последователей, так что благодаря этому мне стало легче увидеть его снова в этой жизни. Но я думаю, что почти всякий, кто хотя бы немного чувствителен, может увидеть его в Буддхагае, посидев спокойно некоторое время, потому что воздух там полон его влияния, и даже сейчас великие дэвы всегда купаются в этом магнетизме и охраняют это место.»

Другие церкви, храмы или пагоды бывают освящены тем, что в них находятся останки кого-либо из Великих, и здесь связь идей опять очевидна. У тех, кто невежественен в этих делах, в обычае высмеивать идею оказания почтения кусочку кости, которая некогда принадлежала святому, но хотя почтение по отношению к кости может быть и неуместно, влияние, излучаемое ею, тем не менее может быть вполне реальным и весьма достойным серьёзного внимания. То, что по всему миру велась торговля реликвиями, где с одной стороны было надувательство, а с другой — легковерие, не стоит и оспаривать, но это никоим образом не меняет того факта, что настоящие мощи могут быть действительно ценной вещью. Всё, что было частью физического тела кого-либо из Великих, или даже кусочком одежды, это тело одевавшей, насыщено его личным магнетизмом. Это значит, что оно подобно электрическому аккумулятору заряжено мощными волнами мыслей и чувств, обычно исходивших из него.

Сила, которой обладает такая реликвия, поддерживается и усиливается мысленными волнами, на протяжении лет изливаемыми на неё верой и благоговением толп, посещающих святилище. Так бывает, если реликвия подлинная, но большинство их таковыми не являются. Но даже тогда, не имея собственной первоначальной силы, со временем они приобретают большое влияние, так что даже ложные реликвии вовсе не лишены действенности. Потому каждый, кто войдёт в восприимчивый настрой и будет находиться в непосредственной близости от реликвии, получит её сильные вибрации и скоро в большей или меньшей степени на них настроится. А поскольку эти вибрации несомненно лучше и сильнее любых обычно создаваемых им самим, это для него хорошо. На время они поднимают его на более высокий уровень и открывают ему более высокий мир, и хотя этот эффект лишь временный, это не может не быть для него полезно — это событие сделает его на всю оставшуюся жизнь немножко лучше в сравнении с тем, как если бы оно не произошло.

В этом и заключается смысл паломничеств, и очень часто они действительно бывают эффективны. В дополнение к тому, что могло быть первоначальным магнетизмом святого или реликвии, как только место паломничества устанавливается и его начинает посещать множество людей, вступает в действие другой фактор, о котором мы говорили в связи с храмами и церквями. Место начинает заряжаться благоговейным чувством всех этих толп паломников, и то, что они оставили после себя, действует на их последователей. Таким образом влияние этих святых мест со временем обычно не уменьшается, поскольку хотя первоначальная сила и склонна несколько уменьшаться, с другой стороны она постоянно подпитывается новыми порциями преданности. В действительности, единственный случай, когда эта сила вообще затухает — это заброшенное святилище, как например, в странах, захваченных народом с другой религией, для которых старые святые места ничего не значат. Но даже тогда влияние, если первоначально оно было достаточно сильным, в течение многих столетий сохраняется без уменьшения, и по этой причине даже руины часто обладают связанной с ними мощной силой.

Например, египетская религия мало практиковалась с наступлением христианской эры, однако никакой чувствительный человек, находясь среди развалин какого-нибудь из её храмов, не может не испытать мощного воздействия потока её мысли.

В данном случае в действие вступает ещё одна сила — египетская архитектура принадлежала к определённому типу, намеренно разработанному так, чтобы произвести впечатление на поклоняющихся, и возможно, ни одна архитектура ещё не исполняла своё назначение более эффективно.

Развалины, которые ещё сохранились, всё ещё оказывают этот эффект в степени, которой нельзя пренебрегать, даже на членов чуждой расы, не имеющей связи с тем типом цивилизации, к которому принадлежала древнеегипетская. Для занимающегося сравнительным изучением религий, если он окажется чувствительным, нет более интересного опыта, чем купаться в магнетизме старейших религий мира, чувствовать их влияние, как чувствовали его их последователи тысячи лет назад, и сравнивать ощущения Фив или Луксора с теми, что дают Парфенон или прекрасные греческие храмы Гиргенти, или сравнить ощущение Стоунхенджа с тем, что дают огромные развалины Юкатана.

Развалины

Религиозную жизнь древнего мира лучше всего можно прочувствовать с помощью храмов, но в равной мере возможно таким же образом соприкоснуться с повседневной жизнью исчезнувших наций, постояв среди развалин их домов и дворцов. Но, пожалуй, это потребует более проникательного ясновидческого чувства. Сила, которой проникнут храм, мощна, потому что она в значительной мере однонаправлена — на протяжении веков люди приходили туда с одной ведущей идеей молитвы или благоговения, и потому созданный отпечаток получается сравнительно сильным. С другой стороны, в своих домах они жили со всеми видами разных идей и сталкивающихся интересов, так что одно впечатление часто стирало другое.

Тем не менее, с годами выявляется нечто вроде наименьшего общего кратного всех их чувств, характеризующего их как расу, и его может ощутить тот, кто владеет искусством полностью нейтрализовывать свои собственные личные чувства, которые для него гораздо ближе и живее, и может искренне вслушаться в слабое эхо жизни тех давно прошедших времён. Такое исследование часто позволяет получить более справедливый взгляд на историю; манеры и обычаи, которые поражают и ужасают нас, поскольку они столь далеки от наших собственных, можно будет созерцать с точки зрения тех, кому они знакомы, а увидев их так, первый раз осознаёшь, как же неверно мы поняли этих людей прошлого.

Некоторые из нас помнят, как в детстве невежественные, но благонамеренные родственники, желая пробудить в нас симпатию, ужасали нас историями о христианских мучениках, которых бросали львам в Колизее, или о грубых нравах толп, которые получали удовольствие от боёв гладиаторов. Я не собираюсь защищать вкусы древнеримских граждан, но думаю, что всякий чувствительный человек, который отправится в римский Колизей и (если ему удастся на время уберечься от туристов) посидит там спокойно, отправив своё сознание назад во времени, пока не ощутит действительное чувство этих огромных и дико

возбуждённых аудиторий, он обнаружит, что проявлял к ним большую несправедливость.

Во-первых, он осознает, что бросание христиан львам за их религиозные убеждения — благочестивая ложь, придуманная беспринципными ранними христианами. Он поймёт, что в религиозных вопросах римское правительство было определённо более терпимым, чем большинство европейских правительств в наши дни,* и никакой человек не мог быть казнён или даже вообще осуждён по причине каких-либо религиозных взглядов, а эти так называемые христиане были отправлены на смерть вовсе не из-за их якобы религии, а за заговор против государства или за преступления, которые единодушно осудили бы мы все.

* Книга написана в 1913 году. — *Прим. пер.*

Далее, он обнаружит, что правительство действительно разрешало и даже поощряло гладиаторские бои, но в них принимали участие только три класса людей. Во-первых, это преступники, которых надлежало лишить жизни по законам того времени. Их использовали, чтобы устроить зрелище для народа — конечно зрелище довольно низкосортное, но не в большей степени, чем многие другие, популярные у народа в наши дни. Негодяй погибал на арене в битве с другим таким же или с диким зверем, но он предпочитал умереть, сражаясь, чем просто быть казнённым; к тому же у него всегда была возможность, если он сражался хорошо, завоевать одобрение переменчивой толпы и тем спасти свою жизнь.

Второй класс состоял из тех военнопленных, которых в те времена было принято предавать смерти, но и в этом случае смерть этих людей была уже решена, и также использовалась для развлечения народа, что тоже давало им шанс спасти свою жизнь, за который они охотно хватались.

Третьим классом были профессиональные гладиаторы, подобные профессиональным спортсменам наших дней, выбиравшие такую ужасную жизнь ради популярности, которую она давала, и полностью видя при этом её опасности.

Я вовсе не хочу сказать, что гладиаторские бои — форма развлечений, к которой действительно просвещённые люди могут относиться терпимо, но если мы применим этот же стандарт сейчас, то нам придётся признать, что просвещённых наций пока ещё нет, потому что это не хуже средневековых турниров, петушиных и медвежьих боёв XIX века и современной корриды и профессионального спорта. Совершенно нечего выбирать между грубостью любителей гладиаторских боёв и грубостью тех, кто огромными толпами собирается посмотреть, сколько крыс сможет убить собака за минуту, или охотника-дворянина, который убивает сотни безобидных куропаток, к тому же не имея того оправдания, что ведёт честный бой.

Сейчас мы начинаем придавать человеческой жизни несколько более высокую ценность, чем делали это во времена Древнего Рима, но даже при этом я бы заметил, что эта перемена не знаменует разницы между древнеримским народом и его перевоплощением в английском народе, поскольку ещё столетие назад мы

были столь же безучастны к массовым убийствам. Разница — не между нами и римлянами, а между нами и нашими совсем недавними предками, поскольку о толпах, которые во времена наших отцов веселились на публичных казнях, вряд ли можно сказать, что они сильно продвинулись с тех времён, когда собирались на скамьях Колизея.

Это правда, что римские императоры присутствовали на этих представлениях, как и английские короли поощряли турниры, а короли Испании даже сейчас покровительствуют корриде; но чтобы понять разнообразные мотивы, подвигнувшие их делать это, мы должны пуститься в основательное исследование политики того времени, что лежит совершенно за пределами темы этой книги. Здесь достаточно будет сказать, что римские граждане имели весьма любопытные политические настроения, и власти считали необходимым доставлять им постоянные развлечения, дабы поддерживать их в хорошем расположении духа. Потому они прибегли к этому методу, использовав считавшуюся необходимой и обычной казнё преступников и бунтовщиков, чтобы доставить пролетариату нечто вроде развлечения, которое доставляло ему удовольствие. Это был весьма зверский пролетариат, скажете вы. Конечно же можно признать, что развитие этих людей не было очень высоко, но по меньшей мере они были куда лучше, чем более поздние представители этого класса, принявшие активное участие в невыразимых ужасах французской революции, поскольку эти последние активно радовались жестокости и крови, которые для римлян были лишь остававшимися без внимания явлениями, сопутствовавшими развлечению.

И как я уже сказал, всякий, кто находясь в Колизее, действительно даст себе почувствовать истинный дух тех толп далёкой древности, поймёт, что их привлекало именно возбуждение от состязания и демонстрируемое в нём искусство. Их грубость была не в том, что они наслаждались кровопролитием и страданием, а в том, что в возбуждении, с которым они следили за борьбой, они были способны их не замечать. В конце концов это очень похоже на то чувство, с которым мы набрасываемся на газетные колонки с новостями с театра военных действий. Понемногу, от одного случая к другому, мы, будучи людьми пятой подрасы, в своём уровне продвинулись немного вперёд от того состояния, в котором две тысячи лет назад была четвёртая подраса, но продвижение это намного меньше, чем наша самоудовлетворённость и убеждённость в этом прогрессе.

У каждой страны есть свои руины, и во всех этих развалинах исследование древней жизни является интересным. Можно получить хорошее представление о разнообразной деятельности и интересах средневековой монашеской жизни Англии, если посетить царицу руин, аббатство Фаунтэйнс, точно так же как посетив камни Карнака (не египетского, а того, что в Морбихэне) можно почувствовать радость летних празднеств вокруг *тантада*, священного огня древних бретонцев.

В исследовании развалин Индии, пожалуй, будет меньше необходимости, поскольку повседневная жизнь там оставалась на протяжении веков столь неизменной, что не требуется никакого ясновидения, чтобы представить, какой она была тысячи лет назад. Ни одно из существующих зданий Индии не относится

к периоду настолько древнему, чтобы продемонстрировать заметную разницу, а остатки золотого века Индии, когда она была под правлением великих атлантских монархий, в большинстве случаев уже глубоко погребены. Если же мы обратимся к средневековым временам, то разница между ощущением любого древнего города северной Индии и развалин Анурадхапуры на Шри Ланке, любопытно иллюстрирует разный эффект, производимый средой и религией на практически тот же народ.

Современные города

В точности как наши древние предки, которые вели совершенно обычный для себя образ жизни, и которым даже и не снилось, что этим они насыщают камни своих городских стен влиянием, которое через тысячи лет позволит психометристу изучать самые сокровенные секреты их бытия, так и мы сами насыщаем своим влиянием уже наши города и оставляем за собой записи, которые будут шокировать чувства более развитых людей будущего. В некоторых отношениях, которые легко придут на ум, все большие города сильно похожи, но с другой стороны, есть и различия местной атмосферы, в некоторой степени зависящие от среднего уровня нравственности в городе, типа религиозных взглядов, которых там в основном придерживаются, и его основных видов торговли и производства. Из-за всего этого у каждого города есть определённая мера индивидуальности — причём индивидуальности, которая будет привлекать одних людей и отталкивать других, согласно их наклонностям. Даже те, кто не особенно чувствителен, вряд ли не заметят разницу между ощущениями Лондона и Парижа, Эдинбурга и Глазго, Филадельфии и Чикаго.

Есть некоторые города, основной тон которых не от современности, а от прошлого — жизнь которых в старину была настолько энергичнее теперешней, что последняя блекнет в сравнении с ней. Примером этого являются города на Зюйдер Зее в Голландии, ещё один пример — Сент-Олбанс в Англии. Но лучшим примером, который может предложить мир — это вечный город Рим. Среди многих городов мира Рим стоит особняком, представляя интерес для психического исследователя в отношении трёх великих и совершенно отдельных периодов. Первое, и намного более сильное — впечатление, оставленное поразительной жизненностью и энергией того Рима, который был центром мира, Рима республики и цезарей; за ним идёт второе сильное и уникальное впечатление — средневекового Рима, церковного центра мира; а третье, и совершенно отличное от первых двух, ощущение сегодняшнего Рима, политического центра слабовато соединённого итальянского королевства, и в то же время ещё церковного центра, имеющего всемирное влияние, хотя и утратившего свою власть и величие.

Признаюсь, я впервые приехал в Рим с ожиданием, что Рим средневековых пап, которому способствовало то, что на нём так долго были сосредоточены мысли всего мира, а также то, что он гораздо ближе к нам по времени, должен был в значительной мере перебить отпечаток жизни Рима цезарей. И я был поражён, обнаружив, что действительные факты почти в точности противоположны. Условия средневекового Рима были достаточно примечательны, чтобы оставить

неизгладимый отпечаток на любом другом городе мира, придав ему свой характер; но удивительно энергичная жизнь более ранней цивилизации была в такой огромной степени сильнее, что она ещё сохраняется, несмотря на прошедшую с тех пор историю, как неизгладимая и преобладающая характеристика Рима.

Для ясновидящего исследователя Рим — это прежде всего Рим императоров (и всегда им будет), и лишь во вторую очередь — Рим пап. Отпечаток от церковной жизни всё ещё присутствует, восстановимый до мельчайших деталей — это ошеломляющая смесь набожности и интриг, наглой тирании и истинных религиозных чувств, история ужасной коррупции и всемирной власти, редко использовавшейся подобающим способом. И тем не менее, как бы он ни был силён, он затмевается до полной незначительности более великой силой, которая ему предшествовала. В ней присутствует здоровая вера в себя, убеждённость в судьбе, решительное намерение взять от жизни всё и уверенность в способности сделать это. Это черты древних римлян, к которым немногие нынешние нации могут приблизиться.

Общественные здания

Не только у города в целом есть свои общие черты, но и у отдельных его зданий, посвящённых особой цели, всегда есть аура, характерная для этого назначения. Аура больницы, например, представляет любопытную смесь, в которой преобладают страдание, усталость и боль, но также там присутствует и значительная доля сострадания к пациентам и чувство благодарности с их стороны за проявляемую к ним заботу.

Человеку, выбирающему место жилья, следует решительно избегать соседства с тюрьмой, ибо оттуда излучается самое страшное уныние, отчаяние и постоянная депрессия, смешанные с бессильной яростью, ненавистью и сожалениями. Немногие места в целом имеют вокруг себя более неприятную ауру, но даже в этой общей тьме зачастую бывают более тёмные места — камеры с дурной славой, над которыми навис необычайный ужас. Например, зафиксировано несколько случаев, когда заключённые определённой камеры один за другим совершали попытки самоубийства, и те, чьи попытки не были успешны, объясняли, что идея о самоубийстве настойчиво возникала у них в уме и постоянно давила извне, пока они постепенно не приходили к состоянию, когда казалось, что другого выбора нет. Были примеры, когда такое чувство возникало по прямому убеждению со стороны умершего человека; но гораздо чаще бывало, что первый самоубийца просто столь основательно зарядил камеру мыслями и побуждениями такой природы, что занимавшие её после него, будучи, скорей всего, людьми с неразвитой силой воли, оказывались практически неспособны сопротивляться.

Но ещё ужаснее мысли, которые всё ещё висят над некоторыми из ужасных темниц средневековых тираний, застенков Венеции или пыточных камер инквизиции. Точно так же сами стены игорных домов излучают горе, зависть, отчаяние и ненависть, а стены публичных домов полностью пропитаны самыми грубыми формами чувственных и скотских желаний.

Кладбища

В случаях, таких как вышеупомянутые, всем порядочным людям достаточно легко оказывается избегать зловредных влияний, просто избегая этих мест, но есть и другие примеры, когда люди попадают в нежелательные ситуации из-за злоупотребления естественными добрыми чувствами. В странах, которые ещё недостаточно цивилизованы, чтобы сжигать своих умерших, остающиеся в живых часто посещают могилы, где похоронены разлагающиеся физические тела; из чувства привязанности и ради памяти об умерших они часто собираются там, чтобы помолиться и поразмышлять, и положить венок цветов на могилу. Они не понимают, что излучения печали, депрессии и беспомощности, которыми столь часто бывают проникнуты кладбища, делают их чрезвычайно нежелательным местом для посещения. Я часто видел стариков, гуляющих и сидящих на некоторых из наших живописных кладбищ, а также нянь, ежедневно вывозящих туда детей в колясках, чтобы они дышали свежим воздухом, и никто из них, вероятно, не имел ни малейшего представления, что они подвергают себя и своих подопечных влияниям, которые скорее всего нейтрализуют все преимущества от моциона и свежего воздуха, и всё это помимо возможности вдыхания нездоровых физических испарений.

Университеты и школы

Древние здания наших великих университетов окружены магнетизмом особого типа, который очень способствует тому, чтобы на их выпускников была наложена та особая печать, которая так легко различима, хотя даже во многих словах трудно описать, в чём она состоит. Студенты университетов бывают людьми различных склонностей — книгочеи, охотники, люди набожные и люди беспечные, а иногда какой-нибудь колледж или университет привлекает людей лишь одного из этих классов. В этом случае его стены становятся проникнуты этими характеристиками, и его атмосфера работает на поддержание этой репутации. Но в целом университет обычно окружён приятным чувством работы и товарищества, общества и, тем не менее, независимости, уважения к традициям и решимости следовать им, что скоро приводит вновь поступившего в соответствие духу его товарищей и накладывает на него тон университета, который ни с чем нельзя спутать.

Не сильно отличается от этого влияние здания наших великих школ-пансионов. Впечатлительный мальчик, поступивший в одну из них, скоро ощущает чувство порядка, регулярности и корпоративный дух, который, будучи раз обретён, редко забывается. Нечто в этом роде, только пожалуй, даже в более ярковыраженном виде, существует на военном корабле, особенно если он находится под командованием популярного капитана и уже некоторое время находится в строю. Новобранец на таком корабле быстро находит своё место, приобретает командный дух и учится чувствовать себя членом единой семьи, честь которой он должен держать. Во многом это происходит благодаря примеру товарищей и давлению

офицеров, но ощущение, атмосфера самого корабля несомненно тоже вносит свой вклад.

Библиотеки, музеи и галереи

Ассоциации с учёбой, навеваемые библиотекой, легко понятны, но влияние музеев и картинных галерей является намного более разнообразным, как и можно было ожидать. В этих двух последних случаях оно в основном исходит от картин и экспонатов, и потому станет предметом обсуждения в одной из последующих глав. Что же касается влияния самих зданий, отдельно от выставленных в них предметов, результат получается несколько неожиданный, поскольку самая заметная их черта — полностью захватывающее чувство усталости и скуки. Очевидно, что главной составляющей в мыслях большинства посетителей было чувство того, что они должны бы восхищаться или хотя бы интересоваться тем или этим, тогда как фактически они совершенно неспособны действительно восхититься или даже проявить интерес.

Чикагские боины

Ужасающие эманации, исходящие от скотных дворов в Чикаго и эффект, производимый ими на тех, кому не посчастливилось жить поблизости от них, часто упоминаются в теософической литературе. Анни Безант описывала, как при первом посещении Чикаго она ощутила подавляющую атмосферу депрессии, ещё находясь в поезде за несколько миль от города; и хотя другие люди, менее чувствительные, чем она, могут и не обнаружить её столь легко, не может быть сомнения, что её влияние тяжело ложится на них каждый раз, когда они оказываются поблизости от театра этих ужасающих бесчинств. В этом месте были убиты миллионы существ, и каждое из них добавило к его излучению собственные ощущения ярости, боли и страха, а также и чувство несправедливости, и из всего этого образовалось одно из самых тёмных облаков ужаса, существующих сейчас в мире.*

* Эта глава, наряду с некоторыми другими, была изъята из современного английского издания этой книги, как «имеющая отношение к социальным условиям того времени, ныне не актуальным», но поскольку во многих странах подобные условия продолжают существовать, текст книги переводится без всяких изъятий. — *Прим. пер.*

В данном случае результаты этого влияния общеизвестны, и никто не сможет их отрицать. Низкий уровень нравственности и исключительная грубость мясников составили им дурную славу. Во многих случаях убийств, совершённых в этом ужасном соседстве, врачи смогли узнать характерный поворот ножа, свойственный лишь для забойщиков скота, и даже дети на улицах не играют в другие игры, кроме как в убийства. Когда мир станет действительно цивилизованным, люди будут с недоверчивым ужасом относиться к подобным сценам и станут спрашивать, как же это было возможно, что люди, которые в

прочих отношениях по всей видимости имели какие-то проблески человечности и здравого смысла, могли допустить такое отвратительное пятно на своей чести, как само существование у них такого злополучного места.

Особые места

Всякое место, где часто повторяется какая-нибудь церемония, особенно если она связана с высоким идеалом, всегда заряжается ярковыраженным влиянием. Например, деревушка Обераммергау, где регулярно разыгрывается представление на тему Страстей Господних, полна мыслеформ предыдущих представлений, которые мощно воздействует на тех, кто готовится принять участие в новых. Всеми, кто помогает в этом, испытывается необычное чувство реальности, и оно воздействует даже на сравнительно беспечных туристов, для которых всё это — просто развлекательное зрелище. Точно так же в атмосфере Байройта выделяются величественные идеалы Вагнера, и когда там устраивают концерт, он получается совершенно иным в сравнении с исполнением тех же музыкантов в других местах.

Священные горы

Есть примеры того, когда влияние, принадлежащее какому-нибудь особому месту, не является человеческим. В предыдущей главе я уже описывал великих дэв, обитающих на вершине горы Слив-на-Мон в Ирландии. Это их присутствие делает гору священной, и они поддерживают влияние святой магии руководителей Туата-Де-Данаан, которых они назначили оставаться там до того дня, когда наступит будущее величие Ирландии, и станет ясна её роль в великой драме империи.

Несколько раз мне случалось посещать священную гору иного рода — пик Шрипада на Шри Ланке. Эта гора примечательна тем, что почитается как священная приверженцами всех религий этого острова. Буддисты называли храм на её вершине святилищем Шрипада, то есть святого следа ноги, и считают, что когда Будда посетил Шри Ланку в астральном теле (он никогда не бывал там в физическом), он нанёс визит духу-хранителю этой горы, которого люди называли Саман Девийо. Когда он собирался уходить, Саман Девийо попросил его в качестве особой милости оставить на этом месте какое-нибудь постоянное напоминание о своём посещении, и Будда в ответ на это оставил отпечаток своей ноги в твёрдом камне, используя для этого какую-то особую силу. Далее эта история говорит, что дабы святой след никогда не был осквернён прикосновением человека, и излучаемый им магнетизм сохранялся, Саман Девийо покрыл его гигантским каменным конусом, который и образует нынешнюю вершину горы.

На вершине этого конуса было сделано углубление, которое грубо напоминает гигантский отпечаток ноги, и похоже, что некоторые из самых невежественных поклоняющихся верят, что это и есть настоящий след, оставленный Господом Буддой. Но все знающие монахи самым решительным образом это отрицают, указывая на тот факт, что этот след не только чрезвычайно велик, чтобы быть

человеческим, но и совершенно явно имеет искусственное происхождение. Они объясняют, что он сделан там просто чтобы указать точное место, под которым находится настоящий след, и указывают на тот факт, что на некотором расстоянии от вершины гору опоясывает хорошо заметная трещина.

Идея о священном отпечатке ноги на этой вершине представляется общей для разных религий, но в то время как буддисты считают, что он принадлежит Будде, тамилы, живущие на острове, верят, что это один из многочисленных следов Вишну, а христиане и мусульмане приписывают его Адаму и называют эту гору Адамовым Пиком.

Но говорят, что задолго до проникновения любой из этих религий на остров, и задолго до времён самого Будды, гора уже была посвящена Саману Девийо, которому обитатели острова до сих пор оказывают глубочайшее почтение, и это вполне может быть так, поскольку он принадлежит к одному из великих разрядов дэв, которые по уровню стоят недалеко от высших из адептов. Хотя его работа имеет природу совсем отличную от нашей, он также подчиняется главе великой Оккультной Иерархии и также принадлежит к Великому Белому Братству, которое существует лишь для продвижения эволюции мира.

Присутствие столь великого существа, естественно, распространяет мощное влияние по горе и её окрестностям, и больше всего — вокруг вершины, так что радостный энтузиазм, столь свободно проявляемый там паломниками, имеет вполне реальное объяснение. Здесь, так же, как и в других святилищах, в дополнение к этому эффекту накопились благочестивые чувства, которыми заряжали это место поколения паломников, но хотя они не могут не быть мощными, в данном случае они полностью затмеваются первоначальным и постоянно присутствующим влиянием могущественного существа, которое столь много тысяч лет стояло здесь на страже и выполняло свою работу.

Священные реки

Существуют и священные реки — например, Ганг. Идея их в том, что в древности некто великий магнетизировал исток реки с такой силой, что с тех пор вся вода, текущая из этого источника, в истинном смысле слова — святая вода, несущая его влияние и его благословение. И это вовсе не невозможно, хотя должно потребовать либо большого запаса силы в начале, либо каких-то мер, которые бы часто повторялись. Процесс тут простой и понятный; единственная трудность — в том, что можно назвать масштабом операции. Но то, что за пределами сил обычного человека, может оказаться вполне лёгко для того, кто находится на гораздо более высоком уровне.

Глава VIII

ВЛИЯНИЕ РИТУАЛОВ

Рассматривая влияние, распространяемое нашими соборами и церквями, мы до сих пор ограничивались тем, что излучается их стенами. Однако это лишь малая и побочная часть эффекта, который согласно великому плану Основателя этой религии они должны производить на общество; и даже сам этот план в свою очередь — всего лишь часть более величественной схемы. Позвольте мне попытаться это объяснить.

Иерархия

Изучающие теософию знакомы с тем фактом, что руководство эволюцией мира осуществляется через Иерархию Адептов, работающих под началом великого Водителя, и один из отделов этого правительства посвящён распространению религий и управлению ими. Руководитель этого отдела называется на востоке Бодхисаттвой, и известен на западе как Христос, хотя в действительности это лишь титул, принятый им в одном из воплощений. План этого правительства состоит в том, что в каждый мировой период должны быть семь последовательных бодхисаттв — по одному для каждой коренной расы. Каждый из них последовательно занимает эту должность и в течение срока своего правления заведует всей религиозной мыслью мира, а не только своей собственной коренной расы; и воплощаться он может много раз.

Чтобы проиллюстрировать, что же именно имеется в виду, возьмём пример предыдущего главы этого отдела, которого мы знаем как господина Гаутаму. Технически он был бодхисаттвой атлантской, или четвёртой коренной расы, и в ней он воплощался много раз под разными именами в течение периода, простиравшегося на несколько сотен тысячелетий; но хотя его особенная работа относилась таким образом к четвёртой коренной расе, в его ведении были религии всего мира, и следовательно, он не пренебрегал и пятой коренной расой. В ранние периоды истории каждой из её подрас он появлялся и основывал особую религию. В первой подрасе он был изначальным Вьясой; имя же, которое он носил во второй подрасе, не сохранилось в истории. В третьей подрасе он был изначальным Зороастром — первым в длинной линии носивших это имя. Для великой религии Египта он был Тотом — названным греками Гермесом Трисмегистом (трижды величайшим), а среди ранних греков четвёртой подрасы он был бардом Орфеем, основателем их мистерий.

В каждом из таких рождений он собирал вокруг себя некоторое количество серьёзных учеников, и разумеется, во многих случаях это были те же «я» в новых телах, хотя он постоянно добавлял к их числу новых. Четвёртая коренная раса вовсе не закончила ещё свою эволюцию, ведь к ней ещё принадлежит большинство жителей Земли — это огромные массы китайцев, татар, японцев, малайцев, а также все малоразвитые народы, но она уже давно миновала свой расцвет — то время, когда она была доминирующей в мире расой и в ней воплощались все наиболее продвинувшиеся «я». Когда её слава наконец прошла, Бодхисаттва был готов к тому, что стало кульминацией его работы и включало в себя достижение очень высокого уровня посвящения, который мы называем степенью будды, и передачу своей должности преемнику.

Чтобы собрать в одной стране, и даже в значительной мере в одной её части, все «я», которые были его особыми последователями в разных прожитых им жизнях, потребовалась определённая подготовка. Затем среди них воплотился и он сам — или, что более вероятно, среди них воплотился один из его высших учеников, который предоставил своё тело Бодхисаттве, когда приблизилось назначенное время.* И как только он принял в этом теле великое посвящение и стал Буддой, он отправился проповедовать свою Дхарму, или Закон. Мы не должны придавать слову «закон» обычный, узкий смысл, поскольку он идёт гораздо дальше, чем простой набор заповедей. Это скорее его представление Истины о человечестве и его эволюции, а также его наставления, основанные на этой истине, как следует действовать человеку, чтобы сотрудничать с планом этой эволюции.

* Это объясняет, почему в преданиях и о Будде, и о Христе говорится о пройденных ими испытаниях, которые представляются неуместными для существ такого уровня — в действительности они проходились такими учениками. — *Прим. пер.*

Проповедуя эту Дхарму, он собрал вокруг себя множество своих старых учеников, а благодаря огромной силе и магнетизму, которые принадлежали ему как Будде, он помог очень многим из них достичь того четвёртого этапа пути, который называют уровнем архата. Остаток своей жизни на земле он провёл, проповедуя и укрепляя новую веру, а уйдя из физической жизни, он окончательно передал свой пост управителя религий своему преемнику, которого мы называем господом Майтреей — это великий, который почитается по всей Индии под именем Кришны, а в христианском мире — под именем Иисуса Христа. Никого из изучавших теософию это выражение с толку не собьёт, поскольку они знают, что новый бодхисаттва взял тело ученика Иисуса и удерживал его три последних года его жизни с целью основания христианской религии. После смерти этого тела он продолжал несколько лет учить своих наиболее близких учеников из астрального мира, а с того времени и поныне он поручил тому ученику Иисусу (который теперь сам учитель) наблюдать за судьбами церкви и руководить её судьбами, насколько это возможно.

Сразу же после принятия должности господь Майтрея воспользовался необычайно хорошими условиями, оставленными ему Буддой, чтобы совершить несколько одновременных усилий, способствующих религиозному прогрессу мира. Он не только сам спустился в почти немедленное воплощение, но в то же время использовал многих из тех, кто достиг уровня архата при господе Будде и был готов тут же принять новое рождение. Из этой группы учеников пришли те, кого мы знаем под именами Лао-цзы и Конфуция, которые были посланы в воплощение в Китай. Из них также был и Платон, а из их последователей — Фидий и многие другие из величайших греков.

В тот же период времени пришёл великий философ Пифагор, который и есть наш нынешний учитель К. Х. Он не был одним из ближайших спутников Будды, поскольку уже достиг уровня архата и должен был работать в другом месте, но он отправился в Индию повидать его и получить его благословение. Он тоже находится на луче Бодхисаттвы и может считаться одним из его главных сподвижников.

Одновременно со всеми этими усилиями господь Майтрея сам воплотился как Кришна и провёл в Индии весьма удивительную жизнь, в которую он основал аспект бхакти в религии этой страны, которая теперь демонстрирует нам, пожалуй, самые пылкие примеры крайней преданности из наблюдаемых где-либо в мире. Это великое воплощение не следует путать с воплощением Кришны, описанным в Махабхарате; последний был воином и государственным деятелем и жил приблизительно за 2500 лет до того времени, о котором мы говорим.

Вместе с ним пришло и другое великое воплощение, но на этот раз не из отдела религий, но скорей из одного из организационных отделов — великий Шанкарачарья, который путешествуя по Индии, основал четыре главных монастыря (матха) и орден санньяси. Из-за того, что каждый из длинной последовательности стоявших во главе монашеских организаций тоже принимал титул Шанкарачарьи, произошла некоторая путаница, так что говорить о Шанкарачарье — это всё равно, что упоминать папу римского без указания на конкретного держателя папского престола. Великого основателя, о котором мы сказали, не следует путать с более известным держателем этого титула, который через семь столетий после Христа написал объёмистую серию комментариев к Бхагавад-гите и некоторым из Упанишад.

Три пути

Эти три великих учителя, следовавшие столь быстро один за другим в Индии, дали свежий импульс для каждого из трёх путей. Будда основал религию, дающую подробнейшие указания для повседневной жизни, такие, как нужны тем, кто следует путём действия, тогда как Шанкарачарья снабдил метафизическим учением тех, для кого путём является мудрость, а господь Майтрея (проявившийся как Кришна) предоставил высший объект поклонения для тех, для кого наиболее прямой путь к истине — это бхакти. Но первой попыткой нового бодхисаттвы выстроить религию, которой суждено было перешагнуть границы одной страны и пойти в другие страны, следует считать христианство, в то время как его работа под именем Кришны предназначалась специально для Индии. Для тех, кто проникает за внешнее проявление к внутреннему и мистическому смыслу, будет иметь значение, что луч или тип, к которому принадлежат господь Будда, Бодхисаттва и наш учитель К. Х., является в особом смысле проявлением второго аспекта Солнечного Логоса — второго лица Святой Троицы.

Религия — предметная сторона этого аспекта; она действует не только изнутри, через сердца и умы её приверженцев, но также и извне, организуя возвышающие и утончающие влияния, которые постоянно действуют на разные их проводники. Храмы и церкви задумывались не просто как места поклонения, но и как центры магнетизма, через которые на окружающие их области могли изливаться духовные силы. Люди часто забывают, что даже великие должны исполнять свою работу, подчиняясь законам природы, и что им на самом деле приходится экономить свои силы, как только возможно, а потому делать всё, что необходимо, наилегчайшим из возможных способов.

Например, в данном случае, когда цель — обеспечить сияние духовной силы над определённой областью, неразборчиво изливать её повсюду, подобно дождю, было бы неэкономично, поскольку это потребовало бы одновременного совершения в миллионах разных мест чуда материализации, как бы для каждой капли по отдельности, и каждое потребовало бы значительных усилий. Гораздо проще было бы основать в некоторых точках определённые магнетические центры, где бы постоянно действовал механизм такой материализации, так что при излиянии лишь небольшой силы свыше она бы сразу распространялась по значительной области.

В ранних религиях это достигалось установлением сильно намагнетизированных центров, таких как образ или лингам в индуистских храмах, алтарь со священным огнём у парсов, или статуя Будды у буддистов. Когда каждый поклоняющийся появлялся перед одним из этих символов и изливал свою любовь или благодарность, он не только низводил на себя ответную силу, но и вызывал некоторое её излучение на окружающих, находившихся в пределах некоторого радиуса.

Основывая христианскую религию, Бодхисаттва предпринял новый эксперимент с целью обеспечить более основательное и эффективное распределение духовной силы, производящееся по меньшей мере раз в день. Тот факт, что эксперименты подобного рода *могут* предприниматься — что хотя великолепная система Иерархии неизменно зиждится на скале веков, тем не менее она даёт своим представителям столь много свободы — несомненно представляет глубочайший интерес. Он показывает нам, что организация, являющаяся самой предельно консервативной в мире, в то же время является удивительно либеральной, и что древнейшая форма правления является и самой гибкой и приспособляемой. И лишь в отношении высокого Главы Иерархии обретают полный смысл великие древние слова краткой молитвы Англиканской церкви — «В служении ему — совершенная свобода».

Пожалуй, понятнее всего будет, если для объяснения этой новой схемы я опишу, как я сам впервые смог увидеть кое-что из подробностей её работы. Но сначала я должен сказать несколько слов о нынешнем состоянии христианской церкви.

Та церковь, которую мы видим теперь — это лишь бедное представление того, что задумывал её Основатель. Первоначально у неё, как и у всех других религий, были свои высшие мистерии и три стадии — очищения, озарения и совершенства, через которые должны были пройти её дети. С изгнанием из церкви великих учёных гностиков как еретиков этот аспект истины был для неё потерян, и единственная идея, которую она ставит перед своими членами, и то не очень понятно — это представление о первой из этих трёх стадий. Ориген, один из величайших людей, которых когда-либо давала Церковь, очень ясно описал два типа христианства — телесное и духовное — говоря, что первое предназначалось лишь для того, чтобы привлечь невежественные массы, тогда как второе было для тех, кто знает. В наши дни церковь уже забыла эту истинно духовную и высшую сторону своего учения и занялась жалкими попытками объяснить, что у того низшего учения, которое и есть практически всё, что у неё осталось, так или иначе есть некая духовная сторона.

Христианская магия

Тем не менее, и несмотря на всё это, древняя магия, которая была установлена её Основателем, всё ещё работает и так же действенна, так что даже в эти дни своего упадка Церковь ещё находится под водительством и контролем. В священнодействиях, когда они правильно совершаются, ещё есть реальная и живая сила — сила самого Солнечного Логоса, — и она приходит через того, кого мы называем Учителем Иисусом, будучи таким образом в его особом ведении.

Это не он, а Христос, то есть Господь Майтрея, основал эту религию, но тем не менее, особая опека над христианством была передана в руки того, кто предоставил своё тело для работы его основателя. Вера в его личный интерес к христианской церкви почти умерла во многих её ответвлениях; её члены скорее думают о нём, как об Учителе, жившем две тысячи лет назад, чем как о деятельной силе сегодняшней церкви. Они забыли, что он всё ещё — живая сила, реальное присутствие, и поистине всегда с нами, даже до конца света,* как он сам сказал. Он не бог в идолопоклонническом смысле, но канал, через который божественная сила достигла многих миллионов — иерарх, возглавляющий отдел преданного служения в работе Христа.

* В русском синодальном переводе — «Я с вами во все дни до скончания века» (Матф. 28:20). — *Прим. пер.*

Церковь сильно отошла в сторону от первоначально намеченного для неё курса. Она должна была отвечать чаяниям всех типов людей, теперь же она отвечает на запросы лишь одного, и то очень несовершенно. Должно произойти восстановление этих связей, и поскольку интеллектуальная активность — знак нашего времени и признак последней подрасы, интеллектуальное возрождение, проявляющее себя в высшем критицизме, целью своей имеет сделать религию способной отвечать потребностям другого типа ума. Если бы только священники и проповедники обладали преимуществом непосредственного знания, они были бы способны помогать своим народам в этом кризисе, направляя и ведя их интеллектуальную деятельность своим собственным знанием истины и поддерживая в сердцах своей паствы духовность, без которой любые интеллектуальные усилия бесплодны.

Церковь не только почти полностью забыла изначальную доктрину, которой учил её Основатель, но большинство её священников теперь имеют очень малое понятие об истинном смысле и силе обрядов, которые они должны совершать. Вполне вероятно, что Христос предвидел, что это может случиться, ибо он тщательно устроил всё так, что ритуалы должны действовать, даже если ни их исполнители, ни народ не обладают никаким интеллектуальным пониманием их методов или результатов. Будет трудно объяснить в общих чертах его план среднему христианину, но для теософа он окажется более понятен, потому что он уже знаком с некоторыми из общих идей, которые в нём применены.

Изучая теософию, мы часто слышим о великом резервуаре силы, который постоянно пополняется нирманакаями с той целью, чтобы его содержание могло использоваться членами Иерархии адептов и их учениками в помощь эволюции человечества. Замысел Христа, осуществлённый им для своей религии, состоял в том, чтобы зарезервировать для неё нечто вроде отделения этого резервуара и образовать определённый корпус официальных лиц, которые были бы наделены полномочиями черпать из него при помощи особых церемоний, слов и знаков силы для духовного блага своих народов.

Метод, принятый для передачи этой власти, называется рукоположением, и тут нам сразу становится виден истинный смысл доктрины апостольского преемства, о которой было так много споров. Сам я, будучи священником англиканской церкви, сильно держался этой доктрины, но когда благодаря изучению теософии я стал лучше понимать религию и приобрёл более широкие взгляды на жизнь, я начал сомневаться в том, что эта преемственность в действительности так много значит, как полагали мы, приверженцы ритуалистической партии внутри церкви. Однако при глубоком изучении я был рад обнаружить, что у этой доктрины есть реальное основание, и что она значит даже много больше, чем когда-либо учили высшие из наших церковных школ.

Литургия

Впервые это привлекло моё внимание, когда я наблюдал эффект, производимый совершением литургии в католической церкви в маленькой деревушке в Сицилии. Те, кому знаком этот красивейший из островов, поймут, что не встретятся там с самой интеллектуальной из форм римско-католической церкви, и ни священника, ни людей из его паствы нельзя было назвать особенно высоко развитыми, и всё же совершенно обычное совершение литургии было великолепной демонстрацией применения оккультных сил.

В момент освящения даров они просияли ослепительно ярко, для глаза ясновидящего это было настоящим солнцем, а когда священник поднял их над головами паствы, я заметил, что из них изливалось две ясно различимых разновидности духовной силы, которые, пожалуй, можно было бы грубо сравнить с лучами солнца и протуберанцами его короны. Первая равномерно излучалась во всех направлениях, достигая всех присутствовавших в церкви; в действительности она проникала сквозь стены церкви, как будто их и не было, и оказывала влияние на значительную часть окружающей страны.

Эта сила имела характер сильного стимула, и её действие сильнее всего было в мире интуиции, хотя оно было чрезвычайно мощным также и на трёх высших подпланах ментального мира. Её деятельность также хорошо была заметна и в трёх высших подразделениях астрального плана, но это было отражением с ментального плана, или, возможно, эффект, вызванный резонансными колебаниями. Её влияние на людей, попавших в радиус её действия, было пропорционально их развитию. В очень немногих случаях (когда уже имело место некоторое развитие интуиции) она действовала как мощный стимулятор, временно

удваивая или утраивая деятельность в этих интуитивных телах и сияние, которое они были способны испускать. Но поскольку у большинства людей материя проводника интуиции пока что является полностью спящей, основной эффект производился на каузальные тела тамошних обитателей.

У большинства из них, опять же, эти тела были частично пробуждены и отзывчивы лишь когда дело касалось третьего подплана ментального мира, а потому они упускали многие из преимуществ, которые получили бы, будь у них в полной активности более высокие подразделения каузальных тел. Но так или иначе, все без исключения «я», оказавшиеся в пределах досягаемости, получили от этого священнодействия отчётливый импульс и определённые преимущества, как бы мало они ни знали о том, что было совершено, и как бы мало ни проявляли к этому внимания.

Астральные вибрации тоже, хотя и намного слабее, производили далекоидущий эффект, поскольку по крайней мере уж астральные тела у сицилийцев обычно бывают основательно развиты, так что вовсе нетрудно пробудить их эмоции. Многие люди, находящиеся далеко от церкви, идя по деревенской улице или занимаясь своими разнообразными делами на уединённых склонах холмов, почувствовали на мгновение благоговейный трепет или порыв любви, когда по местности проходила эта волна духовного мира и силы, хотя определённо им никогда и не снилось, что это связано с мессой, совершаемой в их небольшом храме.

Сразу же становится очевидно, что мы встречаемся тут с грандиозной и далекоидущей схемой. Ясно, что одна из великих целей, и возможно, главная цель ежедневной мессы состоит в том, чтобы всякий, кто оказался в пределах досягаемости, каждый день получал один из этих электрических импульсов, столь хорошо рассчитанных, что способствующих любому росту, на который он способен. Такое излияние силы несёт каждому то, что он сам способен принять, и даже совершенно неразвитый и невежественный человек не может не стать чуть лучше благодаря мимолётному касанию благородных чувств, тогда как для тех немногих, кто продвинулся больше, оно означает духовный подъём, ценность которого было бы трудно переоценить.

Я сказал, что был и другой эффект, который я сравнил с протуберанцами в солнечной короне. Свет, который я только что описал, без различия изливался на всех — на праведных и неправедных, на верующих и насмехающихся. Но эта вторая сила вызывалась к действию только в ответ на сильные религиозные чувства со стороны отдельного человека. При освящении даров все члены паствы простираются — некоторые, по всей видимости, просто в силу привычки, но некоторые и из сильных благоговейных чувств.

Эффект, наблюдаемый ясновидящим, был весьма поразительным и глубоко впечатляющим, ведь к каждому из этих последних из поднятых даров устремлялся огненный луч, заставлявший высшие части их астральных тел сиять сильнейшим экстазом. Через астральное тело, по причине тесного соотношения с ним, подвергался сильному воздействию и проводник интуиции, и хотя нельзя было сказать, что у кого-нибудь из этих крестьян он был как-либо пробуждён, его рост

внутри оболочки несомненно определённо стимулировался, и его способность инстинктивно влиять на астральное тело улучшалась. Ведь хотя сознательно формировать и направлять астральное тело может лишь пробуждённая интуиция, огромный запас силы есть даже в самом неразвитом интуитивном проводнике, и она светит на астральное тело и сияет через него, хотя бы это делалось бессознательно и автоматически.

Естественно, я очень сильно заинтересовался этим феноменом, и стал посещать разные службы в разных церквях, чтобы выяснить, всегда ли виденное мною проявляется неизменно, а если меняется, то когда и при каких условиях. Я обнаружил, что каждый раз достигались те же результаты, и всегда наблюдались две силы, которые я попытался описать — первая, по-видимому, без всяких заметных вариаций, тогда как проявление второй зависело от количества по-настоящему набожных людей среди прихожан.

Но поднятие даров сразу же после их освящения было не единственным случаем, когда это проявление силы имело место. Когда давалось благословение евхаристии, случалось в точности то же самое. Несколько раз я следовал за процессией, когда святые дары проносили по улицам, и каждый раз, когда делалась остановка у какой-нибудь полуразрушенной церкви и с её ступеней давалось благословение, производилось точно такое же двойное проявление. Я заметил, что дары, оставленные на алтаре в церкви, весь день равномерно испускали эти два влияния, хотя и не так сильно, как в момент поднятия или благословения. Можно сказать, что с алтаря непрестанно сиял свет, но в эти моменты особых усилий он вспыхивал, как солнце. Действие второй силы, второго луча света, можно было также вызвать из даров, сохранённых на алтаре, хотя мне показалось, что оно было несколько менее живым, чем излияние, происходившее сразу после освящения.

Всё, связанное со святыми дарами — дарохранильница, дароносица, сам алтарь, облачение священника, мантилья,* потир и дискос — все они сильно заряжены огромным магнетизмом, и все его излучают — каждый в своей степени.

* Мантилья, или покров — шёлковое полотнище, набрасываемое подобно накидке на плечи и руки священника таким образом, чтобы его руки не касались непосредственно освящаемых даров. Применяется только в католической церкви. — *Прим. пер.*

Третий эффект — это производимый при святом причастии. Всякий, кто принимает в своё тело часть этого сияющего центра, из которого истекают свет и огонь, сам временно становится подобным центром и в свою очередь излучает силу. Мощные волны силы, с которыми он таким образом вошёл в самый тесный контакт, какой только возможен, не могут не оказать серьёзного влияния на его высшие тела. На время эти волны поднимают его вибрации, приводя их в гармонию с собой, тем производя ощущение сильного подъёма. Однако, это является для разных его проводников значительным напряжением, которое, естественно, склонно постепенно спадать до их обычных частот. Это неопишимо живое высшее влияние долго борется с этой тенденцией к замедлению, но мёртвый вес сравнительно большой массы собственных обычных колебаний

человека оказывается тормозом даже для этой огромной энергии и постепенно снижает колебания до общего уровня. Но каждый такой опыт несомненно делает человека на бесконечно малую часть выше, чем он был раньше. Несколько мгновений или даже часов он был в непосредственном контакте с силами вселенной, которые намного выше, чем все те, с которыми он, не будь этого, мог бы соприкоснуться сам.

Естественно, что увидев всё это, я перешёл к дальнейшим исследованиям, чтобы выяснить, как на это излияние силы влияют характер, знания или намерения священника. И результаты исследования множества случаев я могу кратко суммировать в двух или трёх аксиомах, которые несомненно с первого взгляда многим из моих читателей покажутся странными.

Рукоположение

Во-первых, лишь те священники, которые были должным образом рукоположены и имеют апостольскую преемственность, могут вообще добиваться этого результата. Другие люди, не будучи частью этой церковной организации, не могут этого совершить, как бы набожны, благи и святы они ни были. Во-вторых, ни характер священника, ни его знания, ни даже невежество относительно того, что же он в действительности делает, вообще никоим образом не влияют на результат.

Если задуматься над этим, то ни одно из этих заявлений не должно показаться ни в коей мере поразительным, поскольку очевидно, что это вопрос способности совершать определённое действие, и только те, кто прошли через определённую церемонию, получили дар способности его совершать. Точно так же, чтобы быть в состоянии говорить с какой-то группой людей, нужно знать их язык, и человек, этого языка не знающий, не сможет общаться с ними, каким бы благим, искренним и преданным он ни был. Также его способность общения с ними не зависит от его личного характера, а лишь от того, обладает он или нет способностью говорить с ними, которой его наделяет знание их языка. Я вовсе не хочу сказать, что эти прочие обстоятельства не имеют своего должного эффекта, и я скажу о нём позже, но я имею в виду, что никто не может черпать из этого конкретного запаса, если он не наделён властью делать это, которая даётся через рукоположение, даваемое согласно указанию, оставленному Христом.

Я думаю, что можно увидеть очень вескую причину, почему это было устроено именно так. Нужен был некий план, который бы делал великолепное излияние силы доступным каждому одновременно в тысячах церквей по всему миру. Я не говорю, что для человека исключительной силы и святости невозможно силой своей преданности низвести количество высшей силы, соизмеримое с той, что получается путём описанных мною ритуалов. Но люди такой исключительной силы всегда очень редки, и в любой период мировой истории никогда нельзя было одновременно найти достаточное их количество, чтобы наполнить хотя бы тысячную часть мест, где они были нужны. Здесь же мы имеем план, который устроен в определённой мере механически — установлено, что определённое действие, выполняемое должным образом, станет признанным методом

низведения силы, и это может делаться после сравнительно небольшой подготовки всяким, кому передана эта власть. Чтобы качать воду, нужен сильный человек, но кран может отвернуть и ребёнок. Требуется сильный человек, чтобы сделать дверь и установить её, но когда она уже на петлях, любой ребёнок может её открыть.

Будучи сам священником англиканской церкви, и зная, сколь острыми были споры о том, действительно ли эта церковь обладает апостольским преемством, я, естественно, заинтересовался и захотел выяснить, владеют ли её священники этой силой. И я был весьма доволен, обнаружив, что они ею владеют, и полагаю, что мы можем считать это явным разрешением столь много обсуждавшегося «вопроса Паркера», а с ним и всей дискуссии об аутентичности орденов англиканской церкви. Вскоре, в ходе дальнейших исследований, я обнаружил, что священники образований, которые обычно называют дробящимися сектами, этой силой не обладают, какими бы благими и искренними они ни были. Их благость и искренность производили множество других эффектов, которые я вскоре опишу, но их попытки *не* извлекали силы из того конкретного запаса, о котором я упоминал.

Особенно меня интересовал случай одного такого священника, которого я лично знал как хорошего и преданного человека, а также хорошо начитанного теософа. Это был человек, который гораздо больше знал об истинном смысле ритуала освящения, чем 999 из тысячи священников, которые постоянно его совершают, и всё же я был вынужден признать, что лучшие его усилия не производили этого конкретного эффекта, тогда как у других это несомненно получалось. (Опять же, повторяю, что конечно же он совершал многое, чего они не делали — о чём скажу вскоре). Поначалу это меня несколько удивило, но скоро я увидел, что иначе и быть не могло. Представьте, например, что некий богатый масон оставил в наследство некоторую сумму денег для раздачи среди своих более бедных братьев. Закон никогда не допустит распределения этих денег среди тех, кто не является масонами, для которых они предназначены, и тот факт, что эти другие люди вне масонства могут оказаться более благочестивыми или заслуживающими этих денег, не будет иметь здесь ни малейшего веса.

Другой момент, который меня очень интересовал, состоял в том, чтобы выяснить, в какой степени на производимый результат влияет намерение священника, если влияет вообще. В католической церкви я видел множество священников, которые проделывали обряд несколько механически, как ежедневную обязанность, без всяких определённых мыслей о предмете; но будь то от глубоко внедрившегося благоговения или от долгой привычки, они прямо перед моментом освящения, похоже, всегда приходили в себя и совершали этот акт с определённым намерением.

Англиканская церковь

Затем я обратился к той части англиканской церкви, которую называют «низшей», потому что знал, что многие из её приверженцев всецело отрицают имя священника, и хотя производя акт освящения, они могут полностью следовать

уставу, их отношение к этому могло быть точно таким же, как и у священников различных сект вне Церкви. И всё же я обнаружил, что они могли совершать и совершали этот эффект, тогда как стоящие вне Церкви не могли. Из этого я сделал вывод, что «намерение», о котором всегда говорят как о необходимом — это не более, чем намерение делать всё, что велит Церковь, и не относится к личному мнению конкретного священника о смысле этого. Я не сомневаюсь, что многие подумают, что всё это должно было быть устроено совсем иначе, но я могу лишь искренне сообщить открывшийся мне при исследованиях факт.

Сказанное мною ни в коем случае не следует понимать так, что преданность и искренность, знания и благой характер священника не имеют никакого значения. Они имеют огромное значение, но вот на способность черпать из этого конкретного резервуара они никак не влияют. Когда священник является искренним и благоговейным, все его чувства излучаются на его паству и вызывают подобные же чувства у тех, кто на них способен. Его религиозные чувства также вызывают неизбежный отклик, как показано на иллюстрации в нашей книге «Мыслеформы», и это ответное излияние силы приносит пользу и его пастве, равно как и ему самому. Таким образом, можно сказать, что священник, который отдаёт своему служению душу и сердце, несёт своей пастве двойное благословение, хотя этот второй тип влияния едва ли можно считать имеющим тот же порядок величины, как первый. Это второе излияние, которое низводится самой преданностью и благоговейностью, конечно же можно встретить вне Церкви столь же часто, как и внутри неё.

Ещё один фактор, который следует учитывать, это чувства прихожан. Если их чувства почтительны и благоговейны, это оказывает огромную помощь их наставнику и в огромной степени увеличивает количество духовной энергии, изливаемой свыше в ответ на преданную любовь. Их средний интеллектуальный уровень тоже является фактором, который надо учитывать, поскольку человек, который не только набожен, но и разумен, несёт в себе благоговение более высокого порядка, чем его более невежественный брат, и потому способен вызвать более полный отклик. С другой стороны, во многих местах поклонения, где много делается для упражнения интеллектуальных способностей, и например, главной считается не служба, а проповедь, редко можно встретить настоящее благоговение, а его место занимает отвратительный дух критицизма и духовной гордыни, который эффективно мешает несчастным прихожанам получать какие-либо хорошие результаты от того, что они считают духовными упражнениями.

Чувство преданности или беспечность, вера или скептицизм собравшихся не вносят никакой разницы в поток, идущий свыше, если службу проводит священник, имеющий требуемые полномочия черпать из предназначенного для этого резервуара. Но естественно, эти факторы вносят разницу в количество лучей, исходящих от освящённых даров, и таким образом, в общую атмосферу церкви.

Музыка

Ещё одним очень важным фактором является эффект, производимый музыкой, используемой в ходе службы. Читавшие «Мыслеформы» вспомнят изображения поразительных ментальных, астральных и эфирных сооружений, которые выстраиваются под влиянием звука. Общее действие звука — это вопрос, за который я возьмусь в другой главе, а здесь коснусь лишь той его стороны, которая относится к церковным службам.

Ведь существует ещё одно направление, в котором эти службы способны производить удивительный и мощный эффект, и о котором не подозревает большинство участвующих в них. Благоговение Церкви всегда было сосредоточено в основном вокруг литургии, как акта самого высокого и чистого восхищения и поклонения, которое только возможно, и потому самые возвышенные усилия её величайших композиторов также были связаны с этой службой. Здесь мы можем видеть ещё один пример того, с какой мудростью всё это было первоначально устроено, а также пример полнейшей глупости тех, кто столь бестолково пытается внести в это «улучшения».

Мыслеформы

Каждая из великих церковных служб (а особенно — празднование евхаристии) изначально была спланирована так, чтобы выстраивать мощную и упорядоченную форму, выражающую и окружающую центральную идею — форму, которая должна облегчать и направлять излучение влияния на всё селение, окружающее церковь. Можно сказать, что замысел здесь двойной — принять и распределить великое излияние духовной силы, а также собрать любящую преданность людей и предложить её перед престолом Бога.

В случае литургии, как она совершается в католической или православной церкви, разные части службы сгруппированы вокруг центрального акта освящения с таким расчётом, чтобы обеспечивалась симметрия создаваемой при этом огромной формы, и на молящихся оказывался непосредственный эффект. Изменения, сделанные в Англиканском Молитвеннике в 1552 году, были, очевидно, работой людей невежественных относительно этой части вопроса, поскольку они полностью эту симметрию нарушили, что является одной из причин крайней желательности того, чтобы Англиканская Церковь так скоро, как это возможно, добилась бы позволения использовать в качестве альтернативы мессу короля Эдварда VI согласно молитвеннику 1549 г.

Одним из самых важных эффектов, производимых церковной службой как на самих прихожан, так и на окружающую область, всегда было создание этих прекрасных и благоговейных мыслеформ, через которые излияние силы из высших миров может происходить гораздо легче. Они получаются лучше и их эффективность повышается, если значительная часть принимающих участие в службе делают это с разумным пониманием, но даже когда их преданность невежественна, результат всё равно выходит прекрасным и возвышающим.

Большинство сект, которым неспасчастливилось отколоться от Церкви, полностью потеряли из виду эту внутреннюю и более важную сторону публичных служб. Идея служения Богу почти исчезла, и её место в значительной мере занято фанатичным проповедованием узких богословских догм, которые всегда бывают маловажными, а зачастую и смехотворными. Читатели иногда выражали удивление по поводу того, что пишущие с оккультной точки зрения столь явно высказываются в пользу практик Церкви по сравнению с практиками разнообразных сект, обладающих мышлением во многих отношениях более либеральным. Причина тут как раз в том, что они учитывают ту самую внутреннюю сторону вещей, которой мы сейчас заняты.

Изучающий оккультизм полностью признаёт ценность усилий, сделавших возможными свободу мысли и свободу совести, но он не может не видеть, что те, кто отбрасывают прочь великолепные древние формы и службы Церкви, тем самым теряют почти всю оккультную сторону своей религии, делая из неё нечто по сути эгоистичное и ограниченное, сосредоточенное в основном на «личном спасении» вместо благодарного служения Богу, которое само по себе — неиссякаемый источник, через который божественная любовь изливается на всех.

Достижение свободы мысли было необходимым шагом в процессе человеческой эволюции, но тем, как неуклюже и жестоко это было сделано, а также глупым бросанием в крайности, в которые завело её предводителей грубое невежество, было порождено много прискорбных последствий, наблюдающихся в наши дни. Та же дикая и безумная страсть к разрушению, которая заставляла жестоких солдат Кромвеля разбивать бесценные статуи и невозстановимое цветное стекло, лишила нас также и ценного эффекта, производимого в высших мирах постоянными молитвами за умерших и почитанием святых и ангелов, которое практически всемирно распространено в народе. Тогда огромная масса народа была религиозной, пусть и невежественно религиозной; теперь же она неприкрыто или даже хвастливо нерелигиозна. Возможно, эта переходная стадия является необходимой, но вряд ли сама по себе она может считаться прекрасной или хотя бы удовлетворительной.

Эффект благоговения

Никакая другая служба не производит эффекта, вообще сравнимого со служением литургии, но огромные музыкальные формы могут, конечно же, появляться на всякой службе, где используется музыка. На всех других службах (кроме, конечно же, католического благословения святой евхаристии) создаваемые мыслеформы и общая польза в огромной степени зависят от благоговения народа. Однако благоговение, будь то индивидуальное или коллективное, сильно различается по качеству. Например, благоговение примитивного дикаря обычно сильно смешано со страхом, и главная связанная с ним мысль в его уме — умиловить божество, которое иначе может ему отомстить. Но немногим лучше этого и значительная часть благоговения людей, которые считают себя цивилизованными, поскольку оно представляет собой нечто вроде грязной сделки — божеству предлагают

некоторое количество преданности, если оно со своей стороны предоставит некоторую помощь или защиту.

Такая преданность, будучи по своей природе полностью эгоистичной и корыстной, производит результаты лишь в низших типах астральной материи, причём во многих случаях результаты весьма неприглядные. Мыслеформы, создаваемые такими людьми, часто выглядят подобно абордажным крюкам, и действующие в них силы всегда движутся по замкнутым кривым, производя отдачу лишь на человека, который их посылает, и возвращая ему любые малые результаты, которых они способны достичь. Истинное, чистое, бескорыстное благоговение — это выброс чувства, которое никогда само не возвращается к пославшему его человеку, но составляет поистине космическую силу, производящую широкие результаты в высших мирах.

Хотя сама сила никогда не возвращается, породивший её человек становится центром нисхождения божественной энергии, приходящей в ответ, и тем своим деянием любви поистине благословляет себя, хотя в то же время он благословляет и многих других, а в добавление к этому удостоивается несравненной чести внести свой вклад в могущественный резервуар нирманакай. Те, у кого есть наша книга «Мыслеформы», могут посмотреть в ней попытку изобразить устремляющийся вверх великолепный голубой шпиль, созданный благоговением такого рода, и легко поймут, как оно открывает путь к определённому излиянию божественной силы Солнечного Логоса.

Он изливает свою чудесную жизненную энергию на каждом уровне каждого из планов, и естественно, что излияние, принадлежащее более высокому миру, сильнее, полнее, и менее ограничено, чем то, которое предназначено миру, лежащему ниже. Обычно каждая волна этой великой силы действует только в своём собственном мире и не проходит с одного плана на другой, или не может пройти, но как раз благодаря бескорыстной мысли и чувству, будь то благоговение или любовь, обеспечивается временный канал, через который сила, обычно принадлежащая более высокому миру, *может* спуститься в более низкий и произвести там результаты, которые без неё никогда бы не произошли.

Каждый человек, который по-настоящему бескорыстен, часто делает себя подобным каналом, хотя конечно же в сравнительно небольшом масштабе; но мощное действие преданности большого собрания, когда оно действительно едино и не имеет никаких мыслей о себе, производит тот же результат в масштабе в огромной степени большем. Иногда, хотя и редко, эту оккультную сторону религиозных служб можно наблюдать в полном действии, и никто из тех, кто хоть раз удостоивался привилегии видеть такое великолепное проявление, и ни на мгновение не усомнится в том, что скрытая сторона церковной службы имеет важность бесконечно большую, чем всё сугубо физическое.

Такой человек увидел бы сияющую голубую спираль или шпиль из астральной материи высшего типа, рвущийся вверх, в небо, намного выше того его каменного образа, который иногда венчает само здание на физическом плане, где собираются поклоняющиеся. Он увидел бы ослепительное великолепие, которое изливается через него вниз и разливается огромным морем живого света по всей округе.

Естественно, диаметр и высота шпиля преданности и определяют ту степень, в какой открывается канал для нисхождения высшей жизни, тогда как сила, выражающаяся в той скорости, в которой возносится благоговейная энергия, соотносится со скоростью поступления этой жизни, приливающей в ответ. Зрелище это поистине удивительное, и всякий видевший его никогда больше не усомнится, что невидимые влияния гораздо больше видимых, и не сможет не осознать, что мир, идущий своим путём и не замечающий благоговейного человека, или даже насмехающийся над ним, оказывается у него в гораздо большем долгу, чем может полагать.

Помимо празднования евхаристии, власть рукоположенного священника проявляется и в других церемониях. Освящение воды при обряде крещения, или для раздачи верующим и для того, чтобы держать её при входе в церковь, наделяет её сильным влиянием, которое в каждом случае позволяет ей исполнить предназначенную ей роль. То же самое верно и для других освящений и благословений, входящих в регулярные обязанности священника, хотя во многих из них, похоже, роль непосредственного магнетизма самого священника несколько больше, что конечно же зависит от энергии и искренности, с которой он выполняет свою роль в обряде.

Святая вода

Может оказаться интересным изучить скрытую сторону некоторых меньших обрядов церкви и работу, совершаемую её священниками. Например, в процессе освящения воды очень силён месмерический элемент. Сначала священник берёт чистую воду и чистую соль, а затем демагнетизирует их, чтобы удалить из них все внешние влияния, которыми они могли быть случайно проникнуты. Основательно очистив их, затем он заряжает их духовной силой, каждую по отдельности, серьёзно и многократно, а затем, с ещё более горячими молитвами, он бросает соль в воду в форме креста, и на этом операция завершается.

Если эта церемония проведена правильно и аккуратно, полученная вода становится очень эффективным оберегом для тех особых целей, для которых она заряжалась — от человека, который пользуется ею, она будет отгонять все мирские и воинственные мысли и обратит его к чистоте и благоговейности. Изучающий оккультизм легко поймёт, как это получается, и видя астральным зрением разряд высшей силы, происходящий, когда кто-либо окропляет что-то святой водой или иначе применяет её, он без труда осознает, что она должна быть мощным средством, удаляющим нежелательные мысли и чувства и успокаивающим все беспорядочные вибрации астрального и ментального тел.

Духовная сила протекает каждый раз, когда священник совершает свою работу, но он может сделать значительное добавление к ней огнём своего благоговения и ясностью осознания того, что он совершает.

Крещение

У обряда крещения, как он совершался изначально, была реальная и прекрасная внутренняя сторона. В те древние времена вода специально магнетизировалась так, чтобы её вибрации оказали воздействие на высшие проводники, и все зародыши хороших качеств в несформировавшихся ещё астральном и ментальном телах ребёнка получили хороший стимул, тогда как зародыши злого были изолированы и заглушены. Основной идеей тут, несомненно, было воспользоваться этой ранней возможностью поспособствовать росту зачатков хорошего, дабы их развитие могло опередить развитие плохих наклонностей — чтобы позже, когда последние начнут приносить плоды, хорошее было уже настолько развито, что сдерживание плохого оказалось бы сравнительно лёгким делом.

Это одна сторона обряда крещения, но есть у него ещё один аспект, и он сродни тому посвящению, к которому, как надеялись, молодой член Церкви направит свои стопы, когда подрастёт. Это освящение и посвящение нового набора проводников служению своей душе, чтобы они стали истинным её выражением, и Великому Белому Братству. Оно оказывало на эти новые проводники оккультное воздействие, и когда церемония совершалась правильно и осмысленно, то несомненно, её эффект был мощным.

Единство — это сила

Экономичность и эффективность всего плана Господа Майтреи по распространению духовной силы основывается на том, что через небольшую группу людей, духовно подготовленных к её принятию, можно легко распределить по миру гораздо большие силы, чем удалось бы сделать иначе без излишней растраты энергии. В индусской схеме, например, каждый мужчина — сам себе домашний жрец, и потому приходится иметь дело с миллионами таких жрецов со всевозможным разнообразием в темпераменте и никоим образом специально не подготовленных. Система рукоположения священников даёт б`ольшую силу ограниченному количеству людей, специально выделенных для этой работы.

Этот принцип проводится и несколько дальше, и ещё более высокой властью наделяется ещё меньшее количество людей — епископы. Они сделаны каналами для той силы, которая и передаёт священнический сан, а значительно меньшее проявление той же силы сопровождает ритуал конфирмации. Скрытая сторона этих церемоний всегда представляет огромный интерес для того, кто изучает реальности жизни. К сожалению, сейчас во многих случаях все эти вещи становятся просто формальностями, и хотя это не лишает их действенности, всё же она сводится к минимуму. Но там, где эти древние формы применяются так, как это задумывалось изначально, невидимый их эффект вне всяких пропорций превосходит то, что видимо в физическом мире.

Освящение

Также лишь епископам даётся сила освящать церковь или подворье, и оккультная сторона этого представляет собой поистине прекрасное зрелище. Интересно наблюдать, как вырастает нечто вроде защитной стены, которую епископ выстраивает, обходя церковь и читая предписанные стихи и молитвы. Нужно отметить изгнание всяких обыкновенных мыслеформ, которые могли там оказаться, и замену их упорядоченными и благоговейными формами, вместилищем для которых отныне должно стать это здание.

Колокола

Есть и много меньших освящений, представляющих огромный интерес — например освящение колоколов. Колокольный звон играет в рабочем плане Церкви определённую роль, которая в наше время, похоже, мало понимается. Согласно современным представлениям, колокола предназначены лишь для того, чтобы сзывать людей на службу, и несомненно, что в средние века, когда у людей не было часов, они исполняли именно это назначение. Из этого ограниченного видения назначения колоколов появилась идея, что для этой цели годится любой предмет, создающий громкий шум, и большинство английских городов поутру в воскресенье превращаются прямо-таки в чистилище от одновременного, но нестройного стука множества немзыкальных железяк.

Иногда мы признаём истинное использование колоколов, как например по большим праздникам или по поводам народной радости, ибо первоначальный план предполагал лишь гармоничный перезвон музыкальных колоколов, которые должны были оказывать двоякое влияние. Некоторые остатки этого, хотя понимаемые лишь наполовину, сохраняются в кампанологии (науке о колокольном звоне), и те, кому знакома радость от правильного исполнения *trip-bob-major* или *grandsire-bob-cator**, вероятно, уже подготовлены к знанию о том, насколько уникально совершенны и великолепны создаваемые ими формы.

* Методы колокольных звонов, принятые в англиканской церкви (отличающиеся как от используемых в России, так и от применяемых в континентальной Европе), при которых используется группа из 8 и 9 колоколов соответственно. — *Прим. пер.*

Это и есть один из эффектов, который должен достигаться упорядоченным колокольным звоном. Цель здесь в том, чтобы запустить поток вновь и вновь точно повторяющихся музыкальных форм, и делается это для того же, для чего христианские монахи сотни раз повторяют «Аве Мария», северные буддисты значительную часть своей жизни читают мистическую мантру «Ом мани падме хум», а многие индуисты проводят свою жизнь на фоне повторения имени Сита Рам.

Таким образом при звуках колоколов на астральных телах слушателей снова и снова запечатлевается определённая мыслеформа. Освящение колоколов имеет целью придать этим колебаниям, каковы бы они ни были, дополнительное качество. Другой порядок колокольного звона, естественно, даст другие формы, но

каковы бы они ни были, они создаются вибрацией тех же колоколов, и если эти колокола с самого начала были сильно заряжены определённым типом магнетизма, каждая созданная ими форма будет нести с собой часть этого влияния. Это как если бы ветер, доносящий до нас отрывки музыки, в то же время приносил бы с нею тонкий аромат. Так что епископ, благословляющий колокола, делает это затем же, зачем он освящает воду — чтобы отовсюду, куда проникнет их звук, изгонялись все злые мысли и чувства, и везде преобладали благоговение и гармония. Это действительное употребление магии, и вполне действенное, когда маг делает свою работу правильно.

Алтарный колокольчик, в который звонят внутри церкви, в момент чтения *Tersanctus* (Свят, Свят, Свят...) или возношения даров, имеет другое назначение. В огромных соборах, которые воздвигала средневековая набожность, все молящиеся не могли слышать, что говорит священник во время служения мессы; так было даже до принятия нынешней системы так называемого «чтения в тайне». Потому в обязанностях служителя, находившегося возле алтаря и следившего за всеми действиями священника, было извещать таким образом прихожан о важных моментах богослужения.

Назначение колокольчика, в который часто звонят в индуистских или буддийских храмах, отличается от вышеупомянутого. Первоначальный замысел был прекрасным и альтруистическим. Когда кто-нибудь, совершая поклонение, произносил слова или делал приношение, в ответ на это приходило некоторое излияние духовной силы. Среди прочих предметов это заряжало и колокольчик, и намерение звонившего в него человека было в том, чтобы распространить это влияние, пока его вибрация ещё свежая и сильная, как можно шире — куда только достигает звук колокольчика. Боюсь, что теперь истинное значение этого забыто настолько, что на самом деле есть некоторые, кто верит, что это необходимо, чтобы привлечь внимание их божества!

Благовония

Та же идея, осуществлённая иначе, проявляется в освящении благовония, прежде чем его воскурят. Ведь благовоние всегда имеет двойное значение. Оно возносится перед Богом, как символ молитвы людей, но его аромат также распространяется по церкви как символ сладкого вкуса благословения божьего. Священник опять же вливает в него святое влияние, чтобы повсюду, куда сможет проникнуть аромат, малейшие частицы несли чувство мира и чистоты, изгоняя все негармоничные мысли и чувства.

Даже без благословения влияние благовоний благотворно, поскольку их тщательно составляют из смол, частоты колебаний которых находятся в полной гармонии с духовными и благоговейными вибрациями, но определённо враждебны почти ко всем другим. Магнетизация может усилить эти естественные свойства или добавить к ним другие особые колебания, но в любом случае использование благовоний в связи с религиозными церемониями всегда хорошо. Многими такими характеристиками обладает аромат сандалового дерева, а аромат чистого

розового масла, хотя и совершенно другой по характеру, тоже даёт хороший эффект.

Ещё один в значительной мере новый момент, присутствующий в плане, приготовленном для Христианской Церкви её Основателем, — это огромная сила, заключённая в совместном синхронном действии. В индуистских или буддийских храмах каждый приходит, когда хочет, совершает своё небольшое приношение или возносит несколько слов хвалы и молитвы, а затем удаляется. Результат каждого такого усилия оказывается пропорционален энергии вложенного в него истинного чувства, и таким образом достигается довольно постоянный поток крохотных результатов, но там мы никогда не получаем мощного массового эффекта, достигаемого одновременными усилиями собрания сотен или тысяч верующих, или трогających сердца вибраций, сопровождающих пение какого-нибудь известного гимна, исполняемого при крестном ходе.

Участвуя в церковной службе, такой совместной работой мы достигаем четырёх отдельных целей. 1) Какой бы ни была призывная часть службы, к ней присоединяется множество людей, таким образом посылая огромную мыслеформу. 2) Соответственно большее количество силы притекает и стимулирует духовные способности людей. 3) Одновременные усилия синхронизируют колебания их тел, тем делая их более восприимчивыми. 4) Их внимание направляется к одной и той же цели, они работают вместе и тем друг друга стимулируют.

Службы по умершим

Сказанное мною ранее в этой главе объяснит одну особенность, которая часто превратно понимается теми, кто высмеивает Церковь — служение литургии с особым намерением или ради какого-то умершего человека. Идея здесь в том, что этот человек получит пользу от излияния силы, вызванной по этому особому случаю, и он её несомненно получит, потому что сильные мысли о нём не могут не привлечь его внимания, и будучи привлечён в церковь таким образом, он примет участие в церемонии и получит значительную долю её результатов. Даже если он ещё находится в бессознательном состоянии, как иногда случается с недавно умершими, воля священника (или его искренняя молитва, что то же самое), направит поток силы на него. Такое усилие есть совершенно законный акт призывной магии, но к сожалению, сюда часто привносится совершенно незаконный и злой элемент путём взимания платы за это проявление оккультной силы, что является совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах.

Другие религии

Я попытался объяснить кое-что из внутреннего смысла обрядов христианской церкви, взяв их для примера, во-первых, потому что именно с ними я лучше всего знаком, а во-вторых, потому что они демонстрируют некоторые интересные

особенности, которые в их современной форме можно назвать новыми идеями, введёнными нашим нынешним бодхисаттвой. Не следует полагать, что я выбрал христианские обряды, потому что считаю эту религию в каком-либо смысле лучшим выражением универсальной истины — тот факт, что будучи одним из её священников, я публично принял буддизм, ясно показывает, что моё мнение не таково.

В том, что касается самого учения, у христианства, пожалуй, больше недостатков, чем у любой другой из великих религий, кроме, возможно, ислама, в чём я, впрочем, сомневаюсь. Но произошло это не из-за какого-то небрежения со стороны первооснователя, которое помешало сделать его систему совершенным изложением истины, а потому что невежественное большинство ранних христиан к нашему глубокому сожалению изгнало из своих рядов великих учёных гностиков, оставшись из-за этого с печально урезанной и искажённой доктриной. Основатель, вероятно, предвидел возможность такой неудачи, потому что он снабдил свою церковь системой магии, которая могла продолжать действовать механически, даже если бы его последователи забыли многое из первоначального смысла того, чему он их учил. И именно той силой, что стоит за механическим отправлением обрядов, объясняется столь примечательная сила и власть, так долго сохраняемая церковью, которая в интеллектуальном плане своим последователям ничего не может предложить.

Потому люди других вероисповеданий не должны полагать, что я выражаю какое-то неуважение к их религиям тем, что выбрал для объяснения ту, с которой я лучше всего знаком. Изложенные мною общие принципы церемониальной магии одинаково верны для всех религий, и каждый может сам их приложить.

Разряды священства

Пожалуй, для своих индийских читателей я должен объяснить, что у христианского духовенства существует три сана — епископы, священники и дьяконы. Впервые человек рукополагается как дьякон, что практически означает степень вроде ученика или ассистента священника. Он не имеет ещё власти освящать дары, благословлять паству или отпускать грехи; однако, он может крестить детей (впрочем, в случае крайней необходимости это допускается даже мирянам). После года служения дьяконом он имеет право быть рукоположенным в священники, и это второе рукоположение собственно и даёт ему власть извлекать силу из того запаса, о котором я говорил. Тогда ему даются полномочия освящать дары и другие предметы, благословлять паству во имя Христа и провозглашать отпущение грехов. Епископ, в дополнение ко всему этому, может рукополагать других священников, поддерживая таким образом апостольское преемство. Он один имеет право распоряжаться ритуалом конфирмации и освящать церкви, то есть выделять их для служения Богу. Эти три степени — единственные, имеющие определённые отличия между собой и отделённые друг от друга рукоположениями, наделяющими той или иной властью. Вы можете слышать множество титулов, прилагаемых к христианскому духовенству — архиепископ, архидьякон, настоятель или каноник, но всё это наименования должностей,

подразумевающие разницу в обязанностях, но не в сане в смысле наделения духовной властью.

Глава IX

ВЛИЯНИЕ ЗВУКОВ

Звук, цвет и форма

Мы рассмотрели влияния, исходящие от стен наших храмов и эффект совершаемых в них ритуалов; нам осталось ещё упомянуть скрытую сторону музыки, используемой в церковных службах.

Есть множество людей, сознающих, что звук всегда порождает цвет — что у всякой ноты, которая играет или поётся, есть обертоны, дающие световой эффект, который может видеть глаз, хотя бы чуть-чуть обладающий ясновидением. Не все, однако, знают, что звуки, подобно нашим мыслям, выстраивают также и форму. Тем не менее, это так. То, что звук порождает форму в физическом мире, давно показал опыт, при котором перед трубой, на которой исполнялась определённая нота, растягивалась мембрана, на которую насыпался мелкий песок или порошок ликоподия (плауна).

Таким образом было доказано, что всякий звук придавал песку определённый образ, причём одна и та же нота всегда давала тот же самый. Однако сейчас мы имеем дело не с теми формами, которые получаются этим способом, а с теми, что выстраиваются в эфирной, астральной и ментальной материи, сохраняясь там и продолжая активное действие через долгое время после того, как сам звук отзвучал и затих для физических ушей.

Религиозная музыка

Давайте в качестве примера рассмотрим скрытую сторону исполнения музыкального произведения — допустим, игру на церковном органе. На физическом плане это производит впечатление на тех, у кого есть вкус к музыке — то есть тех, кто развил его в такой степени, что может понять её и оценить. Но многие люди из тех, кто не понимает её и не имеет специальных знаний в этой области, всё же сознают вполне явственный эффект, который она на них оказывает.

Ясновидящий исследователь вовсе не будет этим удивлён, ведь он знает, что всякая музыкальная пьеса, исполняемая на органе, во время исполнения постепенно выстраивает огромное сооружение в эфирной, астральной и ментальной материи, которое возвышается над органом намного выше крыши церкви, напоминая нечто вроде уступчатой горной цепи, которая вся состоит из

великолепных ярких цветов, сияющих и переливающихся самым удивительным образом, подобно северному сиянию. Характер этой формы сильно разнится у разных композиторов. Увертюра Вагнера всегда создаёт величественное целое, набросанное великолепными пятнами живого цвета, будто он строил это из огненных гор; одна из фуг Баха выстраивает могучую упорядоченную форму, смелую, но точную, суровую, но симметричную, с пробегающими через неё параллельными серебряными, золотыми или рубиновыми ручейками, отмечающими поочерёдное появление разных музыкальных тем; а одна из «Песен без слов» Мендельсона создаёт красивое воздушное сооружение — нечто вроде замка филигранной серебряной работы.

В книге «Мыслеформы» можно найти три цветные иллюстрации, на которых мы попытались изобразить формы, создаваемые музыкой Мендельсона, Гуно и Вагнера соответственно, и я хотел бы отослать читателя к ним, поскольку это как раз один из тех случаев, когда совершенно невозможно представить себе вид формы, не видев её саму или хотя бы какое-то её изображение. Когда-нибудь можно будет выпустить книгу с исследованиями нескольких таких форм для их тщательного изучения и сравнения.* Очевидно, что изучение таких звуковых форм само по себе составляет отдельную науку, представляющую чрезвычайный интерес.

* Такая попытка была предпринята Джеффри Ходсоном в его книгах «Музыкальные формы» и «Ясновидческие исследования» (Geoffrey Hodson, «The Music Forms», «Clairvoyant Investigations»). — *Прим. пер.*

Эти формы, создаваемые исполнителями музыки, не следует путать с великолепными мыслеформами, созданными самими композиторами и являющимися выражением их музыки в высших мирах. Они являются творениями великих умов, из которых они вышли, и часто сохраняются на многие годы, а иногда и на столетия, если композитор был настолько понят и оценен, что его первоначальный замысел был укреплен мыслями его поклонников. Таким же образом в высших мирах подобные великолепные сооружения, однако сильно отличающиеся по типу, строятся великими поэтами и писателями — это результаты замыслов поэм или идей, которые автор хочет предложить своим читателям. Таковы, например, великое представление чистилища и рая, созданное Данте, идея бессмертной трилогии Вагнера «Кольцо Нибелунгов» и концепция Раскина о том, каким должно быть искусство и из чего он хотел бы его составить.

Формы, созданные исполнением музыки, сохраняются в течение некоторого периода времени, варьирующегося от одного часа до трёх или четырёх, и всё это время они посылают излучения, которые несомненно оказывают благотворное влияние на каждую душу в радиусе почти километра, а то и более. Душа вовсе не обязательно знает об этом, да и влияние вовсе не одинаковое во всех случаях. Тем не менее, хотя и бессознательно, всякий человек, попавший под такое влияние, становится немножко лучше. Естественно, колебания распространяются гораздо дальше упомянутого радиуса, но на большем расстоянии они быстро ослабевают, а в условиях большого города тонут в суматохе вихревых потоков, наполняющих астральный мир в подобных местах. В тихой сельской местности среди полей и

деревьев сооружение сохраняется намного дольше, а его влияние охватывает большую область. Те, кто может это видеть, могут иногда наблюдать толпы красивых природных духов, восхищающихся великолепными формами, построенными музыкой, и радостно купающихся в распространяемых ими волнах влияния. И это, несомненно, прекрасная идея, что всякий органист, который делает свою работу хорошо и вкладывает в исполнение всю душу, тем приносит гораздо больше блага, чем он знает, и помогает многим, кого он, возможно, никогда в своей жизни не видел и не знал.

Другой интересный момент, который можно в связи с этим отметить — это разница между сооружениями, которые строятся той же самой музыкой при исполнении на разных инструментах. Например формы, получаемые при исполнении одной пьесы на церковном органе, фортепиано, скрипичным квартетом или большим оркестром, выглядят по-разному. В этом случае, если музыка исполнена одинаково хорошо, сами формы тождественны, но вся их текстура оказывается совершенно различной. И естественно, что при исполнении скрипичным квартетом размер формы будет намного меньше, потому что меньше громкость звука. Форма, выстраиваемая фортепианным исполнением, часто получается несколько больше, чем от скрипок, но она бывает не столь точной в деталях, а её пропорции менее совершенны. И опять же, заметная разница в строении видна между формой, образуемой скрипичным соло и тем же соло, исполняемым на флейте.

Окружая эти формы и смешиваясь с ними, при этом однако совершенно отличаясь от них, плавают формы мыслей и чувств, созданные людьми, находящимися под влиянием музыки. Размер и живость этих форм зависит от того, насколько слушатели могут оценить музыку, и в какой мере они подвергаются её влиянию. Иногда форма, выстроенная возвышенным замыслом какого-нибудь мастера гармонии, одиноко блистает в своей красоте, оставаясь совершенно незамеченной и не востребованной, потому что те умственные способности, которые есть у прихожан, полностью поглощены модными шляпками или денежными расчётами, тогда как цепь простых форм, созданных силой какого-то известного гимна, в некоторых случаях может оказаться почти скрытой за огромными голубыми облаками благоговейных чувств, вызванных им в сердцах поющих.

Ещё один фактор, определяющий вид сооружения, построенного музыкальной пьесой — это качество исполнения. Мыслеформа, оставшаяся висеть над церковью после исполнения хора «Аллилуйя», может точно и ясно показать, например, что басовое соло было вялым, или что какая-то из частей была исполнена заметно слабее, чем остальные, что в каждом случае проявится как очевидный дефект в симметрии или ясности формы. Естественно, есть виды музыки, создающие какие угодно, только не красивые формы, но даже они представляют интерес как объекты для изучения. Курьёзные разбитые образы, окружающие академию для девушек в час их музыкальной практики, если и не прекрасны, то по крайней мере примечательны и поучительны, а цепи, выбрасываемые кривыми и петлями, напоминающими лассо, создаваемые детьми, прилежно играющими гаммы и арпеджо, вовсе не лишены очарования, если в них нет разбитых или отсутствующих звеньев.

Пение

Песня в исполнении хора строит форму, в которой на серебряную нить мелодии на равном расстоянии нанизано множество бусин, размер которых зависит от силы хора, тогда как яркость и красота соединительной нити определяется голосом и выразительностью солиста, а та форма, в которую заплетается нить, зависит от характера самой мелодии. Огромный интерес представляют также вариации в металлической текстуре, задаваемые разными качествами голоса — контраст между сопрано и тенором, альтom и басом, а также разница между голосами мальчиков и женщин. Очень красиво также выглядит переплетение четырёх нитей, совершенно несхожих по цвету и строению, получающееся при многоголосном исполнении, или их упорядоченное, и всё же постоянно меняющееся параллельное движение при пении гимнов.

Выходной гимн строит серию прямоугольных форм, начерченных с математической точностью, которые следуют одна за другой в определённом порядке подобно цепям какой-то огромной цепи, а ещё больше они похожи (хотя это звучит не очень поэтично) на вагоны какого-то гигантского поезда, принадлежащего астральному миру. Весьма поразительна также разница между двумя типами церковного пения — между разбитыми, хотя и блестящими фрагментами англиканского и великолепным сияющим единообразием григорианского. Не лишён сходства с последним и эффект, производимый монотонным распеванием санскритских шлок индийскими пандитами.

Могут спросить, насколько влияют чувства самого музыканта на форму, возводимую его усилиями. Строго говоря, его чувства на музыкальную структуру вовсе не влияют. Если точность и блистательность его исполнения остаются теми же, то для музыкальной формы всё равно, счастлив он или нет, весел или грустит. Его эмоции, естественно, создают вибрирующие формы в астральной материи, равно как и эмоции его слушателей, но они просто окружают огромный образ, выстроенный музыкой, и вовсе ему не мешают. Но вот его понимание музыки и исполнительское искусство проявляются в возводимом им сооружении. Бледное и сугубо механическое исполнение строит структуру, которой недостаёт цвета и светимости, хотя по форме она может быть точной. В сравнении с творением настоящего музыканта она производит курьёзное впечатление здания, построенного из дешёвых материалов. Чтобы достичь действительно великих результатов, исполнитель должен совершенно забыть о себе и полностью потеряться в музыке, на что может отважиться только гений.

Военная музыка

Мощный и воодушевляющий эффект, производимый военной музыкой, легко понятен ясновидящему, способному видеть длинный поток ритмично вибрирующих форм, оставляемых за собой оркестром, марширующим во главе колонны. Не только регулярный ритм этих колебаний способствует укреплению

вибраций астральных тел солдат, усиливая их и приводя в унисон, но и сами формы излучают такую силу, храбрость и рвение, что подразделение, которое до этого казалось безнадежно дезорганизовано усталостью, может быть так снова собрано вместе и ощутить заметное укрепление сил.

Поучительно посмотреть на механизм этого изменения. Человек, который сильно изнурён, в значительной мере потерял способность к координации. Центральная воля больше не может удерживать в единстве разные части тела и управлять ими; каждая физическая клетка жалуется, подавая свой отдельный голос протеста и крик боли. Эффект, оказываемый этим на другие проводники — эфирный, астральный и ментальный — оказывается таков, что устанавливается множество отдельных вихрей, каждый из которых колеблется со своей собственной частотой, так что все тела теряют своё сцепление и способность выполнять свою работу, то есть играть свою роль в жизни человека. Будучи доведено до предельной крайности, это будет означать смерть, но даже в меньшей степени это означает полную дезорганизацию и потерю способности заставить мышцы повиноваться воле. Когда на астральное тело, находящееся в таком состоянии, воздействует последовательность равномерных и мощных колебаний, такое воздействие на время занимает место силы воли, которая столь болезненно ослаблена. Волной музыки тела снова приводятся в синхронные колебания, тем давая силе воли возможность оправиться и снова принять руководство, которое она почти оставила.

Волны, посылаемые хорошей военной музыкой, столь замечательны и мощны, что у всех, кто марширует под неё, возникает ощущение определённого удовольствия, точно так же как зажигательная танцевальная музыка вызывает желание синхронно двигаться под неё. Тип инструментов, используемых в военных оркестрах, тоже сильно способствует этому эффекту, поскольку для этой цели сила и резкость вибраций имеет очевидно большее значение, чем их изящество или способность выражать более тонкие чувства.

Звуки природы

Формы производятся не только упорядоченной последовательностью звуков, которую мы называем музыкой. Свой эффект есть у каждого звука в природе, и в некоторых случаях эти воздействия имеют самый примечательный характер. Величественные грозовые раскаты обычно создают гигантскую цветовую полосу, тогда как оглушительный громовой удар часто вызывает к временному существованию скопление беспорядочных излучений из одного центра, напоминающее взрыв бомбы, а иногда неправильную сферу с большими клиньями, выдающимися из неё во всех направлениях. Никогда не прекращающийся звук морского прибоя опоясывает все побережья Земли вечным пологом из волнистых, но параллельных линий красиво меняющегося цвета, которые при шторме вырастают до огромных горных цепей. Вызванный ветром шелест листьев в лесу покрывает лес красивой переливающейся сетью, которая постоянно поднимается и спадает нежными волнообразными движениями, напоминающими то, как колышется от ветра пшеница в поле.

Иногда это парящее над лесом облако прорывается кривыми линиями и петлями света, представляющими пение птиц, похожими на рассыпанные части серебряной цепи, мелодично звенящие в воздухе. Здесь бесконечное разнообразие их, от красивых золотых шаров, получающихся от нот птицы-колокольчика*, до аморфных масс грубой окраски, создаваемых криками попугая или ары. Рычание льва для тех, чьи глаза раскрыты, видно так же хорошо, как и слышно; в действительности, вовсе не невозможно, что некоторые из диких животных в какой-то мере обладают ясновидением, и устрашающий эффект этого звука может быть в значительной мере обязан излучениям, которые распространяются от порождённой им формы.

* Птица-колокольчик, или звонарь, — крупная птица отряда воробьиных. Встречается в Центральной и Южной Америке. — *Прим. пер.*

Бытовые звуки

Подобные же эффекты можно наблюдать и в домашней жизни — мурлычущая кошка окружает себя концентрическими розовыми плёнками, постоянно расширяющимися вовне, пока совсем не рассеются. Они распространяют влияние сонного удовлетворения и благополучия, которое склонно воспроизводиться и у окружающих людей. Лающая собака, напротив, выстреливает чётко очерченные остроконечные снаряды, которые ударяют в астральные тела тех, кто оказался по соседству, вызывая в них резкое потрясение. В этом и причина сильного нервного возбуждения, вызываемого постоянным лаем у чувствительных персон. Острое, злобное тьяканье терьера раздражается серией форм, вовсе не непохожих на современные винтовочные пули, которые в разных направлениях пронзают астральное тело, тем серьёзно нарушая его функционирование, тогда как глубокий лай ищейки испускает ряд округлых форм, похожих на страусиные яйца или футбольные мячи, которые гораздо медленнее в своём движении и куда менее рассчитаны на поражение. Некоторые из этих собачьих снарядов протыкают, подобно шпаге, тогда как другие, более тупые, но тяжёлые, ударяют, подобно дубинке. Они очень разнятся по силе, но все вредны для ментальных и астральных тел.

Цвет этих снарядов обычно представляет собой какой-либо оттенок красного или коричневого, варьирующийся в зависимости от настроения собаки и высоты её голоса. Поучительно сравнить их с тупоконечными, неуклюжими формами, получающимися от мычания коровы — они часто бывают чем-то похожи на брёвна или куски древесных стволов. Стадо овец часто окружает себя многоконечным, но аморфным облаком звука, которое вовсе не лишено сходства с тем физическим облаком пыли, которое оно поднимает при движении. Воркование пары голубей выбрасывает сплошную последовательность изящных изогнутых форм, напоминающих перевёрнутую букву S.

Звуки человеческого голоса тоже создают свои результаты, которые часто сохраняются долгое время после того, как сами породившие их голоса стихли.

Гневные выкрики бросаются вперёд, как алые копья, а многие женщины окружают себя запутанной сетью твёрдых, коричнево-серых металлических линий из-за того, что беспрестанно поддерживают поток бессмысленной болтовни. Такая сеть пропускает сквозь себя лишь вибрации своего собственного низкого уровня, и это почти совершенный барьер против воздействия любых более высоких и прекрасных мыслей и чувств. Так что даже беглый взгляд на астральное тело болтуна является для изучающего оккультизм поразительным наглядным уроком и учит его добродетели говорить, лишь когда это необходимо или когда у него есть что сказать приятного или полезного.

Другое поучительное наблюдение — это сравнение форм, созданных разными видами смеха. Счастливый смех ребёнка фонтанирует розовыми кривыми, образуя нечто вроде зубчатого воздушного шара, радостного эпициклоида. Непрерывный глупый гогот создаёт взрывной эффект, исторгая неправильную массу, обычно коричневого или грязно-зелёного цвета — согласно преобладающему цвету ауры, из которой она исходит. Насмешливый хохот выбрасывает бесформенный снаряд тускло-красного цвета, обычно покрытый коричневатозелёными крапинками и ошетилившийся шипообразными остриями. Постоянно повторяющиеся неискренние, показные смешки дают очень неприятный результат, окружая того, кто их издаёт, чем-то, по цвету и виду напоминающим лужу кипящей грязи. Нервное хихиканье школьницы часто запутывает её в неприятную, напоминающую водоросли сеть коричневых и тускло-жёлтых линий, тогда как добродушный, весёлый и искренний смех обычно излучает округлые формы золотого и зелёного цвета. Последствия, проистекающие от плохой привычки свистеть, также определённо неприятны. Будь этот свист мягким и действительно музыкальным, он создавал бы эффект, вовсе не непохожий на получающийся от маленькой флейты, но более острый и металлический; но обычный немusикальный свист лондонских уличных мальчишек посылает серию маленьких пронзительных грязно-коричневых снарядов.

Шумы

Повсюду вокруг нас создаётся огромное количество искусственных шумов (большинство из которых чрезвычайно отвратительно), ибо наша так называемая цивилизация несомненно является самой шумной из всех, какие только приходилось терпеть Земле. У этих шумов есть и своя невидимая сторона, хотя она редко бывает приятной для созерцания. Скрипучий свисток паровоза создаёт куда более мощный и далеко проникающий снаряд, чем даже собачий лай — в действительности, по ужасу своему его превосходит лишь визг парового гудка, который иногда применяют на фабриках, чтобы сзывать рабочих, или стрельба находящейся поблизости тяжёлой артиллерии. Паровозный свисток выстреливает настоящим мечом, наделённым разрушительной силой серьёзного удара электрическим током, и его воздействие на астральное тело, которому несчастливилось оказаться в пределах его досягаемости, вполне сравнимо с действием меча на физическое тело. К счастью для нас, астральная материя обладает многими из свойств жидкости, так что рана заживает через несколько

минут; но вот эффект, произведённый этим потрясением на астральный организм, исчезает вовсе не так скоро.

Результат звука проносящегося поезда, который не гудит, нельзя назвать совсем уж некрасивым, так как жирные параллельные линии, создаваемые звуком движения, оказываются как бы расшиты чередующимися сферами или овалами, созданными пыхтением паровой машины; так что если смотреть на такой поезд издали, он оставляет за собой временный образ гигантской тесьмы с зубчатыми краями.

Стрельба современной тяжёлой артиллерии — это звуковые взрывы в той же мере, как и пороховые, и мощное излучение этих ударов в радиусе мили или около того оказывает очень серьёзный эффект на астральные тела и астральные потоки. Выстрел из винтовки или пистолета выбрасывает сноп небольших иголок, эффект которых тоже очень нежелателен.

Совершенно ясно, что всем, кто желает поддерживать свои астральные и ментальные проводники в полном порядке, следует избегать, насколько возможно, всех громких, резких или внезапных звуков. Это одна из многих причин, в силу которых ученику оккультизма следует избегать жить в шумных городах, поскольку их непрерывный рёв означает непрестанное ударное воздействие разрушительных вибраций на его проводники, и это, конечно, совершенно отдельно от более серьёзного воздействия низменных страстей и эмоций, делающего пребывание на главной улице похожим на жизнь возле канализационной канавы.

Никто из наблюдавших повторяющееся воздействие этих звуковых форм на чувствительное астральное тело не может сомневаться, что от этого должен последовать серьёзный постоянный результат, который не может не передаться в некоторой степени и физическим нервам. Это так серьёзно и так верно, что я уверен, что будь возможно иметь по этому вопросу точную статистику, то мы обнаружили бы, что у жителей улиц, мощёных гранитом, продолжительность жизни меньше, а процент нервных расстройств и случаев сумасшествия заметно больше, чем у тех, кто может пользоваться преимуществами асфальта. Ценность и даже необходимость тишины вовсе ещё недостаточно признаётся в современной жизни. Особенно мы игнорируем губительный эффект, производимый всем этим непрерывным шумом на пластичные астральные и ментальные тела детей. Тем не менее, он в значительной мере ответственен за многие из зол и слабостей, которые оказываются столь роковыми в их последующей жизни.

Существует ещё более высокая точка зрения, с которой все звуки природы сливаются в один могучий тон, ту самую ноту, которую китайские авторы называли *гун*, и у неё тоже есть своя форма — это невыразимый синтез всех форм, огромный и переменчивый, как море, и всё же, подобно морю, поддерживающий некий средний уровень, всепроникающий и всеобъемлющий. Эта нота представляет нашу Землю в музыке сфер — её форма образует наш лепесток, если рассматривать Солнечную Систему с того плана, где она видится подобной лотосу.

Глава X

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Расовые предрассудки

Когда происходит что-то такое, что не даёт нам точно сделать или сказать то, что нам хотелось бы, мы привыкли утешаться тем, что хотя бы в мыслях своих мы свободны. Но это лишь ещё одно из множества расхожих заблуждений. У среднего человека мысль вовсе не свободна — напротив, она обусловлена множеством мощных ограничений. Она ограничена предрассудками нации, религии и класса, к которым ему случилось принадлежать, и лишь решительными и долгими усилиями он может сбросить с себя гнёт всех этих влияний и действительно думать самостоятельно.

Эти ограничения действуют на него двояко — они видоизменяют его мнение о фактах и о действиях. Если сначала рассмотреть первое, то ничто он не видит так, как оно есть, но видит всё таким, каким это должно быть по мнению его соотечественников, единоверцев и представителей его сословия. Когда мы больше узнаём о других расах, то избавляемся от предвзятых представлений о них. Но нам достаточно лишь обернуться назад, во времена Наполеона, и мы сразу поймём, что ни один англичанин не мог тогда составить беспристрастное мнение о характере этого примечательного человека. Английское общественное мнение сделало из него нечто вроде пугала, и не было такого злодеяния или ужаса, в которые не поверили бы, когда они приписывались ему. На самом деле, сомнительно, что простые люди вообще считали его человеческим существом.

Предубеждение против всего французского было тогда столь сильно, что сказать о человеке, что он француз, значило поверить в то, что он способен на любую мерзость; хотя нельзя не признать, что у тех, в чьей памяти ещё были свежи чудовищные преступления французской революции, для такого отношения было некоторое оправдание. События для них были ещё слишком близки, чтобы видеть их в верной пропорции, а поскольку отбросам парижских улиц удалось тогда сбросить правительство и погрузиться в кровавые оргии, создалось впечатление, что они представляют народ Франции. Легко видеть, как далеко от истины должно было находиться представление о французах среднего английского крестьянина того времени.

За прошедший после этого век в чувствах высших классов нашей страны произошла целая революция, и теперь мы от всего сердца восхищаемся нашими соседями, живущими через пролив от нас, потому что знаем о них намного больше. Но даже сейчас вовсе не исключено, что в отдалённых сельских местностях что-то от этого старого и сильно укоренившегося предрассудка может ещё сохраняться. Ведь в действительности ведущие страны мира пока что являются цивилизованными лишь частично, и тогда как более культурные классы

готовы встретить иностранцев вежливо, вряд ли можно сказать то же самое о рабочих или шахтёрах. А в Европе всё ещё есть области, где еврея едва ли считают за человека.

Распространённые предрассудки

Вряд ли потребуется доказывать, что повсюду среди людей менее культурных предрассудки ещё очень сильны и крайне иррациональны; но даже нам, считающим себя уже выше предрассудков, всё равно надо быть настороже, чтобы бессознательно не позволить им влиять на нас. Сопротивляться сильному популярному предубеждению — нелёгкое дело, и изучающий оккультизм сразу же поймёт, почему это так. Вся атмосфера полна мыслеформ и мысленных потоков, и прямо или косвенно они непрестанно воздействуют на каждого из нас. Склонность всякой мыслеформы — воспроизводить себя. Она заряжена определённой частотой вибрации, и в её природе — влиять на всякое ментальное и астральное тело, с которым она входит в контакт, в направлении той же самой вибрации.

Есть много вопросов, по которым общественное мнение разделено на равные части, как например, под каким углом носить шляпу, или каких надо придерживаться взглядов — либеральных или консервативных. Потому равнодействующая этих мыслей не склоняется ни к тому, ни к другому направлению, и можно сказать, что по таким вопросам мышление является сравнительно свободным. Но есть и другие темы, по которым в общественном мнении создалось подавляющее единомыслие, что приводит к такому сильному давлению определённого набора колебаний на ментальное тело, что если человек не является необычайно сильным и уверенным, его увлечёт в общий поток. Даже если он достаточно силён, чтобы ему сопротивляться, и находится настороже, давление всё равно остаётся и его действие продолжается, так что стоит ему на мгновение ослабить свою бдительность, и он может обнаружить, что уже бессознательно им обработан.

Во втором томе «Внутренней жизни»* я объяснял, что у человека, который позволяет себе поддаться такому предрассудку по какому-либо предмету, происходит огрубение материи ментального тела в той части, через которую обычно проходят колебания, относящиеся к этой теме. Это действует на него двояким образом. Во-первых, он уже не может видеть этот предмет таким, каков он есть, поскольку колебания, которые должны были донести впечатление о нём, наталкиваются на эту «мозоль» на ментальном теле, и либо вообще не могут в него проникнуть, либо искажаются по пути так, что не могут передать истинную информацию. Во-вторых, человек не может верно мыслить относительно этого предмета, потому что та самая часть его ментального тела, которую он должен был для этого использовать, настолько затвердела, что уже совершенно недееспособна; так что единственным способом преодолеть эту пристрастность оказывается хирургическая операция на ментальном теле, полностью удаляющая эту бородавку, а потом — пристальное наблюдение за тем, не растёт ли она опять. Если не соблюдать такую бдительность, постоянное давление мысленных волн тысяч других людей вновь воспроизведёт её, и операция потребуется вновь.

* В сокращённом однотомном издании, переведённом на русский язык, это раздел III. —
Прим. пер.

Политические предрассудки

Во многих частях страны присутствуют политические предубеждения в огромном количестве. Большинство людей в какой-либо местности придерживаются тех или иных взглядов (каких именно — не очень-то важно), и им бывает трудно представить, что члены противоположной партии вообще являются обычными человеческими существами. Они так уверены в своей точке зрения, что, похоже, думают, что всякий другой должен тоже её придерживаться, и что лишь из злого умысла их оппоненты притворяются, что придерживаются совершенно иной. Но обычно к своим собственным идеям они пришли не путём какого-то размышления или взвешивания двух политических линий, а просто унаследовали их, в точности как большинство наследует и религиозные убеждения. Почти во всякой стране с политикой связано столько возбуждения и неприятных чувств, что для изучающего оккультизм самым мудрым образом действий будет, насколько это возможно, не иметь дела с политикой вообще. Не то, чтобы он, если живёт в стране, где нужно голосовать, отказывался идти на выборы, как делают многие хорошие люди из-за массы коррупции, иногда окружающей политическую деятельность — если с такими делами связано много плохого, то каждый добропорядочный гражданин тем более должен воспользоваться правами, которыми наделила его система (какой бы дурацкой сама по себе она ни была), в пользу того политического курса, который представляется ему более верным и благородным.

Оккультная теория правления и политики государства соответствует здравому смыслу. Управление страной — такое же дело, как управление фабрикой или школой. У страны есть много моментов сходства с большой общественной школой. Она существует в первую очередь для блага своего народа, и народ помещён в неё с целью обучения. Глава государства издаёт такие постановления, какие считает необходимыми для обеспечения его эффективности, и тут требуется дисциплина и исполнительность, иначе никакого прогресса не будет. Правитель подобен директору школы, и его работа — неусыпно присматривать за её благосостоянием, применяя все методы, что в его власти, чтобы сделать её лучшей из школ. Наше дело — не критиковать его, а подчиняться ему и искренне содействовать ему в проведении всех планов, которые он считает лучшими для блага страны в целом. Дело правительства — управлять, дело народа — быть хорошими, лояльными и законопослушными гражданами, делая задачу правительства легче.

Царь, думающий и действующий лишь в личных интересах или преследующий вымышленные цели, вместо того, чтобы действовать на благо страны, очевидно, не выполняет свою работу, но помните, что всякий, кто в политике преследует личный интерес, равным образом не выполняет *свой* долг гражданина. Что же до внешней формы правления, то почти всякую можно заставить работать

удовлетворительно, если сами люди верны долгу и бескорыстно сотрудничают ради своей страны; но никакая форма правления, какой бы совершенной она ни была, не будет успешной, если люди эгоистичны и упрямы.

Религиозные предрассудки

Всё сказанное мною о расовых предрассудках верно и для предрассудков религиозных, которые в действительности во многих отношениях даже хуже, чем другие. Немногие люди сами выбирают свою религию; большинство из них рождаются в какой-то религии, точно так же, как они рождаются в нации, и у них нет обоснованной причины, чтобы предпочесть её любой другой форме веры. Но поскольку случилось так, что это их вера, они высокомерно считают, что она лучше всякой иной, и презирают тех других, чья карма привела их в немного иную среду. Именно из-за того, что эта пристрастность присутствует в атмосфере, а рядовой человек не может видеть давления общественного мнения, несправедливое суждение незаметно прокрадывается в его ум и кажется ему совершенно естественным и неотличимым от мнения, составленного им самим на каких-то разумных основаниях.

Потому нам необходимо постоянно осаживать себя и исследовать обоснованность мнений, которых мы придерживаемся. Так опасно легко плыть по течению и принимать готовые мнения других людей, вместо того, чтобы думать самостоятельно. «Почти каждый делает это, почему мне нельзя?» Таково чувство среднего человека, и всё же, если мы хотим быть справедливыми ко всем и стремимся знать обо всём истину, как надлежит изучающим оккультизм, тогда мы должны любой ценой искоренить эти предрассудки и поддерживать постоянную бдительность, не допуская их возвращения. Окажется, что во многих отношениях мы расходимся с большинством, потому что мнение большинства часто несправедливо, необосновано и злонамеренно; но в конце концов мы должны были этого ожидать, потому что мы поставили перед собой высокий идеал, большинство пока что не привлекающий. Если мы по всем вопросам думаем и действуем так, как оно, тогда в каком же отношении мы поднялись над ним и как можем приблизиться к своей цели?

Классовые предрассудки

Но более коварны и незаметны, пожалуй, предрассудки классовые или кастовые. Ведь так приятно чувствовать, что мы от рождения и по роду своему чем-то лучше других, и что от другого человека нельзя ожидать хороших чувств или дел просто потому, что он надутый аристократ или, наоборот, пролетарий — как уж придётся. И здесь, как и в случае с другими предвзятыми концепциями, изучение скрытой стороны предмета покажет нам, что тут требуется больше знания и милосердия. Оккультист видит, что предрассудок — это закупорка мысленного потока, а потому необходимо расшевелить мысль, постараться узнать людей и понять их, и

вскоре обнаружится, что с фундаментальной точки зрения разница между нами и ими невелика.

Того, что есть разные классы «я», из которых одни старше, а другие моложе, а потому невежественнее, отрицать невозможно, поскольку это факт природы, как показали наши исследования того порядка, в котором разные подразделения человечества прибывали из лунной цепи на земную. Но есть общая человечность, лежащая в основе всех классов, и к ней-то мы можем всегда обращаться с уверенностью, что получим некоторый отклик.

Те, кто ощущают уверенность, что принадлежат к высшему классу «я», должны доказать своё благородство большей терпимостью и великим милосердием к менее счастливым младшим представителям человечества; «положение обязывает», и если они действительно благородны, они должны действовать соответственно. Обычно предрассудки бывают настолько очевидно глупыми, что когда человек освобождается от какого-либо из них, он не может поверить, что когда-то действительно его разделял, и понять, как это его собратья, претендующие на обладание разумом, могут ему поддаваться. Так что здесь есть определённая опасность того, что он сам может в свою очередь стать нетерпимым — к чужой нетерпимости. Однако оккультист, который видит мощную совокупную мыслеформу и знает её почти непреодолимую силу и при этом — удивительное коварство в действии, прекрасно понимает, как трудно ей сопротивляться, и даже хотя бы настолько ускользнуть из этого рабства, чтобы осознать, что тут есть чему сопротивляться.

Общественные стандарты

К счастью, это почти непреодолимое давление общественного мнения не всегда направлено в неверную сторону. В некоторых направлениях оно основывается не на совокупном невежестве народа, но на его совокупном знании — на опыте прежних поколений. Общественное мнение несомненно право, осуждая грабёж и убийство; и страны, в которых общественное мнение ещё недостаточно продвинулось, чтобы ясно выразить своё суждение по этим вопросам, повсюду признаются отсталыми. В мире ещё есть сообщества, где закон и порядок только начинают существовать, а во всех спорах решающим фактором является сила; но такие страны общепризнанно считаются нежелательными местами для обитания и плетущимися в хвосте мирового прогресса.

Кроме убийства и грабежа есть и другие преступления, встречающие всеобщее осуждение во всех цивилизованных странах, и в их отношении давление общественного мнения направлено верно, удерживая те неустойчивые души, которые иначе думали бы лишь о своих собственных желаниях, а вовсе не об общественном благе.

Оккультист, видящий гораздо больше из того, что происходит в действительности, устанавливает себе куда более требовательный моральный кодекс, чем обычные люди. Многих из тех вещей, которые такие люди сделали бы и делают, не подумав

дважды, оккультист не допустит ни под каким оправданием, поскольку он видит их последствия в других мирах, скрытых от менее развитых людей. Это общее правило, хотя то здесь, то там мы встречаем исключения, когда оккультист, понимающий случай, предпринимает шаги, на которые человек заурядный не отважился бы. Это происходит потому, что его действия основаны на знании, и он видит, что делает, тогда как другие действуют лишь согласно обычаю.

Великие законы нравственности универсальны, но временные и местные обычаи часто бывают просто смехотворны. Ещё есть много людей, для которых пойти на прогулку в воскресенье или сыграть партию в карты — ужасное преступление. По поводу таких ограничений оккультист только улыбнётся, хотя он будет осторожен, чтобы не ранить чувства тех, кому такие причудливые и неестественные правила кажутся вещами первостепенной важности. Но также во многих случаях высшее знание, полученное путём оккультных исследований, позволит ему увидеть истинный смысл тех правил, которые неверно понимаются другими.

Кастовые предрассудки

Хороший пример таких предрассудков можно видеть в связи с кастовыми обычаями Индии. Кастовая система была основана около десяти тысяч лет назад ману пятой коренной расы, когда он переселил основную её часть из Центральной Азии на равнины Индии. Это произошло уже после того, как остальные подрасы пятой расы были посланы заселять другие земли, и остаток основной части оказался мал в сравнении с миллионами, населявшими тогда Индостан. Волны иммиграции одна за другой вливались в страну, свободно смешиваясь с расой, которая господствовала среди его прежних обитателей, и ману увидел, что если не предпринять определённых мер, возникал риск полной потери арийского типа, на создание которого было потрачено столько трудов. Потому он издал инструкции, разделявшие его народ на три типа, которые должны были сохранять свою идентичность, не вступая в браки между собой или с подчинёнными народами.

Это было единственным ограничением, которое на них накладывалось. Тем не менее, это простое и безобидное правило было превращено в систему железной твёрдости, которая в наше время на каждом шагу и на всех направлениях мешает прогрессу Индии как нации. Правило не вступать в браки было искажено и превращено в заповедь не водить знакомства с членами другой касты, не есть вместе с ними и не принимать от них еду. Кроме этого, три больших подразделения, сделанных ману, делились снова и снова, и сейчас налицо присутствие не трёх каст, а огромного множества, все из которых являются чужими друг для друга, не могут вступать в браки между собой, есть вместе, и смотрят на других свысока. И всё это несмотря на известный всем факт, что в писаных Законах Ману (хотя и содержащих много такого, чего он точно не говорил) совершенно чётко сказано, что человек более высокой касты *может* есть вместе с представителем низшей касты, если знает, что тот живёт разумной и чистой жизнью, и что Махабхарата гласит, что каста зависит не от рождения, а от характера. Например:

«От вашего землепашца, старого друга семьи, вашего пастуха, вашего слуги, вашего парикмахера, и от всякого, кто будет искать у вас прибежища и предлагать службу — из рук всех таких шудр можно принимать пищу». (Манусмрити, IV, 253).

«После сомнений и споров боги решили, что дар пищи от ростовщика-шудры, щедрого сердцем, был равен по качеству дару пищи от брахмана Шротрии, который знал все Веды, но был скуден сердцем. Но Господь всех тварей пришёл к ним и сказал: не уравнивайте то, что неравно. Дар того шудры был очищен его щедрым сердцем, тогда как дар брахмана Шротрии полностью осквернён отсутствием доброты». (Манусмрити, IV, 224, 225).

«Не рождение, не священнодействия, не учёность, не наследственность решают, является ли человек дваждырождённым (и к какому из трёх типов дваждырождённых принадлежит). Это могут решать лишь характер и поведение.» (Махабхарата, Ванапарва, СССХІІІ, 108.)

И хотя всё это очевидно, а тексты, на которые я сослался — общеизвестны, ещё есть тысячи разумных во всех других отношениях людей, для которых эти правила (установленные *не религией*, а лишь обычаем) являются столь же строгими, как для дикаря — его табу. Все легко признают абсурдность табу, установленного в диком племени, члены которого верят, что прикосновение к какой-нибудь вещи или упоминание определённого имени навлечёт на них гнев божий. Тем не менее, не все сознают, что необычное табу, которое разумные в других вопросах христиане налагают на один из дней недели, во всех отношениях крайне нерационально. Не сознают и наши индийские друзья, что они установили такое же неразумное табу на целый класс своих братьев, которых они называют неприкасаемыми и с которыми обращаются так, как будто они вряд ли вообще человеческие существа. Каждая раса или религия готова высмеивать суеверия других, и в то же время не может понять, что сама имеет суеверия столь же глупые.

Эти самые суеверия наносят непоправимый вред делу религии, ведь совершенно естественно, что те, кто борются с религиозной идеей, цепляются за эти слабые места и преувеличивают их вне всяких пропорций, утверждая, что религия — синоним суеверия. Фактически же существует ядро истины, общее для всех религий, которое совершенно незапятнано суевериями и имеет для мира величайшую ценность, как ясно показано Анни Безант во «Всеобщей хрестоматии религии и морали».* Это ядро учения составляет важную часть каждой религии, и если бы приверженцев всех этих вер удалось убедить признать его и, мы не говорим — оставить свои личные суеверия, — но хотя бы признать их правилами, распространяющимися лишь на их самих, то прийти к совершенному согласию оказалось бы вовсе не трудно. Каждый человек имеет неотъемлемое право верить в то, что он изберёт, каким бы глупым это ни казалось остальным, но он ни при каких обстоятельствах не имеет никакого права навязывать свои личные заблуждения другим, или каким-либо образом преследовать их за отказ их принять.

Долг свободы

Потому долг каждого изучающего оккультизм — тщательно исследовать религиозные верования своей страны и своего времени, чтобы самостоятельно решить, что в них является разумным, а что — наносным и результатом суеверия. Большинство людей никогда не делают подобных попыток, поскольку не могут освободиться от влияния огромного полчища мыслеформ, составляющих общественное мнение; а из-за них они никогда вообще не видят истины, и даже не знают о её существовании, довольствуясь тем, что принимают за неё эту гигантскую мыслеформу. Первая необходимость для оккультиста — прийти к ясному и непредубеждённому видению всего — видеть всё как оно есть, а не так, как оно представляется множеству других людей.

Чтобы обеспечить эту ясность видения, необходима непрерывная бдительность, ведь давление нависших над нами мысленных полчищ вовсе не ослабевает только от того, что мы однажды выявили и отвергли его влияние. Это давление присутствует всегда, и мы вдруг обнаруживаем, что совершенно бессознательно поддались ему во всевозможных второстепенных вещах, даже если чисты от него в более важных моментах. Мы родились под этим давлением так же, как мы родились под давлением атмосферы, и точно так же не сознаём первое, как и второе. А поскольку мы никогда не видели иначе как через его искажённую среду, нам оказывается очень трудно учиться видеть ясно и даже признать истину, когда наконец мы оказываемся лицом к лицу с ней. Но в наших поисках истины нам по крайней мере поможет знание об этой скрытой стороне общественного мнения, чтобы мы могли быть настороже против его постоянного и незаметного давления.

Методы бизнеса

Например, это общественное мнение находится на очень низком уровне в том, что называется методами ведения дел.

В наше время острой конкуренции в бизнесе делаются вещи и приняты методы, которые могли бы поразить наших праотцов. Многие из этих действий и методов вполне законны и означают лишь приложение к работе более острого ума и проницательной мысли, но несомненно, границы законного и честного нередко переступаются, и применяются средства, до которых честный купец прежних веков никогда бы не опустился.

В самом деле, имеет место нечто вроде молчаливого признания, что у бизнеса своя мораль, и что обычные стандарты порядочности к нему неприменимы. Человек, возглавляющий один крупный торговый дом, однажды сказал мне: «Если бы я попробовал вести дела согласно золотому правилу (делай другим лишь то, чего

желал бы от них для себя), я бы разорился за месяц и просто стал бы голодать. В бизнесе оно действует скорее в той форме, которую обессмертил Дэвид Харум: *сделай другому то, что он хотел бы сделать с тобой, и сделай это первым.*» И многие другие бизнесмены, которым я процитировал его замечание, откровенно с ним согласились. Люди, добрые, искренние и честные в других отношениях, чувствуют, что в таких делах они вынуждены действовать так же, как другие. «Бизнес есть бизнес, — говорят они, — и моралист, который возражает, просто не знает его условий». И под этим предлогом они обходятся друг с другом в делах так, как и в мыслях не допустили бы относиться к друзьям в личной жизни, и делают заявления, о которых знают, что это ложь, даже если вне своей торговли являются правдивыми людьми.

Все наши добродетели требуют расширения, чтобы они охватывали б`ольшую область. Вначале человек откровенно эгоистичен и заботится только о себе. Затем он расширяет круг своих привязанностей, и в добавление к себе любит и свою семью. Позже он расширяет видоизменённую форму этой любви на своих соседей и своё племя, так что больше не грабит их, хотя вполне охотно присоединяется к ним, чтобы пограбить какое-нибудь другое племя или другую нацию. Тысячи лет назад, если в семье возникал спор, глава семьи действовал как арбитр и урегулировал его. Теперь мы расширили этот принцип на наших соседей или сограждан, с которыми мы живём в одном государстве, и в случае споров в качестве такого арбитра служит судья, действующий по закону страны. Но мы ещё не достигли достаточной степени цивилизации, чтобы применить ту же идею к ссорам между нациями, хотя уже начинаем говорить об этом, а две из наиболее продвинувшихся наций уже урегулировали таким способом некоторые затруднения.

Так же и братья в семье действуют заодно, не ища себе преимуществ за счёт друг друга и не говоря неправду, но мы ещё не достигли того уровня, при котором они были бы столь же честны и открыты вне своей семьи, в том, что они называют бизнесом. Пожалуй, если один человек встретится с другим в личной жизни или в доме друга и вступит с ним в разговор, он погнушается говорить ему неправду, но стоит тому же человеку прийти в свой магазин или в другое место, где он занимается бизнесом, его представления о том, что честно и законно, сразу же претерпят печальное ухудшение.

Несомненно, люди, ведущие свои дела жёстко, благодаря этому иногда срывают большой куш, а те, кто смотрит на жизнь поверхностно, завидуют их так называемому успеху; но те, кто привык несколько глубже вглядываться в скрывающуюся под этим реальность, видят, что это вовсе не успех, и на самом деле от таких операций нет никакой прибыли, а напротив, очень серьёзный убыток.

Если человек — это душа, находящаяся в процессе эволюции, ведущей к совершенству, временно пребывающая на земле, чтобы выучить некоторые уроки и достичь определённой стадии своего прогресса, то очевидно, что единственное, что имеет значение — выучить эти уроки и совершить этот прогресс. Если человек, как многие из нас действительно знают, это душа, живущая вечно, то истинные интересы человека — это интересы души, а не тела, которое — ничто

иное, как временное облачение. И всё, что мешает прогрессу души, для человека чрезвычайно плохо вне зависимости от того, каким бы выгодным это ни казалось для тела.

Душа действует через свои проводники и продвигается с их помощью, а физическое тело — лишь один из них, и притом самый низший. Потому ясно, что прежде чем мы сможем определить, хорош или плох для нас какой-либо образ действий, мы должны знать, как он повлияет на все эти проводники, а не только на один из них.

Представьте, что один человек обошёл другого в какой-то сделке и громко хвастается своим успехом и прибылью, которую она ему принесла. Исследователь внутренней стороны природы скажет ему, что в действительности здесь не было никакого приобретения, а лишь тяжёлый ущерб. Мошенник сжимает деньги в руке, и в своей близорукости, торжествуя, воскликнет: «смотрите, вот лучшее доказательство, золотые червонцы, которые я выиграл — как вы можете говорить, что я ничего не получил?».

Оккультист ответит, что от самого золота ему будет мало пользы или вреда — смотря как он им распорядится, — но соображение, имеющее гораздо большую важность — это последствия сделки на высших уровнях. Давайте временно полностью абстрагируемся от вреда, нанесённого жертве обмана (хотя поскольку человечество поистине большое братство, этот фактор вовсе нельзя игнорировать), а ограничимся исключительно своекорыстным аспектом этого действия и посмотрим, какой вред нечестный торговец нанёс самому себе.

Результаты обмана

Ясновидящему взгляду явственно предстают два факта. Во-первых, обманщику нужно было обдумывать план мошенничества; он совершал умственные усилия, а результатом их стала мыслеформа. Поскольку порождённая им мыслеформа была злонамеренной и коварной, она сковывает и иссушает ментальное тело, мешая его росту и усиливая его низшие вибрации — одно только это бедствие более чем перевешивает всё, что только может случиться в физическом мире. Но это ещё не всё. Во-вторых, эта двуличность устанавливает в ментальном теле привычку. Она представлена там определённым типом вибрации, а поскольку эта вибрация была сильно запущена в действие, она создала склонность к своему собственному повторению. И следующий раз, когда мысли человека обратятся к какой-либо коммерческой операции, принять какой-нибудь мошеннический план ему будет несколько легче, чем раньше, а быть человечным, открытым и честным — несколько труднее. Так что один двуличный поступок может создать в ментальном теле последствия, на устранение которых потребуются годы терпеливых усилий.

Потому ясно, что даже с самой эгоистической точки зрения нечестная торговля плоха — потери необычайно превышают прибыль. И это точно — это дело не чувств или воображения, но факт; и только лишь потому, что столь многие ещё

слепы к более широкой жизни, не всем это сразу очевидно. Но даже те из нас, чьё зрение ещё не раскрылось для высших миров, могут прибегнуть к логике и здравому смыслу, чтобы положиться на то, что говорят нам видящие — достаточно по крайней мере понять, что это должно быть именно так, и внять своемувременному предупреждению, чтобы осознать, что сделка, которая выглядит выгодной в одном отношении, может оказаться разорительной в другом, и что прежде чем решать вопрос, связанный с прибылью и убытком, нужно принять в расчёт все факторы.

Ясно, что изучающий оккультное, которому приходится заниматься бизнесом, должен пристально исследовать то, что называется бизнес-методами, чтобы давление общественного мнения по этому вопросу не привело его к совершению поступков не вполне честных и несовместимых с духом истинного братства, или к соучастию в них.

Предубеждение против личностей

Всё ранее сказанное применимо и к общественному мнению относительно конкретной личности. Есть старая пословица, которая гласит: «назовите собаку плохим именем, и можете сразу же её повесить». И она действительно выражает горькую истину, ибо если в обществе сложилось плохое мнение о каком-то человеке, каким бы необоснованным оно ни было, его мыслеформа существует в атмосфере данного места, и всякий посторонний человек, приходящий туда, тоже вполне может подвергнуться её влиянию. Новопришедший, ничего не зная о жертве злой молвы, вряд ли начнёт знакомство с ней с того, что начнёт обвинять её в конкретных преступлениях, но всё же, не отдавая себе в том отчёта, может оказаться предрасположен плохо думать о ней и иметь склонность давать греховное толкование самым простым её действиям. Если мы стараемся следовать истине, мы должны быть настороже и против этих влияний тоже, и должны учиться применять в таких случаях самостоятельное суждение, а не принимать готовый вердикт общества, который в действительности есть такое же суеверие, как и те, что связаны с религиозными вопросами.

Влияние друзей

Влияние, которое часто играет в жизни человека очень большую роль — это влияние друзей. Это признано в популярной пословице, гласящей: «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Это значит, что обычно человек выбирает себе друзей из людей определённого типа или класса, что в свою очередь значит, что он симпатизирует идеям этого класса и склонен сам воспроизводить их, но это значит и нечто гораздо большее. Находясь вместе с тем другом, которого он любит, человек бывает в самом восприимчивом состоянии. Он открывается к влиянию друга, и какие бы свойства ни были сильно развиты у этого друга, у человека появится склонность тоже воспроизвести их в себе.

Даже в физическом мире верования друга располагают нас к себе просто потому, что это его верования — они приходят к нам с рекомендацией, обеспечивающей им самое благоприятное рассмотрение. Скрытая сторона этого в действительности является просто распространением той же идеи на более высокий уровень. Мы открываемся друзьям, и делая это, вводим себя в состояние резонансной вибрации с ними. Мы получаем и охотно принимаем их мысленные волны, и всё, что в них есть определённого, не может не оставить своего впечатления на наших высших телах. Эти колебания приходят к нам, будучи обёрнутыми в колебания любви или привязанности — они вызывают к нашим чувствам, а потому наше суждение временно становится менее бдительным. С одной стороны, в этом может быть некоторая опасность принять влияние без достаточного рассмотрения, но с другой стороны преимущество здесь в том, что мнение будет принято и исследовано с глубокой симпатией. Мудрым образом действий будет принимать всякое новое мнение с такой симпатией, как если бы оно исходило от нашего лучшего друга, и всё же исследовать его так тщательно, как если бы оно дошло до нас из враждебного источника.

Расхожие суеверия

Следует помнить, что суеверия вовсе не ограничиваются религиозными вопросами. Большинство путешествовавших англичан в курсе, что в некоторых частях континентальной Европы существует очень твёрдое предубеждение против допуска свежего воздуха в комнату или вагон, несмотря на то, что наука учит нас, что свежий воздух необходим для жизни. Мы знаем из науки, и здесь не может быть и тени сомнения, что солнечный свет уничтожает многих болезнетворных микробов; кроме того, нам известно, что он насыщает жизнью атмосферу. Так что не стоит даже вопрос о том, нужно ли допускать его в наши дома так свободно, как это возможно, особенно в тех несчастных странах, где его так мало. И всё же, вместо того, чтобы принять это благословение и радоваться ему, многие домохозяйки совершают целенаправленные усилия, чтобы загородить его повсюду, где он появляется, из-за предубеждения против выцветания занавесок и ковров. Нельзя отрицать, что солнечный свет заставляет некоторые краски выцветать, но курьёзный недостаток чувства соразмерности, свойственный невежественным умам, проявляется в том факте, что поблекшие цвета считаются важнее физического здоровья и чистоты, которые приносит солнечный свет. Цивилизация постепенно распространяется, но есть ещё много городов и деревень, в которых суеверия, ведущие своё начало от обычаев наших праотцов, незнакомых с наукой, не дают принять современные методы санитарии.

Даже среди людей, считающих себя передовыми, всё ещё выживают курьёзные маленькие осколки первобытных суеверий. У нас ещё есть много таких, кто не начнёт нового предприятия в пятницу и не станет участвовать в компании из тринадцати человек. Есть и многие, кто считает некоторые дни недели или месяца счастливыми для себя, а другие — несчастными, позволяя этому расписанию управлять своей жизнью. Я не готов отрицать, что из множества примеров, которые можно было бы разумно объяснить совпадением, можно вывести, что с судьбой некоторых личностей или семей всегда каким-то образом связаны

определённые числа. Я пока ещё не вполне понимаю, что за этим кроется, но было бы глупо отрицать факт только потому, что у нас под рукой не оказалось адекватного объяснения. Тех, кому интересно дальше исследовать этот вопрос, я отошлю к приложению к «Любопытным мифам средних веков» Баринга Гаулда.*

* Baring Gould, «Curious Myths of the Middle Ages.»

Я не сомневаюсь в существовании того, что обычно называют влиянием планет, ведь я уже дал объяснение скрытой стороне этих влияний; но я утверждаю, что хотя они могут облегчить или затруднить выполнение определённого дела в определённый день, ни в одном из них, или даже во всех вместе, нет ничего такого, что могло бы не позволить человеку волевому и решительному распоряжаться своей жизнью так, как он считает лучшим. Как было сказано, мудрец управляет своими звёздами, а дурак повинуетя им. Позволять себе стать рабом таких влияний — значит создать на их почве суеверие.

Боязнь сплетен

Вероятно, самое большое и губительное из всех табу, которыми мы окружаем себя, это страх того, что скажут наши соседи. Есть множество мужчин и женщин, которые, похоже, живут только для молвы о себе; по крайней мере такой вывод можно сделать из того, что они соотносят всё именно с этим, как с основным мерилom. Один и единственный критерий, применяемый ими в отношении любого образа действий, — это впечатление, которое они произведут на своих соседей. Они никогда не спрашивают себя, «правильно или неправильно так поступать?», но ставят вопрос так: «если я это сделаю, что скажет миссис Джонс?».

Пожалуй, это самая страшная форма рабства, от которой может страдать человек, и всё же, чтобы освободиться от неё, необходимо всего лишь решение отстоять эту свободу. То, что говорят о нас другие, имеет для нас только такую важность, какую мы сами этому придаём. Нам нужно лишь осознать, что сказанное кем-то другим не имеет никакого значения, и мы сразу же совершенно свободны. Это урок, который оккультисту нужно выучить ещё на раннем этапе своего прогресса. Он живёт на более высоком уровне и может позволить себе подвергаться влиянию лишь высших соображений. Он берёт в расчёт скрытую сторону вещей, о которой большинство людей не знает ничего, и основывая на этом своё суждение, он сам решает, что правильно и что неправильно, а решив, думает о том, что скажут другие, не в большей мере, чем мы беспокоимся о кружащихся вокруг нас мухах. Что говорит о нас кто-то другой, никогда не имеет ни малейшего значения, но для нас много значит то, что говорим мы сами.

Лучший аспект

К счастью, эта могучая сила мысли может использоваться не только во зло, но и во благо, и в некоторых отношениях давление общественного мнения иногда оказывается на стороне праведности и истины. В конце концов, общественное мнение представляет мнение большинства, а потому его давление в целом благоприятно, когда оно действует на тех, кто находится ниже уровня этого большинства. На самом деле лишь существование этой массы общественного мнения делает возможной общественную и цивилизованную жизнь; а иначе мы были бы отданы на милость самого сильного и беспринципного из нас. Но изучающий оккультизм пытается подняться на уровень намного *выше* большинства, и для этого ему необходимо научиться мыслить самостоятельно, а не принимать готовые мнения, не исследуя их. По меньшей мере достаточно сказать, что если даже общественное мнение ещё не задаёт очень высокого уровня поведения, то по крайней мере высок общественный идеал, и общество не может не откликнуться на пример героизма и благородства, который ставят перед ним. Классовое чувство и корпоративный дух вредят, когда склоняют человека презирать других, но они приносят пользу, когда устанавливают стандарт, падать ниже которого человек считает недопустимым.

В Англии мы обычно относим свою мораль на счёт религии, тогда как истина, похоже, заключается в том, что между ними мало действительной связи. Следует признать, что у множества людей культурных классов почти в любой европейской стране вообще нет настоящей религиозной веры. Пожалуй, они до некоторой степени как нечто разумеющееся принимают некоторые догмы, просто потому что никогда по-настоящему не задумывались о них и не взвешивали их в уме, но было бы ошибкой полагать, что религиозные соображения управляют их действиями или вообще играют в их жизни хоть сколько-нибудь значительную роль.

Однако они в значительной мере подвергаются влиянию другой группы столь же неосозаемых идей, и влияние это всегда благотворное — я имею в виду чувство чести. У джентльмена каждой расы есть свой кодекс чести; есть некоторые вещи, которых он делать не должен, и которых он просто не может сделать, потому что он джентльмен. Для него сделать любую из них — упасть в собственных глазах и потерять уважение к себе. Но фактически у него никогда не бывает даже искушения их совершить, потому что он считает их для себя невозможными. Сказать неправду, совершить подлый или бесчестный поступок, проявить неуважение к даме — эти и другие подобные вещи, как он скажет вам, в его кругу *не делают*. Давление такого классового чувства, как это, во всех отношениях действует только к лучшему, и его следует поощрять всеми средствами. То же самое, в меньшей степени, можно найти в традициях наших великих школ или колледжей, и многие мальчики, чувствуя сильное искушение совершить бесчестный поступок говорили себе: «Я не стану делать этого ради нашей старинной школы — пусть никогда не скажут, что кто-то из её учеников опустился до такого». Так что в этом вопросе общественного мнения есть как плохая сторона, так и хорошая, и наше дело — всегда применять великую добродетель распознавания, чтобы отделять желательное от нежелательного.

Ещё один момент, который стоит помнить, состоит в том, что эта огромная, неуклюжая и неразумная сила общественного мнения сама может подвергаться медленному и постепенному формированию и влиянию. Мы сами — члены

общества, и по всеобщему закону наши взгляды в какой-то мере влияют на взгляды других. Удивительные изменения, произошедшие за последние тридцать лет в современной мысли в связи с теми предметами, которые мы исследуем, были достигнуты в значительной мере благодаря настойчивой работе Теософического Общества. Все эти годы мы постоянно выступали, писали, а главное — здраво и разумно мыслили обо всех этих вопросах, и тем излучали вибрации, эффект которых явственно виден в великих изменениях мысли нашего времени. К теософии можно привести лишь тех, кто готов, но в тысячи раз больше людей могут пройти половину пути, придя в движение «Новой мысли», спиритизм и либеральное христианство. В этом случае, как и во всяком другом, знать закон — значит быть в состоянии владеть его силами.

Глава XI

ВЛИЯНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Похороны

Пока что мы рассматривали в основном влияния, которые, исходя от природы или окружающих нас человеческих существ, непрерывно оказывают на нас достаточно постоянное давление, которого мы обычно не замечаем именно потому что оно постоянно. А теперь неплохо было бы упомянуть скрытую сторону таких событий, которые случаются в нашей жизни лишь иногда, как, например, хирургическая операция, присутствие на похоронах, на лекции, на политическом митинге или спиритическом сеансе; или, например, когда происходит возбуждение религиозной деятельности, отмечается большой национальный праздник, или когда в мире случается война, землетрясение, извержение вулкана или какое-нибудь иное бедствие.

Сперва посмотрим, как воздействует на человека скрытая сторона похорон. Я имею в виду не воздействие его собственных похорон, хотя этот вопрос, впрочем, тоже представляет интерес, так как некоторые люди испытывают это воздействие в необычайной степени. Ни один философски мыслящий человек не станет беспокоиться о том, что делают с его прежним телом, которое в конце концов — лишь изношенная одежда, но в мире есть множество людей, которые вовсе не философы, и для них это иногда является вопросом большой значимости.

Классическая история убеждает нас, что древние греки чрезмерно беспокоились о том, чтобы после смерти их телам были обеспечены достойные похороны — главным образом потому, что они находились под иллюзией, что если этого не будет сделано, они не смогут следовать должным путём, которым им надлежит двигаться после смерти. Большинство древнегреческих историй о привидениях рассказывают о людях, вернувшихся с того света, чтобы устроить должные похороны своих тел.

Более бедные классы современных ирландцев, похоже, тоже разделяют это необычное беспокойство о захоронении своих тел, поскольку иногда мне приходилось встречать ирландских женщин, единственной посмертной мыслью которых была не забота о благе или прогрессе своей души, а о том, чтобы количество экипажей, следующих в их похоронной процессии, не было меньше определённого числа, или чтобы гроб не был ни в каком отношении хуже, чем у миссис такой-то несколько недель назад.

Однако, это было просто отступление, а то, что мы должны рассмотреть — это влияние похорон на оставшихся в живых, а не на умершего (который, тем не менее, обычно тоже присутствует и может относиться к этой процедуре по-разному, в зависимости от его темперамента).

Похороны — это мероприятие, которого оккультист должен определённо избегать, но иногда он может оказаться в таких обстоятельствах, при которых его отказ присутствовать может быть неверно истолкован его невежественными родственниками, не понимающими в этих делах. В таком случае он должен проявить усилие воли и привести себя в решительный и позитивный настрой, чтобы никоим образом не подвергнуться окружающим влияниям, и в то же время быть в состоянии мощно влиять на других.

В первую очередь он должен думать об умершем (который скорее всего присутствует) с сильным, дружественным участием и любовью, решительным, волевым образом желая ему мира и продвижения. Относительно скорбящих он тоже должен поддерживать положительный настрой ума, стараясь впечатлить их мыслью о том, что им не следует предаваться горю, поскольку человек, которого они оплакивают, в действительности ещё жив, и их скорбь будет только мешать ему в новых условиях, в которых он оказался. Нужно стараться ментально сдерживать их, чтобы не дать им скатиться в беспомощную истерику.

Современные похороны далеки от идеала. В том, что с избавлением «я» от сброшенного им одеяния должна быть связана какая-то церемония, похоже, существует установившееся единство мнений, но несомненно, нужно изобрести нечто лучшее, чем то, что обычно совершается сейчас. Похороны в деревенской церкви не лишены уместных черт, и даже несут некоторое утешение. Скорбящие находятся в здании, с которым у них связаны все виды святых и возвышенных ассоциаций, а служба, проводящаяся англиканской церковью, красива, хотя в некоторых местах хотелось бы внести в неё ноту более восторженной уверенности.

Но о службе, проводимой в кладбищенской часовне, ничего такого сказать нельзя. Это место никогда не используется ни для каких иных целей, кроме похоронных, и вся его атмосфера проникнута безнадежным горем. Обычно всё настолько мрачно и убого, как только возможно, и сами стены пропахли склепным духом. Мы должны помнить, что на одного человека, который знает правду о смерти и смотрит на неё разумно и с надеждой, есть сотни тех, у кого о ней самые что ни на есть иррациональные и безобразные представления. Потому такие места наполнены самым чёрным отчаянием и чрезвычайным умственным страданием, а

следовательно, из всех мест являются самыми нежелательными для посещения теми, кто пережил то, что представляется им тяжёлой утратой.

Избавление от мёртвых тел

Никто из имеющих хотя бы малейшее видение скрытой стороны вещей не сможет одобрить наш нынешний варварский метод избавления от тел умерших. Даже с физической, земной точки зрения нет ни одного довода в его пользу, и имеется много весомых соображений против. Даже с точки зрения чувств невозможно понять, как кто-либо может примириться с идеей, что отброшенное одеяние того, кого он любил, должно быть предоставлено медленному и отвратительному разложению в условиях, от воображения которых сжимаешься от ужаса. А если к этому добавить огромную опасность болезней для живых, происходящую от несказанного загрязнения воздуха и воды, то можно начать понимать, что наши похоронные обычаи являются одним из многих свидетельств того, что наша хваленая цивилизация в конечном счёте являет собой лишь внешний лоск.

И это впечатление получит ещё более явное подтверждение, если мы бросим взгляд на ту сторону этого предмета, которая пока что неизвестна большинству. Мы тогда узнаем, какого сорта существа привлекаются процессом медленного гниения, и увидим, что оставшимся в живых этим тоже наносится ужасный вред, которого можно было бы избежать.

Для умершего, если он мудр, имеет мало значения, что станет с его изношенной оболочкой, но следует помнить, что не все умершие обязательно мудры, и что некоторых из них, не знающих лучшего учения, этот отвратительный обычай заставляет сделать серьёзную ошибку, которой при других условиях они бы не совершили.

Средний человек при своём заурядном мышлении не привык разделять себя на тело и душу столь определённо, как делает это изучающий оккультизм. Верно, что умерший наконец отбросил свой физический проводник, и для него практически невозможно вновь им завладеть; но он очень привык к нему, и частоты вибраций тела ему знакомы и сродны. При нормальных, правильных и чистых условиях он совершенно порывает с ним, но есть такие, кто не имея при жизни никаких идей и представлений, превышающих пределы физического, сходят с ума от страха, когда обнаруживают, что совершенно отрезаны и уносятся от него. Такие люди иногда делают отчаянные попытки вернуться хоть в какое-то соприкосновение с физической жизнью. Большинству это не удаётся, но когда кому-либо из них в какой-то ограниченной степени это удаётся, достигнуто это может быть лишь при помощи их собственных физических тел.

Тот раппорт, который всё ещё сохраняется у них с разлагающимся трупом, иногда позволяет им черпать из него основу для несовершенной и неестественной частичной материализации, далеко недостаточной, чтобы снова привести их в соприкосновение с физическим миром, но всё же достаточно сильной, чтобы на время оторвать их от здоровой астральной жизни. Такие люди временно (к

счастьем, только временно) создают для себя неясный, серый мир ужаса, в котором они видят физические события, как через тёмное стекло или мир тумана, в котором они плывут потерянные и беспомощные.

Они не могут полностью вернуться в плотные тела; человек, который сделал бы это, стал бы вампиром. Но они держатся за эфирную материю своих отброшенных проводников, таская её с собой, и в этом причина всех их страданий. И пока они не смогут избавиться от этой привязанности и сквозь этот серый мир вынырнуть в свет, им не будет покоя. Кроме того, существуют неприятные формы чёрной магии, известные в восточных странах, а также тем, кто изучал методы вуду и обеах, успех которых зависит от разлагающихся физических тел; хотя к счастью это соображение не имеет практической важности для тех, кто живёт в обществах, не знакомых с такими злыми традициями.

По меньшей мере ясно одно — что всех этих возможностей, ведущих к злу как для мёртвых, так и для живых, можно избежать путём рационального способа избавления от сброшенной плотской оболочки. Когда мы вернёмся к обычаю кремации, практикуемому индусами, а ранее применявшемуся греками и римлянами, мы так быстро, как только возможно, сведём физический проводник к составляющим его элементам способом, который одновременно чист, приличен и вполне удовлетворяет эстетические чувства, равно как и отвечает рациональным взглядам разумного человека.

Некоторые высказывали опасения, что умерший, особенно в случае внезапной смерти, может быть не совсем ещё отделён от тела и почувствует жар пламени, таким образом испытывая страдания от сжигания тела. Но даже если смерть случайная, если это *на самом деле* смерть, астральная и эфирная материя полностью отделяются от плотной физической, и совершенно невозможно, чтобы при каких-либо обстоятельствах умерший чувствовал, что делается с его физическим телом. Я имею в виду, что он не может *действительно* чувствовать это, потому что связь, через которую он чувствовал, определённо разорвана; но, пожалуй, возможно, что видя кремацию, он может испытать некоторый страх и вообразить, что он как бы чувствует этот огонь.

Я никогда не наблюдал таких случаев в связи с кремацией, но из одного источника, заслуживающего доверия, слышал о молодом человеке, чьи зубы после смерти вырвал нечестный могильщик, чтобы продать их в качестве искусственных. Молодой человек явился своему отцу с кровью, текущей изо рта, в большом негодовании крича, что его пытаются выдёргивать зубы. Тело было эксгумировано, и обнаружилось, что его рассказ верен. В данном случае, если человек был действительно мёртв, совершенно невозможно, чтобы он чувствовал какую-нибудь боль; но он узнал о том, что делается и пришёл в сильный гнев. Несомненно, он действительно мог считать, что ему больно, так как при жизни идея о вырывании зубов всегда связана с большой болью.

Разница в отношении ко всей теме смерти, которую производит знание скрытой стороны вещей, очень хорошо проиллюстрирована двумя рисунками, приведёнными в нашей книге «Мыслеформы». На них показаны мысленные образы, созданные двумя людьми, стоявшими на похоронах рядом друг с другом.

Можно видеть, что у человека, живущего в полном невежестве относительно смерти, не было в связи с ней никаких мыслей, кроме эгоистичного страха и подавленности; тогда как человек, понимавший факты, был совершенно свободен от всякого намёка на подобные чувства, и единственными его переживаниями были сочувствие и симпатия к скорбящим, а также благоговение и высокое устремление.

В самом деле, знание скрытой стороны жизни совершенно изменяет отношение человека к смерти, ведь оно быстро показывает ему, что вместо того, чтобы быть концом всего, как часто невежественно предполагают, это просто переход из этой стадии жизни в другую, которая более свободна и приятна, чем физическая, а потому её скорее следует желать, чем страшиться. Ему сразу становится видно, каким крайним заблуждением является теория о том, что сбросившие свои физические тела для нас потеряны, ибо он знает, что они близки к нам так же, как и раньше, и всё, что мы потеряли — это способность их видеть. Для сознания человека, обладающего даже астральным зрением, так называемые мёртвые видны столь же определённо присутствующими, как и так называемые живые, а поскольку он видит, как легко они подвержены воздействию вибраций, которые мы к ним посылаем, он понимает, как вредно скорбное и печальное настроение, в которое, к сожалению, так часто входят их друзья, всё ещё сохраняющие физические тела.

Знание скрытой стороны жизни вовсе не учит нас забывать умерших, но оно учит нас быть чрезвычайно разборчивыми в том, как думать о них. Оно предупреждает, что наше отношение должно быть решительно бескорыстным, что мы должны совершенно забыть о себе и испытываемой нами боли кажущейся разлуки, и думать о них не со скорбью или страстным желанием вернуть их, а с сильным любящим пожеланием им счастья и прогресса.

Ясновидящий видит, каким именно образом воздействуют на них такие желания, и сразу постигает истину, которая лежит в основе учения католической церкви касательно нужности молитв за умерших. Такие молитвы помогают и живым, и мёртвым. Живым, вместо скорби и беспомощного чувства, что нельзя ничего сделать, поскольку между ими и их любимыми пролегла пропасть, предлагается обратить свои любящие мысли на определённое действие, способствующее счастью и продвижению тех, кто скрылся из виду, покинув физический мир. Обо всём этом и многом другом я достаточно полно написал в книге под названием «По ту сторону смерти», так что здесь я лишь касаюсь этой темы и отсылаю к этой работе всех желающих получить более подробную информацию.

Хирургическая операция

В наши дни торжества хирургии нередко случается, что человеку приходится подвергнуться операции. У этого события меньше скрытых сторон, чем у других, так как использование анестезии совершенно выводит человека из физического тела. Но во время этого самого отсутствия происходит многое, что могло бы представлять для него интерес, так что было бы неплохо попытаться замечать и

запоминать происходящее. Это сделать трудно, ещё труднее, чем перенести воспоминания из астрального мира; ведь то, что вытесняется наркозом — это эфирная часть физического человека, а поскольку эфирный двойник — лишь часть физического тела, и сам по себе никоим образом не является совершенным проводником, человек обычно не может сохранить ясных воспоминаний.

Я помню один случай, когда по просьбе жертвы такого наркоза следил за происходящим. Этот человек интересовался оккультной стороной этого дела и хотел запомнить всё, что мог. Он был помещён на операционный стол, и была применена анестезия. Почти сразу же он вышел в астральном теле, узнал меня и бросился ко мне через комнату с выражением живого восторга на лице, очевидно от радости обнаружить себя полностью сознательным в астральном мире. Но через мгновение из физического тела вытекло большое облако эфирной материи, вытесненной анастатическим средством. Это облако незамедлительно окутало его, и я увидел, как разум стал исчезать с его лица, пока оно не стало просто маской.

Когда через два дня мне разрешили снова видеть его, его воспоминания точно соответствовали тому, что я видел. Он ясно помнил, как вырвался из тела, и увидел меня в другом конце комнаты; при этом он очень обрадовался тому, что всё выглядело столь реальным. Тогда он двинулся ко мне, но почему-то так меня и не достиг, и больше ничего не помнил до того, как снова вернулся в тело через час после окончания операции. В этом случае я ощутил, какое преимущество дало бы врачам, участвовавшим в ней, обладание ясновидением. Они дали пациенту слишком большую дозу обезболивающего, и были на грани полного изгнания всего эфирного двойника, вместо лишь части его, как требовалось. Как веско заметил мой ясновидящий спутник, они едва оставили ему частичку эфирного тела размером с монетку в полкроны, в результате чего пациент опасно приблизился к смерти, и им даже пришлось десять минут нагнетать в его лёгкие кислород, чтобы вообще вернуть его к жизни.

Несколько лет назад посещение зубного врача часто означало подобную, хотя и меньшую операцию, при которой из-за применения окиси азота пациент проходил через похожий, хотя и более краткий опыт, и в связи с этим проявлялись многие любопытные феномены. Пример этого можно найти в моей книге «Сны» (глава IV). В нашу эпоху местного наркоза дантист обычно может выполнять свою работу без применения газа, а потому переживания, связанные с его операциями, имеют менее оккультную природу.

Лекция

В предыдущей главе мы рассмотрели последствия, сопровождающие посещение церкви; теперь же мы рассмотрим внутреннюю сторону присутствия на лекции, политическом митинге, спиритическом сеансе, а также результаты религиозного возбуждения.

Из всех этих форм возбуждения лекция обычно бывает самой мягкой, хотя даже это в некоторой мере зависит от её темы. На лекции аудитория обычно бывает

менее единообразной, чем собрание прихожан в церкви. У приверженцев одной веры часто имеет место решительное согласие по многим пунктам, тогда как люди, заинтересовавшиеся лекцией на какую-то конкретную тему, могут прийти из многих разных кругов и представлять все виды различных типов. Всё же, временно между ними существует связь — их связывает интерес к какой-то теме, а потому, какими бы разными ни были их умы, у всех их временно приведена в действие одна и та же часть ума, и это создаёт некоторую поверхностную гармонию.

Поскольку изучающим теософию часто приходится читать лекции, равно как и терпеливо выслушивать их, пожалуй, было бы неплохо не пренебрегать скрытой стороной этого. Следует отметить, что если лектор желает эффективно подействовать на ментальные тела своих слушателей, он прежде всего должен позаботиться о том, чтобы идея ясно выражалась в его собственном ментальном теле. Серьёзно обдумывая разные части своей темы и пытаясь изложить их перед публикой, он создаёт серию мыслеформ, причём, благодаря усилию, необычайно мощных.

Он располагает прекрасной возможностью, потому что аудитория в значительной степени уже находится в восприимчивом состоянии. Эти люди взяли на себя труд прийти, чтобы послушать об этом конкретном предмете, а потому мы должны полагать, что они готовы слушать. Если при таких благоприятных условиях лектору не удастся сделать так, чтобы его поняли, причина этого должна быть в том, что его собственные мысли на эту тему недостаточно ясны. Неуклюжая и неопределённая мыслеформа производит лишь незначительное впечатление, и то с большими затруднениями. Но чётко очерченная мыслеформа активно воздействует на ментальные тела слушателей, стараясь в них воспроизвестись. Их представления о ней почти всегда будут менее определёнными и удовлетворительными, чем она сама, но всё же, если её края достаточно резки, она в некоторой мере передаст идею. Но если та мыслеформа, которую им предстоит копировать, уже сама размыта, то весьма вероятно, что её повторения окажутся уж совсем неузнаваемыми.

Иногда выступающий получает неожиданную помощь. Тот факт, что он усиленно думает о каком-то конкретном предмете, привлекает внимание тех развоплощённых существ, которые тоже интересуются этой темой, и часто аудитория насчитывает большее количество людей в астральных, чем в физических телах. Многие из них приходят просто послушать, как и их братья в физическом мире, но иногда случается, что один из привлечённых лекцией знает о её предмете больше, чем сам докладчик. В таком случае он иногда помогает предложениями или иллюстрациями. Они могут достигать лектора различными путями. Если он ясновидящий, то может видеть своего помощника, и новые идеи и иллюстрации материализуются перед ним в тонкой материи. Если же он не ясновидящий, помощнику скорее всего потребуется впечатлить идеями его мозг, и в таком случае он вполне может принять их за свои собственные. Иногда помощник не развоплощён, а лишь временно вышел из тела, поскольку это одна из областей работы, которую часто берут на себя невидимые помощники.

В некоторых случаях «я» лектора проявляет себя любопытным внешним образом. Например, я слышал от Анни Безант, что когда она, читая лекцию, произносит одно предложение, она обычно уже видит следующее материализующимся в воздухе перед ней в трёх разных вариантах, из которых она сознательно выбирает тот, который считает лучшим. Это может быть работой «я», хотя несколько трудно понять, почему оно избирает этот метод коммуникации, поскольку в конце концов это оно само читает лекцию через физические органы. С первого взгляда кажется, что ему было бы столь же легко, пожалуй, даже легче, выбрать вариант самостоятельно и запечатлеть в низшей материи только его; равно как и послать его прямо в мозг, чем материализовывать в воздухе перед ним.

Возвращаясь от лектора к его слушателям, мы можем заметить, что они могут оказать ему огромную помощь в его работе. Иногда можно слышать, как более старые члены теософической группы говорят, что не считают необходимым приходить на собрание ложь, поскольку лекция будет на тему, с которой они уже основательно знакомы. Не говоря уж о большой самонадеянности, подразумеваемой заявлением о *полном* знакомстве с каким-то из учений теософии, можно отметить, что утверждение о бесполезности присутствия человека, потому что он знает предмет, неверно. Гораздо больше истины было бы в совершенно противоположном заявлении — ведь зная предмет основательно, он тоже может создавать сильные и ясные мыслеформы многих требуемых иллюстраций и пояснений, таким образом оказывая лектору огромную помощь в его усилиях по передаче аудитории желаемых впечатлений.

Чем больше на лекции людей, глубоко понимающих её предмет, тем легче будет всем тем, для кого он в новинку, получить о нём ясное представление. Потому лектору определённо помогает присутствие тех, кто может полностью его понять. Ему также может сильно помочь или помешать общее отношение аудитории. В основном оно бывает дружественным, поскольку большинство людей, пришедших на лекцию, пришли туда потому, что интересуются её предметом и хотят о нём что-то узнать. Однако иногда появляются один или двое, чьё главное желание — критиковать, и их присутствие вовсе не способствует процессу.

Политический митинг

Этот последний эффект гораздо больше проявляется на политических митингах, поскольку, как правило, хотя одни люди приходят чтобы поддержать оратора, другие приходят просто с целью оспаривать его и мешать ему. Потому чувства, выражаемые на митингах, и наблюдаемые там мыслеформы нелегко предсказать заранее. Но часто можно наблюдать случаи того, как мыслеформы, составленные в основном или исключительно мыслями приверженцев одной партии создают мощные волны энтузиазма, которые проносятся над аудиторией, окружают оратора и действуя на него, приводят его в соответствующее состояние.

Помню, как много лет назад я присутствовал как раз на таком митинге, и был сильно поражён эффектом того, как люди соединились в пении. Должен был выступить кто-то из больших шишек этой партии, и потому уже за два часа до

начала огромный зал был набит так, что не продохнуть. Но организаторы митинга были по-своему очень предусмотрительны и самым эффективным образом использовали это время, чтобы привести эту огромную и разнородную толпу в состояние преданного энтузиазма. Разнообразные патриотические песни быстро сменяли одна другую, и хотя немногие на самом деле знали мотив, и ещё меньше было знавших слова, зато по крайней мере в энтузиазме уж не было недостатка. Два часа ожидания прошли, подобно развлечению, и я думаю, что многие были удивлены, как быстро пролетело время.

Оккультная сторона среднего политического митинга, однако, вовсе не привлекательна, поскольку с астральной точки зрения картина нередко напоминает чрезвычайно яростную грозу. Часто там много воинственных чувств и даже личной вражды. В целом обычно имеет место преобладание грубоватого веселья, часто пронзаемого, однако, копьями беспокойной озабоченности организаторов. Если это не является вашим долгом, то в целом лучше избегать таких собраний, поскольку столкновения астральных потоков, которые всегда там происходят, не могут не вызвать огромной усталости у любого хотя бы немного чувствительного человека.

Толпы

Желательно также, насколько возможно, избегать того смешанного магнетизма, который воздействует на нас в тесной толпе. Мы вовсе не должны полагать, что люди, составляющие толпу, обязательно ниже или хуже нас. Для изучающего теософию такое самомнение и чувство собственной праведности — самая нежелательная вещь. Вероятно, верно, что в целом цели и стремления большинства людей в любой толпе являются более мирскими, чем у него, но было бы неправильно и глупо из-за этого их презирать. Значение имеет не то, лучше мы их или хуже, а разница в частотах вибраций, вследствие которой постоянный контакт с другими вызывает в различных проводниках возбуждение, которого лучше избегать.

Тем не менее, когда нам по нашему долгу необходимо или желательно войти в толпу, в нашем распоряжении есть разные средства защиты. Самое обычное — это создание оболочки, будь то эфирной, астральной или ментальной; но лучшая защита из всех — это чистота и лучающаяся добрая воля. Вопросу защиты я посвящу одну из последующих глав.

Спиритический сеанс

Из всех форм собраний одним из самых интересных с оккультной точки зрения является спиритический сеанс, хотя бывает столь много разных типов их, что вряд ли можно сказать что-то, равно приложимое ко всем из них — разве, пожалуй, только то, что для них почти неизменно характерной бывает атмосфера радости и надежды. Кружки, в которые часто допускаются посторонние — те, о которых мы

слышим и иногда читаем в газетах, — в конечном счёте составляют меньшинство, а действительное тело спиритизма составляют два других типа, о которых мы слышим очень мало.

Есть обыкновенные сеансы, устраиваемые бедняками, где медиумом обычно бывает женщина вроде крепкой прачки — там не происходит сенсационных феноменов, а духи часто бывают неграмотны. Тысячи таких сеансов проводятся по всему миру, и между ними есть сильное фамильное сходство. Для посетителя они могут оказаться весьма интересны. Обычно медиум читает что-то вроде банальной этической проповеди, или она действительно даётся *через* медиума, но в любом случае в ней воспроизводятся все его любимые ошибки в грамматике и произношении. Как правило, несколько слов адресуется лично каждому из присутствующих, что часто принимает форму описания их ситуации или обстановки, окружающей духов, которые, как считается, витают над ними. Обычно эти описания предельно смутные и неясные, но снова и снова встречаются поразительные попадания в точку — их гораздо больше, чем можно было бы объяснить простым совпадением. И каким бы скучным это ни казалось постороннему, это несомненно несёт мир членам кружка, давая им живое знание и убеждённость в продолжении существования человека после смерти, к стыду фешенебельных церквей, которые не могут сделать этого.

В скрытой стороне такого сеанса часто встречается нечто трогательное. Обычно за медиумом стоит так называемый дух-руководитель — умерший человек, иногда при жизни принадлежавший к тому же классу, что и медиум, а иногда относящийся к определённому более высокому типу. Это умерший, научившийся путём множества терпеливых усилий довольно уверенно влиять на неуклюжий организм медиума, который, как бы он ни был неудовлетворителен во многих других отношениях, по крайней мере обладает неоценимой способностью с разумной степенью достоверности тем или иным путём передавать сообщения. Терпение, с которым это существо работает с бедными душами, приходящими к нему по обе стороны завесы, достойно восхищения — ведь ему приходится приводить в гармонию не только слёзную непоследовательность множества печальющихся родственников на этой стороне, но также и лихорадочное возбуждение шумной толпы духов, пытающихся проявиться с другой. По-своему и среди своего класса подобные люди творят много добра, и их остающиеся незамеченными труды в каком-нибудь тёмном районе вносят большой вклад в сумму человеческого счастья, чем многие более эффектные усилия, завоёвывающие большее доверие в глазах публики. Даже такой сеанс для астрального зрения выглядит подобно вихрю, в который отовсюду устремляются умершие, желая проявиться или увидеть проявление.

Есть и другая разновидность сеансов, о которых немногие что-либо знают — проводимые в закрытом семейном кругу, куда никогда не допускаются посторонние. Это бесконечно более удовлетворительная сторона спиритизма, поскольку на них многие тысячи семей день за днём сообщаются со своими друзьями и родственниками, ушедшими из физического мира, не только узнавая множество интересных фактов, но и поддерживая свою мысль на высоком уровне благодаря постоянному размышлению о духовном. Обычно центральной фигурой таких сеансов является какой-нибудь умерший член семьи, а сообщения как

правило имеют характер маленьких проповедей любящего характера, часто несколько восторженных.

Но иногда, когда отошедшему родственнику случается быть человеком оригинально мыслящим или научного склада ума, постепенно собирается большой объём вполне определённой информации. Существует гораздо больше таких частных откровений, чем обычно полагают, потому что вряд ли даже один из ста получающих такие сообщения бывает готов выставить на потеху публике то, что для него превыше всего святого, в надежде на столь маловероятный результат, как убеждение какого-нибудь незнакомого скептика.

На подобных сеансах нередко примечательные феномены, и иногда самые поразительные материализации бывают частью ежедневной программы. Часто так называемые мёртвые являются такой же частью повседневной жизни семьи, как и живые, как например в случае явлений, имевших место в доме Морела Теоболда в Хэслмире. Сеансы, описанные Робертом Дэйлом Оуэном в большинстве своём имеют именно такой характер, и представляют наивысший из возможных вид спиритизма, хотя по самой своей природе такой случай вряд ли является вообще доступным для рядового исследователя.

Скрытая сторона таких сеансов, как эти, поистине великолепна, поскольку они образуют точки постоянного контакта между астральным и физическим мирами — это опять же вихри, но на этот раз вихри самых высших и благородных разновидностей астральной жизни. Окружающие их мыслеформы бывают религиозного или научного типа соответственно природе проявлений, но это всегда благотворные мыслеформы, поднимающие ментальный или духовный уровень района, в котором они присутствуют.

Помимо этих двух больших классов существует сравнительно меньшая группа публичных сеансов, которые для посторонних представляют весь спиритизм. Обычно туда за небольшую сумму денег допускаются самые разные люди, а существа, появляющиеся на астральной стороне, являют собой столь же курьёзный конгломерат, как и те, кто ожидает их на физической. Почти всегда таким сеансом тоже заведует дух-руководитель. Среди завсегдатаев таких сеансов не встречаются высшие типы астральных существ, но обычно там обилие умерших, посвятивших себя идее быть полезным для оставшихся на физической земле путём демонстрации феноменов и предоставления разнообразных маленьких доказательств.

Аура такого сеанса в целом обычно бывает несколько неприятной, поскольку в астральном мире он привлекает большое внимание, как и в физическом, и потому вокруг всегда собирается шумная толпа самых нежелательных существ, которых лишь силой удерживают, не давая им наброситься на медиума и завладеть им. Среди опасностей, связанных с посещением таких сеансов есть возможность того, что какое-нибудь из этих отчаянных существ может напасть на любого чувствительного участника и одержать его; и хуже того, оно может последовать за ним домой и наброситься на его жену или дочь. Таких случаев было много, и обычно от такого существа, одержавшего тело живого человека, избавиться бывает почти невозможно.

Скрытая сторона такого сеанса — это обычно спутанная сеть пересекающихся потоков, хороших и плохих; среди них нет очень хороших, но встречаются очень плохие. Ясновидящий, присутствующий на таком сеансе, может кое-чему научиться, наблюдая разнообразные методы, которыми производятся феномены, и методы эти иногда бывают весьма изобретательными. Его поразит, как ловко делаются персонификации, и с какой удивительной лёгкостью можно обмануть тех, кто ничего не знает об этой стороне жизни.

Религиозное возбуждение

С точки зрения исследователя внутренних миров одним из самых примечательных явлений нашего времени является то, что называют «религиозным возрождением». В физическом мире оно обычно выглядит как собрание людей из низших классов, чьи чувства воспламенены высоко эмоциональными и часто жгучими призывами какого-нибудь фанатичного толкователя Евангелия из той или иной секты. Такие собрания происходят день за днём, и часто сопровождаются самыми необычными явлениями нервного возбуждения.

Люди приводят себя в своеобразное истерическое состояние, в котором они чувствуют, что спасены, как они это называют, то есть ускользнули из пут обычной мирской жизни и стали членами духовного сообщества, имеющего высшее назначение. Часто они склонны исповедоваться на публике в том, что считают своими грехами, и их раскаяние и эмоции совершенно непропорциональны тому, в чём они признаются. Волна нервного возбуждения распространяется подобно заразной болезни, и обычно длится несколько недель, хотя часто к концу этого периода проявляются симптомы общего изнурения, и всё это несколько стыдливо затухает, снова переходя в обычную банальную жизнь.

В части случаев, составляющей небольшой процент, этот душевный подъём, похоже, сохраняется, и пережившие его продолжают жить уже более возвышенной жизнью, чем до этого, но в значительно большем количестве случаев либо внезапно и драматически, либо медленно и постепенно, они скатываются к точно такой же жизни, какую они вели до того, как на них нашло это возбуждение. Статистика показывает, что кульминация этого эмоционального возбуждения сопровождается большим беспорядком в половой жизни, и количество незаконных союзов всех видов временно сильно возрастает. Есть некоторые секты, которые сильно видоизменённую форму этого возбуждения сделали частью регулярной системы, и там считают, что новым членам необходимо пройти через кризис, который иногда называют «убеждением в грехе», а в других — «приобщением к религии».

Самые экстравагантные формы принимает такое возбуждение у американских негров, среди которых оно достигает уровня неистовства, необычного для белых рас. Они находят необходимым выражать свои чувства танцами, прыжками и самыми дикими изгибами, что часто продолжается четыре часа и сопровождается криками и стонами весьма пугающего характера.

То, что подобное имеет место в XX веке среди людей, считающих себя цивилизованными — это конечно же весьма примечательный феномен, заслуживающий тщательного исследования со стороны изучающего скрытую сторону вещей. Для обладающего астральным зрением такой выброс представляет удивительное, но неприятное зрелище. Миссионер или проповедник, первым начинающий такое движение, обычно движим высшими мотивами. Под впечатлением переполняющей любви божьей или зол, поражающих какую-то часть общества, он чувствует, что дух движет его провозглашать первое и порицать второе. Дойдя до состояния сильнейшего эмоционального возбуждения, он приводит своё астральное тело в колебания, значительно превышающие пределы безопасного.

Ведь человек может предаться эмоциям лишь до определённой степени, имея возможность восстановиться, как выравнивается накренившееся судно; но точно так же, как судно, крен которого превышает безопасный, переворачивается, так и человек, полностью упускающий астральное тело из под контроля, умирает, или же становится сумасшедшим или одержимым. Такое одержание не обязательно будет злым, хотя по правде сказать — всякое одержание есть зло; но здесь я хочу сказать, что мы не должны приписывать одержателю лишь злые намерения, хотя обычно он пользуется такой возможностью больше ради создания возбуждения и чувства, которое он сам от этого переживает, нежели из каких-либо альтруистических мотивов.

Однако во многих случаях таким одержателем бывает умерший проповедник той же религии, такого же стиля и типа, что и одержимый человек, и так две души временно действуют через одно тело. Получаемая таким образом двойная сила безрассудно изливается на любую собравшуюся аудиторию. Огромная амплитуда колебаний этой энергии делает истерику заразной, а поскольку такие «возрождения» обычно происходят среди людей, чьи эмоции не находятся под контролем сильно развитого интеллекта, проповедник скоро находит тех, кого резонансными колебаниями можно привести в столь же неуравновешенное состояние, как и его собственное.

Каждый, кто раскачивается выше безопасного предела, добавляет силы этим разгулявшимся вибрациям, и скоро астральное возбуждение принимает характер гигантского водоворота. Со всех сторон к нему стекаются астральные существа, единственным желанием которых является получить ощущение — это не обязательно и даже не в основном человеческие существа, а все виды природных духов, которые радуются вибрациям дикого возбуждения и купаются в них, как дети в волнах прибоя. Это они поставляют и постоянно возобновляют энергию, которая тратится со столь ужасающим безрассудством. Это они стараются поддерживать уровень возбуждения так долго, пока они ещё могут найти людей, которых можно втянуть в этот водоворот и побудить давать им вожделенные приятные ощущения.

Помните, что эмоция — явление далеко не высокого типа, поскольку она сугубо личностна. Она всегда мотивирована возвышенным эгоизмом, желанием спасти свою душу; так что преобладающая идея — эгоистическая. Это определяет тип материи, которая приводится в движение в этих огромных вихрях, что в свою

очередь ограничивает тип природных духов теми, которые получают удовольствие именно от таких вибраций и настроены в тон именно с этим типом материи. Естественно, они принадлежат вовсе не к высшим типам — обычно это создания, которые не обладают большой разумностью и не в состоянии понять что-либо о людях, ставших их жертвами. Так что они неспособны спасти этих людей от последствий их дикого возбуждения, даже если бы озаботились этим.

Такова скрытая сторона подобных движений, и вот что видит ясновидящий, наблюдая одно из этих поразительных собраний. Он видит множество людей, в прямом смысле выведенных из себя, чьи тонкие проводники временно им не принадлежат, а используются для поддержания вихря энергии. Все эти люди изливают свои эмоции, чтобы создать огромный астральный водоворот, в который, ликуя, бросаются природные духи, вновь и вновь погружаясь туда и проносясь через него в несдержанном диком удовольствии. Ведь они могут отдаться удовольствию с такой полнотой, о которой более тяжёлое человеческое существо ничего не знает. Вся их жизнь на время превращается в один дикий припадок, и это чувство опять отдаётся на людей, которые неосознанно доставляют им удовольствие, также давая им чувство сильнейшего ликования.

В этом и заключается объяснение страстности этих необычайных проявлений. Всё, чего желают эти природные духи — это сильные эмоции того или иного вида, получаемые ими от своих рабов — людей. Для них всё равно, религиозные это эмоции или сексуальные; вероятно, они даже не знают разницы. И уж конечно они не могут знать, полезны они или вредны для эволюции этих человеческих существ. Всё это — лишь дикая, бешеная оргия нечеловеческих существ, в точности такая же, как шабаш средневековых ведьм, но в этом случае вызванная эмоциями, которые многие считают принадлежащими благой, а не дурной стороне жизни. Но для природных духов в этом нет никакой разницы. Они ничего не знают о добре и зле; что им нравится — так это сильнейшее возбуждение, которое они могут получить, только одновременно приведя массы человеческих существ в состояние, весьма опасное для их рассудка. Ни один человек в одиночку не мог бы достичь столь опасного уровня возбуждения — для этого нужно большое количество людей, взаимно подогревающих и заводящих друг друга. И я бы не советовал читателю присутствовать на подобных мероприятиях, потому что, если его здоровье и уравновешенность не вполне совершенны, для него существует определённая опасность оказаться сбитым с ног этой волной.

Я хочу, чтобы было ясно понято, что написанное мною никоим образом не отрицает того великого факта, что так называемые «внезапные обращения» иногда случаются, и для человека, пережившего такое, это всегда к лучшему.

«Обращение» (conversion) — слово благородное, если только не связывать его с недостойными обстоятельствами, подобными только что описанным. Оно означает «повернуть, чтобы идти с», и смысл его в том, что человек, до сих пор двигавшийся по собственной эгоистичной дорожке, впервые осознаёт ту великую истину, что есть божественный план для человека, и что в его силах разумно принять этот план и исполнять ту часть, что предназначена для него. Осознав это, он поворачивает и идёт вместе с божественной волей, вместо того чтобы невежественно действовать против неё. Раз сделав это, он никогда уже не сможет грешить, не чувствуя раскаяния. Хотя его проводники могут вырваться из-под его

власти и ввести его во все виды излишеств, что у христиан называется «падением», он уже не сможет оставаться в неведении о том, что он пал, и будет сожалеть о своём падении.

Это познание великих фактов жизни называется на Востоке «обретением распознавания», или иногда «раскрытием дверей ума». Обычно это постепенный процесс, или по меньшей мере являющийся результатом постоянных мысленных усилий или рассуждений. Однако, иногда окончательное убеждение снисходит на человека внезапно, и это-то и есть тот случай, который называют внезапным обращением. Если человек, к которому пришла такая внезапная вспышка убеждения, ранее уже размышлял над этим (возможно, в прошлых жизнях) и почти убедил себя, то достаточно одного окончательного касания озарения, и тогда эффект такого обращения будет уже постоянным. Даже после этого человек может пережить многие падения, но он всегда будет от них оправляться и в целом совершать равномерный прогресс.

Как уже было описано, эмоциональный эффект мероприятий, проводимых участниками «религиозного возрождения», является очень мощным. Он не только даст маленький дополнительный толчок, необходимый для обращения тому, кто уже к нему готов, но иногда может захватить и человека, который вовсе к нему не готов. Это воздействие может оказаться достаточно мощным, чтобы перенести его через разделительную линию, и временно заставить его провозглашать (причём совершенно искренне), что он тоже обращён. Но постоянный эффект будет вовсе не таким. Во втором случае человек в действительности ещё не готов; в низшей части его природы имеется огромное количество неконтролируемой силы, и хотя временно над ней возобладали силы, присутствующие на религиозном собрании, она ещё утвердит себя, когда их действие прекратится, и человек неизбежно скатится к своему прежнему образу жизни. Мы не должны осуждать его за это — сила, необходимая для постоянного контроля за низшей природой, растёт очень медленно, и было бы неразумно ожидать, что она может развиваться при одной вспышке энтузиазма. В случаях, где кажется, что это так, сила просто тайно накапливалась долгое время.

Так что я повторяю, что вовсе не отрицаю реальность внезапных обращений, случающихся иногда; также не отрицаю я и некоторую пользу, которую может принести преданный энтузиазм, вкладываемый в «религиозное возрождение». Но я также могу поручиться и за верность всего сказанного выше об общем эффекте подобных собраний и роли в них нечеловеческих существ; и по этой причине я не могу не прийти к выводу, что подобного возбуждения всем изучающим оккультизм следует избегать.

В редких случаях, когда огромная толпа движима преобладающей идеей, которая полностью бескорыстна, в игру вступает совсем другой разряд существ — астральные ангелы (кама-дэвы), активно радующиеся добру. Под их руководством временно усиленные вибрации оказываются безопасны и даже полезны, поскольку эти существа понимают человеческую природу и знают, как безопасно вернуть её в обычное состояние.

Несколько лет назад мне случилось видеть примечательный пример этого, но прежде чем дать его описание, я сначала скажу несколько слов о той добродетели, что послужила причиной этому взрыву эмоций. Ведь вся разница здесь в мотиве — в только что описанном случае он был в основе своей эгоистическим, тогда как здесь он был лишён эгоизма; в одном случае это была надежда на личное спасение, тогда как в другом это были верность и патриотизм.

Волна патриотизма

Патриотизм — добродетель, на которой в эти дни настаивать необходимо. Но мы должны убедиться в том, что понимаем под этим словом. Имеется в виду не предрассудок, не шовинистическая пустая похвальба. Есть люди, которые не видят ничего хорошего ни в одной стране, кроме своей собственной, и постоянно бахвалятся её преимуществами, оскорбляя и понося все другие. Они не патриоты, а просто хвастливые шовинисты, и демонстрируют не силу своей преданности родине, а глубину своего невежества.

Истинный патриотизм — сама противоположность всего этого; он признаёт, что у каждой страны есть свои преимущества и слабые стороны, и что у каждой нации есть свои достоинства, но также есть и свои недостатки, ибо никакая политическая или национальная система пока что не совершенна, и повсюду даёт о себе знать человеческая природа. Тем не менее, он видит, что человек в долгу как перед родителями, взрастившими его, и семьёй, частью которой он является, так и перед страной, в которой он родился, ибо рождение в ней — не дело случая, а следствие кармы. Он помещён туда, потому что именно таковы заслуженные им условия; кроме того, они лучше всего способствуют его эволюции, и он помещён в них не только чтобы получать, но и чтобы давать, ведь лучше всего человек учится служением. Потому он должен быть готов быть призванным на работу для своей страны и с охотой соглашаться на те меры, которые могут быть необходимы для общего блага, даже если ему лично они несут убыток. Ради интересов страны он должен забыть свои личные желания и интересы, и когда появляется возможность, щедро отдавать себя служению ей.

Я в курсе, что среди приверженцев так называемого передового мышления есть те, кто насмехается над патриотизмом как над признаком низкого уровня развития и считают его такой добродетелью, которая наполовину является пороком. Но это ошибочное воззрение, потому что в таком случае по тем же причинам можно было бы насмехаться и над семейными чувствами. Верно, что и любовь к своей семье, и любовь к своей стране являются более ограниченными чувствами, чем универсальная любовь, тем не менее, они — этапы на пути к ней. Если примитивный человек думает только о себе, то распространение своей любви на то более широкое «я», которое мы называем семьёй, будет для него прогрессом, а научиться чувствовать и мыслить в национальном масштабе станет ещё одним шагом на том же пути. Позже он научится мыслить и чувствовать в категориях всего человечества, а затем увидит, что и животные, и растения — тоже наши братья, хотя и меньшие, и что вся жизнь есть божественная Жизнь, и таким образом любовь, некогда ограниченная лишь своей личностью, своей семьёй,

своим родом и своей нацией, станет столь же широка, как безбрежное море божественной любви.

Но весьма необходимым этапом на пути к этой цели является тот патриотизм, который заставляет человека поступиться интересами своего покоя и комфорта, отмести соображения личной выгоды и даже пожертвовать своей жизнью ради служения родине. Естественно, что олицетворением страны для него становится её правитель, и так он развивает в себе ещё одну добродетель — преданность, и его характер таким образом очищается и возвышается. То, что короли часто бывали недостойны этого высокого чувства — печальный факт, но это не мешает другому факту — пользе этого чувства для тех, в ком оно пробуждается. Когда же случается, что самодержец как раз таков, каким и следует быть правителю, мы наблюдаем стечение обстоятельств, в которых верность ему может принести наибольший эффект, и правитель и его народ достигают великолепных результатов.

Примечательным примером этого был энтузиазм, вызванный празднованием бриллиантового юбилея королевы Виктории. Внутренняя сторона этого была для тех, кто мог видеть её, незабываемым зрелищем. Случилось так, что благодаря доброте друга мне удалось наблюдать эту процессию из окна одной из контор в Сити, находившейся на маршруте её движения. Даже с физической точки зрения украшения преобразили сумрачные лондонские улицы. Фасады высоких зданий по обеим сторонам мрачной улицы были целиком покрыты своеобразными лесами, которые образовывали перед каждым окном временные балконы, тесно облепленные мужчинами, женщинами и детьми, так что унылые здания украсились рядами лиц, идущими один над другим, и процессия шла как бы в ущелье, стены которого были построены из человеческих тел.

Большинство людей были бизнесменами со своими жёнами, семьями и сельскими друзьями. Эти последние вносили элемент веселья и любопытства, непривычный для строгих и тёмных улиц Сити, ведь как правило, они радовались этому случаю и критически изучали туалеты своих соседей. Сами же люди из Сити в большинстве случаев не могли освободиться от своих забот, и всё ещё были окружены мыслеформами, связанными с ценами и процентами. Иногда проносился какой-нибудь привилегированный экипаж, или проходил полк солдат, который должен был участвовать в шествии, но они редко привлекали более чем мимолётное внимание этих деловых людей, которые почти незамедлительно возвращались к своим расчётам. Даже когда наконец появилась сама процессия, их интерес был лишь половинчатым, и они видели её на фоне акций и финансовых интересов.

Время от времени какого-нибудь особо популярного деятеля встречали небольшой овацией, но в целом астральный облик этой огромной толпы мало отличался от наблюдаемого при других подобных собраниях. Радость детей по поводу столь необычного праздника проявляла себя многочисленными вспышками и переливами цвета, тогда как мысли их отцов часто представляли неприятную противоположность этому, выглядя как тёмные свинцовые заплаты, пятнами зиявшие на разнообразном блеске этой сцены, поскольку волны возбуждения, которые начали перепрыгивать с одной стороны улицы на другую, влияли на них

лишь незначительно. Но вибрация чувств становилась сильнее и сильнее, и когда великолепие процессии кульминировало в приближении самой королевы, произошла поразительная перемена — все тысячи местных цветочных всплесков и завихрений полностью исчезли, затопленные огромным водопадом смеси голубого, розового и фиолетового, настоящей Ниагарой изливавшимся по обеим сторонам этой живой долины лиц.

Лишь с одним можно сравнить этот ровный, непреодолимый стремительный поток — он столь же впечатляющ, как величайший водопад, если смотреть на него снизу, но здесь к этому добавлялось богатство неописуемо великолепных цветов, которые далеко за пределами всяких представлений физического плана. Никакие слова не могут дать представления об эффекте этого огромного одновременного выброса энтузиазма, переливающегося водопада любви, верности и почтения, и всё это сходило на карете, где восседала императрица, которая не могла сдержать слёз, сопереживая эмоциям, переполнявшим её подданных. И они тоже плакали — от чистой радости и глубины чувств. Зачерстевшие бизнесмены на время полностью забыли свои низменные финансовые расчёты, свои заботы и даже самих себя, и перенеслись в высший мир — они поднялись над собой на тот уровень мыслей и чувств, которого многие из них не касались с ранних дней невинного детства.

Это уникальный опыт, который нелегко получить в столь прозаические времена, как эти, и он не может не оставить благотворного отпечатка на всяком, кто прошёл через него. Эта сильная душевная встряска, несомненно, была временной, и всё же каждое сердце было тогда тронуто до самых глубин благородным и бескорыстным чувством, став от этого лучше.

Подобная, и даже более великолепная демонстрация таких бескорыстных чувств имела место и во время коронации его величества короля Георга V. Самому мне не довелось её наблюдать, но отчёты тех ясновидящих, которые видели её, показывают, что она даже превзошла вышеописанную.

Война

Ещё одним событием, происходящим, к счастью, лишь иногда и всё реже, но которое, тем не менее, глубоко трогает сердца людей, является война. Полагаю, что немногие в наши дни решатся отрицать тот факт, что война — это абсурдный и жестокий анахронизм. Если мы на минуту задумаемся, то прекрасно поймём, что результат сражения никоим образом не решает первоначального вопроса, из-за которого оно разгорелось. Он может показать, чей генерал умнее или чья артиллерия мощнее, но конечно же *не* показывает, которая сторона права, если тут вообще могут быть правые. Что касается индивидуальностей, то все они, за исключением некоторых представителей низших классов, давно прошли тот этап, когда они пытались решать личные споры с помощью драки. Когда наши представления о границах владений не совпадают с мнением наших соседей, мы уже не собираем своих слуг, чтобы решить вопрос с помощью ружей и дубинок, а

передаём дело в суд, в беспристрастности которого обе стороны могут быть уверены.

Однако как нации мы ещё не достигли того уровня развития, на котором мы находимся как индивидуальности. Сравнительно маловажные вопросы мы (по крайней мере, некоторые из нас) соглашаемся решать в законном порядке, но пока что ещё нет суда, которому нации мира доверяли бы в такой степени, чтобы принять его решение по жизненно важным для них вопросам. Так что нерациональное обращение к грубой силе всё ещё остаётся возможностью, нависающей над жизнью наций подобно грозовой туче.

Поэты пели войне славу, но легионы Красного Креста, которые идут на поле боя, чтобы не ранить, а помогать, когда пушки и винтовки сделали своё дело, могут рассказать нам кое-что об истинном характере войны и всех ужасах, сопровождающих как успешную атаку, так и крепкую оборону. Иногда война всё ещё может оставаться необходимостью — меньшим из двух зол; но это так лишь по причине плачевного несовершенства нашей хвалёной цивилизации. И всё же, как бы ужасно и бесчувственно это ни звучало, война годится для некоторого полезного применения; у неё есть своя роль, которую она играет на ранней стадии эволюции.

Несомненно, «я», воплощённые в зулусских ордах, которые под командой Чако или Сетэвайо без колебания отправились на верную смерть, приобрели тем самым качества послушания, самоконтроля и самопожертвования, которые окажутся для них ценными в следующих рожденьях, в той обстановке, где им можно будет найти более разумное применение; и именно к дикарскому уровню развития война по праву и принадлежит. Однако такие же уроки требуются и многим из тех, кому достаётся рождение в более высокоразвитых расах, и потому, нисколько не отказываясь от своего отвращения по поводу жестокости и бессмысленности войны, мы всё же признаём, что преданность абстрактной идее патриотизма, которая может повести человека на смерть ради родины, означает определённый шаг вперёд по сравнению с обычным отношением того класса, из которого обычно набираются наши солдаты. Близко знакомые с нашим крестьянским населением также не могут не заметить, какую перемену производит в молодых людях служба в армии или на флоте, как из людей, медленно отвечавших и соображавших, они становятся внимательными, проворными, находчивыми и приобретают самоуважение. К сожалению, в то же время они иногда приобретают и другие, куда менее желательные привычки, но по крайней мере в большей степени становятся людьми, и их уже не назовёшь быдлом.

Однако нет такой причины, которая бы и при мире во всём мире мешала бы ввести хорошую систему физической тренировки, которая давала бы все преимущества, приобретаемые людьми, проходящими выучку в армии и на флоте, но без грешной и смехотворной потери жизни и денег в военных действиях. Шаг в этом направлении уже сделан замечательной организацией бойскаутов, и будем надеяться, что она распространится по всему миру, чтобы её благами могли воспользоваться все.

Какой бы злой и ужасающей ни была война, когда она случается (то есть когда её уже нельзя предотвратить), она всегда используется силами, стоящими за эволюцией, и обращается ими на благо, хотя бы в некоторой степени компенсирующее зло. Иногда она используется и как альтернатива чему-либо ещё худшему, или же небольшая война допускается, чтобы избежать более бедственной и разрушительной.

Мне говорили, что если бы не случилась англо-бурская война, которую вела Англия в южной Африке, то неизбежно началась бы огромная и ужасная война в Европе, которая повлекла бы куда более масштабные и повсеместные разрушения. Кроме того, очевидно, что эта война была использована, чтобы более тесно связать между собой разные части Британской Империи, чтобы сражаясь бок о бок, люди могли научиться по-братски относиться к своим товарищам и лучше понимать друг друга. Действительно, часто последствием войны бывает согласие разных групп внутри страны забыть свою рознь и объединиться против общего врага. Нападение Италии на Триполи может быть или не быть оправданным с абстрактной точки зрения, но жившие в то время в Италии не могут сомневаться, что это соединило несколько разнородное население страны в более тесный союз и оно стало осознавать своё единство как нация.

Скрытая сторона самих военных действий, пожалуй, менее примечательна, чем можно было бы ожидать. Звуковые формы, образуемые артиллерийскими разрывами и постоянным грохотом стрелкового оружия, естественно, имеют поразительный характер, но что касается астрального мира, то главной чертой окрестностей поля битвы является волнующаяся смешанная масса. В ней неизбежно присутствует некоторое количество страха, исходящего от тех, кому ещё в новинку эта отвратительная работа, но обычно сравнительно мало настоящей ненависти. Боль и горе раненых ужасны, и всё же даже тогда в большинстве случаев личной ненависти мало. Обычно присутствует сильное чувство порядка, послушания, решимости, которое, пожалуй, исходит в основном от офицеров и старых солдат. Но если наблюдатель не воспринимает мыслеформ генералов, то трудно бывает получить какое-то связное представление о сцене в целом.

Во время битв собирается множество невидимых помощников, чтобы встретить убитых и оказать им любую помощь, в которой они могут нуждаться.* Но в целом война возбуждает гораздо больше чувств в умах мирных жителей и родственников воюющих, чем у самих солдат, принимающих в ней участие.

* Эта книга вышла в свет незадолго до Первой мировой войны. Более подробно о работе невидимых помощников во время войны и прочих связанных с этим явлениях говорится в XVII главе дополненного издания книги Ледбитера «Невидимые помощники», выпущенного в 1920-х годах, а также в полученной спиритическим путём книге Э. Баркер «Письма живого усопшего о войне». — *Прим. пер.*

Иногда, помимо войн, мир постигают и другие катастрофы. При землетрясении в Мессине внезапно погибло 200000 человек; какова же оккультная сторона такого происшествия? Внутреннее зрение помогает нам с б`ольшим пониманием смотреть на подобные события, и нисколько не меньше жалея пострадавших, мы избегаем того ужаса и бессилия, которые парализуют многих при одной мысли о такой катастрофе. Давайте подумаем спокойно, аналитически, что же собственно произошло при этом? Двести тысяч человек были внезапно освобождены от груза плоти. И как раз *их*-то нам не нужно жалеть — мы не можем назвать их пострадавшими, поскольку они были моментально и безболезненно перенесены в более высокую и счастливую жизнь, и при такой катастрофе в действительности бывает меньше страдания, чем в связи со многими отдельными случаями смерти.

Внезапная смерть причиняет страдания не самому умершему человеку, а его родственникам, которые, не понимая природы смерти, полагают, что потеряли его. Но как раз при таких больших катастрофах мало остаётся тех, кто плакал бы по другим, поскольку почти все семьи в области, которую постигло бедствие, бывают уничтожены целиком. Близкие родственники в большинстве случаев погибают вместе, а плакать по ним остаётся более дальним родственникам из других мест.

Но без сомнения, там есть те, кто испытывает ужасные страдания — люди, получившие телесные повреждения и долгие дни ожидающие помощи; и другие, оказавшиеся под завалами и медленно умирающие от голода или удушья. К ним-то и должно быть направлено наше сострадание. Но помните, что чаще всего их бывает не так уж много по сравнению с теми, кто каждую неделю умирает от голода в нашей столице — Лондоне. Ведь смерть от голода не обязательно наступает из-за полного отсутствия пищи в течение нескольких дней. Человек, получающий недостаточно пищи, или пищу недостаточно питательную в течение многих лет, обречён на такую же верную смерть от голода, как и тот, кто вообще не имеет еды, только в его случае страдание получается куда более продолжительным.

Ещё можно сказать, что землетрясение вызывает огромные страдания, потому что множество людей сразу становятся бездомными и лишаются средств к существованию. Это опять верно, и к ним мы тоже должны испытывать самое искреннее сочувствие. В действительности мы знаем, что весь мир сочувствует им, и с оккультной точки зрения самым большим эффектом этого землетрясения была огромная волна сочувствия и сострадания, которые направлялись к этому месту из всех обитаемых частей земного шара, куда только дошли новости.

Так что не смерть должны мы считать злой судьбой; по меньшей мере этому должна была научить нас теософия. Мы должны жалеть не мёртвых, а живых, которые ещё продолжают страдать под стискивающим давлением всех ограничений этого странного физического мира. Для тех, кто не знает никакого иного мира, покидать этот мир кажется ужасным, но человек, чей взгляд простирается и в высшие миры, знает с уверенностью, которой ничто не может поколебать, что самый счастливый момент для всякого человека (если рассматривать его лишь с точки зрения ощущения счастья), — это тот, когда он ускользает из этого мира в более широкую и более реальную жизнь, которая выше.

Нам требуется пройти развитие, которое возможно лишь при здешних тяжёлых условиях, и вот по этой причине наша физическая жизнь является необходимостью. Мы приходим в неё подобно человеку, который отправляется на какую-то неприятную работу, которая, как он знает, тем не менее должна быть сделана. Так что состарайтесь изо всех сил тому бедному парню, который изгнан из высшей жизни, но не тратьте свою печаль на тех, кто вернулся домой — к красоте, великолепию и покою.

Отсюда, из физического мира, всё видится искажённым, потому что мы можем видеть лишь крошечную часть бытия, а затем со странной глупостью настаиваем на том, чтобы принимать эту часть за целое. Оккультизм учит нас более точной соизмеримости, показывая нашу жизнь в верной перспективе, и потому, нисколько не теряя в сочувствии к действительно страдающим, мы узнаём, что в нашем сострадании больше всего нуждаются вовсе не те, на кого неразборчивый мир изливает свою жалость наиболее безудержно.

Всякий из этих миров есть часть великого Солнечного Логоса, в нём мы «живём, движемся и существуем», и поскольку мы не можем выпасть из его владений, лишившись его присутствия и его водительства, какое значение могут иметь переходы между этими мирами?

Глава XII

ВЛИЯНИЕ НЕВИДИМЫХ СУЩЕСТВ

Чувствительные люди

Случаи, которые мы до сих пор рассматривали, таковы, что могут произойти в жизни почти каждого. Но есть и другой класс происшествий, которые случаются обычно лишь с людьми определённого типа, но на последних они оказывают столь значительное влияние, что его не вдруг и оценишь — часто оно бывает столь огромным, что изменяет весь ход жизни. Среди нас есть такие, кто чувствительнее большинства людей; они живут в снах и видят видения, и для них эти видения являются важнейшим фактом жизни. Естественно, что таких людей привлекает изучение оккультизма, так что среди наших читателей их пропорция вероятно будет гораздо больше, чем в мире, который подобными вещами не интересуется. У этих видений тоже есть скрытая сторона, изучение которой имеет огромную важность.

Видения бывают многих типов — одни незначительные и маловажные, а другие — представляющие глубокий интерес и способные повлиять на тех, кто их переживает, и повлечь далекоидущие последствия. В некоторых случаях их происхождение очевидно; в других же свою роль играют любопытные и неожиданные связи, и несколько совершенно разных причин могут сложиться в такую комбинацию, которая будет представляться целостной историей.

Поскольку я написал несколько книг об условиях астрального мира, нередко случается, что люди, пережившие психический опыт или видения, которых они не могут вполне понять, посылают мне отчёты о них, спрашивая, подсказывает ли мой опыт в этой области какое-либо объяснение. На такие письма не всегда бывает просто ответить — не потому, что составление гипотезы, подходящей к фактам, представляло какую-то трудность (обычно это было как раз нетрудно), а потому, что таких гипотез получалось слишком много. Почти всякий описанный опыт с равной лёгкостью мог быть произведён любым из полудюжины способов, и без специального и подробного исследования часто невозможно сказать, какой же из них был применён в каждом конкретном случае. Естественно, лишь немногие из сотен сообщаемых случаев представляют достаточный общий интерес, чтобы такое расходование времени и сил было оправданным; но однажды мне встретился особенно характерный. Он представлял собой столь хороший пример своего типа, что его анализ может оказаться полезным многим другим людям, переживавшим нечто подобное.

Примечательный случай

Отчёт об этом случае я недавно получил от одной женщины — это было описание долгого и сложного видения, или серии видений в совокупности с впечатляющими переживаниями, которые оставили после себя долговременные последствия. Чтобы понять, что в действительности произошло, понадобились некоторые исследования, в ходе которых стало видно, что в создании любопытных эффектов, описание которых я получил, участвовали несколько разных отдельных факторов. Каждый из них нужно было исследовать отдельно и проследить его источник, и я думаю, что изучающих едва ли не заинтересует исследование того, как эти независимые и не связанные между собой причины произвели в некотором роде поразительное целое.

Здесь я кратко излагаю присланную мне историю, во многих случаях используя выражения самой рассказчицы, но сжав её настолько, насколько я это могу сделать, не теряя духа и стиля оригинала. Нужно заметить, что эта леди уже не могла довольствоваться религиозными доктринами, воспринятыми в детстве, и начала заниматься сравнительным изучением религий, прочитав несколько книг по теософии — среди прочих и «Тайную доктрину». Она очень искренне желала знать истину и сделать любой возможный для себя прогресс. В ходе своего чтения она наткнулась на книгу Свами Вивекананды «Раджа йога» и практиковала рекомендованные там дыхательные упражнения. В результате она быстро развила определённый тип ясновидения и начала записывать автоматическим письмом. Около пяти дней она потакала своим астральным руководителям, записывая целый день всё, что они желали.

Похоже, она была сильно против идеи смертной казни и ощущала огромное сочувствие и жалость к убийце, недавно казнённому по соседству. Среди прочих существ пришёл вступить в контакт и этот мёртвый убийца, приведя с собой и других людей того же сорта. Она делала самые искренние попытки помочь этим людям, пытаясь любым способом дать им надежду и утешение и преподавая им

столько теософии, сколько она знала. Однако, она скоро обнаружила, что убийца возобладав над ней и одержав её, и она была не в состоянии изгнать его. Положение её быстро ухудшалось, и сама её жизнь и рассудок висели на волоске. Долгое время никакие усилия не могли ослабить её страданий, и ничто не подсказывало ей, как это сделать, хотя она постоянно молилась изо всех сил своей души.

В конце концов однажды она осознала присутствие другого существа, принесшего ей облегчение. Этот человек сказал ей, что молитва её духа была услышана, и он назначен её руководителем, и по причине её духовного развития и силы, которую он показала в молитве, она была признана особенно перспективной и скоро должна была получить самые необычайные милости. В действительности, он так много говорил о её примечательном положении и признании её заслуг, что она с удивлением спросила:

— Так кто же тогда я?

— Ты Будда, — был поразительный ответ.

— А кто *вы*? — спросила она.

— Я Христос, — ответил он, — и возьму теперь руководство над вами.

Наша корреспондентка тут показала чувство здравого смысла и своё значительное превосходство над большинством принимающих подобные сообщения, совершенно отказавшись верить этим заявлениям, но тем не менее она приняла руководство (а также учение, в том, что касалось других моментов) существа, сделавшего такие поразительные притязания.

Тогда он сказал ей, что она должна пройти через посвящение, и если преуспеет в этом, будет допущена к «совету небес», который созывается для решения, должен ли быть мир уничтожен или нужно предпринять ещё одну попытку его спасения. Он попросил её поторопиться, чтобы подготовиться к присутствию на этом совете, поскольку судьба мира всё ещё висит, балансируя, так что она смогла бы отдать свой голос в пользу спасения. Её умственное отношение было любопытным — она, конечно же, не принимала эти экстравагантные заявления, но всё же она наполовину верила в то, что нужно совершить какое-то великое дело, и решила продолжить эксперимент и последовать руководству существа, спасшего её от одержания.

Ей было указано, что для подготовки к посвящению ей нужно поставить кровать в комнате, которую она могла бы запереть на ключ, лечь на неё и чувствовать себя удобно. Затем руководитель инструктировал её делать дыхательные упражнения, как учил Вивекананда. Он сказал, что её прежние попытки подняли змеиный огонь в солнечное сплетение, и что теперь она должна поднять его в мозг — этот процесс должен был ей помочь и направить её.

Затем она описала ощущения, точно напоминающие родовые муки, с тем исключением, что боль чувствовалась вдоль позвоночника, а рождение, казалось,

должно было произойти в мозгу. Много раз её страдания становились столь невыносимыми, что она приходила в отчаяние и была готова уже оставить борьбу, но её руководитель был очень настойчив и всегда убеждал её не сдаваться и пройти через испытание до конца. Он витал над ней как дежурящий врач или сиделка, ободряя её, направляя, помогая и делая всё возможное, что могло бы способствовать этому рождению. Наконец она преодолела испытания, и рождение, как она утверждает, представлялось ей столь же определённой и реальной вещью, как рождение собственного ребёнка. Когда это произошло, её руководитель получил огромное облегчение и воскликнул «слава Богу, всё закончилось».

Этот необычайный опыт был, однако, лишь прелюдией к долгому ряду чудесных видений, продолжавшихся почти двенадцать дней по нашему физическому времени. Отчасти они были сугубо личного характера, а отчасти — имели природу общих наставлений. Часто они были бессвязными и неопишуемыми, но всегда впечатляющими и интересными. Личная часть состояла в её отношениях с так называемым «советом небес» и их результатами, а также включала некоторые любопытные символические видения, в которых люди, хорошо знакомые ей в физической жизни, играли заметную роль в мире, который она пыталась спасти, а также видения главного врага, Сатаны — падшего ангела, который ей сопротивлялся. Здесь она уместно замечает, что это было ещё более странным, поскольку уже много лет назад она переросла всякую веру в личного Дьявола или необходимость того, что обычно называют «спасением».

Общие наставления, которые она получала, в целом по своему характеру имели отношение к теософии и главным образом относились к этапам творения и эволюции разных коренных рас. Первую стадию этого она описывает следующим образом:

«У меня было удивительное видение. Сначала среди темноты я увидела огромную Темноту, которая как бы высиживала что-то целыми веками. Затем началось лёгкое движение, как если бы это был самый слабый *сон* в этой великой темноте. Понемногу оно росло, пока наконец не стала развиваться определённая *мысль*. Понемногу стали появляться постоянно меняющиеся формы. Всё было хаосом. Даже формы были посреди хаоса, и родовые муки Вселенной были ужасны. Всё было едино. Казалось, что это попытка развить порядок и создать из столь многих форм связное целое, что без сомнений демонстрировало, что всё это делалось Единым Великим Существом, и что боль и ответственность чувствовались им одним. Это продолжалось долгое время, и было другое выражение рождения, с ещё большими результатами, но такой же неизменной торжественностью.

Я не знаю, когда я впервые начала видеть *души*. Поначалу это было удивительным зрелищем, и я очень отчётливо помню, как густо они присутствовали повсюду среди хаоса и среди форм. В постоянной вибрации этой чудесной эволюции души поглощались формами, а формы опять превращались в души. Эти души были яйцеобразными и всех размеров, от крошечных до более крупных, но ни одна из них не была столь большой, как те, что я увидела в удивительном продолжении.

Через некоторое время панорама чудес переменилась, и мир принял облик, знакомый моему типу мышления. Символ за символом проходили, включая всю

историю и мифологию. Тысячи картин проходили в этом обзоре, будто давая откровение всего Космоса и истории. Сейчас я могу вспомнить лишь немногие, но одна послужит иллюстрацией этому.

Я увидела корову огромных размеров — почти с гору. К ней была приставлена лестница, и по ней медленно и многотрудно, круг за кругом, взбирался человек. Он представлял человечество. Когда наконец он достиг её спины, он протянул руки вперёд и схватил её за рога. Человечество требовало продуктов и богатств Земли для всех, а не только для немногих. Мой руководитель назвал эту корову «коровой Деметры». Из своего чтения классики я знала, что Деметра представляла землю.»

По-видимому, на этой стадии она и была представлена «совету небес». Она обнаружила, что он состоял из небольшого количества колоссальных фигур, сидевших полукругом. Его члены, похоже, были недовольны миром и решили, что он должен быть уничтожен, но она искренне просила, что человечеству нужно дать ещё один шанс, говоря, что она много раз жила и умирала ради мира и полностью готова снова посвятить себя служению ему. Её руководитель потом сказал ей, что она, живя в физическом мире, не представляла, сколь красноречива она была в своих мольбах об этом. Похоже, в совете была какая-то разница во мнениях, но наконец большинство его членов удалось умиловить и они обещали послать ей и её руководителю помощь, дабы они могли трудиться ради мира. (Исследование той реальности, которая стояла за этим примечательным видением «совета небес» оказалось одной из самых интересных особенностей этого исследования, о чём я напишу позже). После этого полутеософические видения возобновились. Далее я снова цитирую её письмо:

«Той ночью последовали и другие видения, но символизм их изменился. Я увидела долину, в которой находилось человечество, а над ним витал рой существ, облачённых в белое, но эта белизна не излучала света. Человечество же было тёмным и затенённым. Я бросилась, чтобы пробудить их, но при моём приближении фигуры в белом построились в сильные и решительные группы, чтобы не дать мне выполнить своё назначение. Я распознала в них духов-обманщиков, самозванных учителей и проповедников Земли, и они решительно прижимали вниз и удерживали там ослеплённое и темное человечество. Но всмотревшись, я стала там и сям замечать среди множества людей пробуждающиеся души. Как только такая душа начинала сиять своим внутренним светом, она поднималась из своего расплывчатого положения и начинала двигаться над спящим миром, пытаясь разбудить остальных. Я как бы стояла на удалённой горе, но могла отчётливо видеть, как душа пробуждалась и начинала светить, и прежде чем видение прошло, я видела многие такие вспышки в разных местах, и от этого вершины окружающих гор начали золотиться солнечным светом. По мере того, как это золотое сияние росло, фигуры в белом убегали. Однако, они продолжали энергично противодействовать моим усилиям помочь миру и как следует прожить свою жизнь.

Видения продолжались всю ночь, но к утру стали неясными. Мой руководитель разбудил меня и сказал мне встать и выпить чашку кофе, чтобы собраться, так как я столько была в духе, что чуть полностью не покинула тело. Когда я

послушалась, то была ошеломлена. Всё время, пока я пыталась развести огонь и приготовить чашку кофе, мой руководитель присутствовал, и я ощущала самое удивительное состояние. Мне казалось, что меня окружают ангелы и поют гимны благодарения. Было утро дня благодарения, и прежняя бурная погода уступила место спокойной. Я открыла дверь и обратила лицо на юго-запад. Я чувствовала что окружена высшими Существами и пела вместе с ними чудесный хвалебный и благодарственный гимн. Это напоминало благовещение, непорочное зачатие, рождение и присутствие чудесного Дитяти сразу. Особо освежающий, но незнакомый аромат наполнял атмосферу. Мой руководитель сказал, что это ангелы воскурят ладан. Позднее тем же днём он снова сказал мне лечь в постель.

Видение было пречудесным. Снова я наблюдала творение, но на этот раз оно было иным. Я видела расы в совокупности. По мере того, как они появлялись и исчезали, мой руководитель торжественно объявлял: «И был вечер, и было утро — день первый», «...день второй», и так далее. Как-то, хотя и не могу объяснить как, но я тогда чувствовала, что пятая раса родилась в четвёртый день, и мне это казалось имеющим особую важность. К этому рождению особо было привлечено моё внимание, когда вполне развившийся человек пятой расы лежал, распростёршись на руках великого Существа, его как бы протянули мне посмотреть. В этом видении я видела, что вплоть до пятой расы человечество было всех видов — некоторые люди были большими, а некоторые маленькими, Преобладал хаос, и мало было порядка повсюду в человеческой вселенной. Но после рождения пятой расы я увидела, что все стали одинаковыми и всё стало действовать в совершенной гармонии. Также в это время я увидела, что раса приняла чёткую форму, вроде как построившись в фалангу. Однако форма эта была круглой, и всю массу охватывала лента, проходя от человека к человеку, и ни один из них не мог выбраться из этой связывающей ленты. Уход этой расы был отмечен тем, что всё человечество внезапно преобразовалось в форму души — яйцеобразную.

В шестой расе развитие было весьма примечательным. Индивидуумы были одинаковы, но гораздо крупнее, чем в пятой расе. Вся раса была более склонна двигаться вверх, и движение сильно ускорилось. Примерно к завершению пятой и началу шестой расы — я не могу точно вспомнить, когда — я снова увидела солнечный свет, золотящий вершины. Раса вышла из тени на солнечный свет, и её стремление вперёд и вверх становилось быстрее и быстрее. И тогда, когда снова пробил час, яйца лежали вместе, как они лежат в гнезде, но их количество было бесчисленным.

Здесь мой руководитель оставил меня. Он сказал, что не может идти со мной, и я должна идти одна и сама интерпретировать смысл своих видений. Он предупредил меня, чтобы я была осторожна и не отдавала свою жизнь, поскольку от моего успешного прохождения и сохранения жизни зависит мой успех и спасение мира, ради которого и делалось всё то, что мы видели. Иными словами, я верила, что прохожу через страшное испытание ради спасения мира.

Когда я наблюдала развитие седьмой расы, мне казалось, что я поднимаюсь на невообразимые высоты. Лента, которую я первый раз увидела связывающей пятую расу, сильно охватывала шестую и седьмую. Она стала неразрушимой.

Всматриваясь в лица людей седьмой расы, я увидела, что они всё ярче и ярче сияют внутренним светом. Их сияние приходило уже не извне, но каждое сияло живым, ослепительным светом.

Моё тело к тому времени очень устало, и когда наступил вечер, я попросила отдыха. Но его мне не дали. Меня провели через много испытаний. Некоторые были ужасны, и чтобы выстоять, мне требовалось полное напряжение своих сил. Какова была природа этого, я не знаю. Знаю только, что я обещала доставить послание Бога при любых условиях, какими бы они ни были, если он потребует этого. Но испытания были страшными. В одно время я отказалась от видений, хотя они становились всё более прекрасными. Они прекратились, и мне казалось, что я оказалась во власти Сатаны. (От всех этих ортодоксальных понятий лично я давно отказалась, но в видениях они снова стали реальными).

Некоторое время я верила, что в наказание за моё упрямство, или скорее в результате моей ошибки, я потеряла всё. Ужасный кризис прошёл. Мир пропал в результате моей неудачи, и казалось, что пропал не только *этот* мир, но и вся Вселенная. Как я тогда молилась и как боролась! Прежде чем я смогла восстановиться, я пообещала отдать не только свою жизнь, но и жизни моих детей и даже самую *жизнь моей души*, если это понадобится для спасения мира.

На этом я не могу задерживаться. К утру в моё тело вошло удивительное дыхание, проходя вверх и вниз по позвоночнику, как если бы в моём теле не было никаких препятствий, и протекая через меня, оно пело чудесный, божественный гимн, что закончилось чудным союзом, в котором я чувствовала себя полностью единой с Богом. Это было такое состояние, что глупо было бы пытаться его описать.

В это время я лицезрела новую серию видений — все они были видениями славы. Там не было форм, которые я могла бы вспомнить, но одно великолепие *цвета* сменяло другое, и каждое было ярче и величественнее предыдущего. Наконец, появился чудный фиолетовый цвет, и когда он светил на меня в невыразимом великолепии, мне было сказано, что я могу пройти дальше и увидеть Бога, если захочу. Я спросила, смогу ли я вернуться оттуда, и мне ответили, что не смогу. И тогда я снова сказала, как и при сотне других испытаний — я должна жить, чтобы спасти мир. И когда я отказалась продолжать, в том мире, который я затем восприняла, взошло солнце, и я смотрела на своё прекрасное видение, думая, как тускло в сравнении с ним солнце, и тогда видение постепенно угасло.

Не могу сказать когда точно, но примерно в это время ночью меня положили на крест, поместили в могилу, и я поверила, что моё тело мертво. Моё сердце, как я думала, остановилось, и боль, которую я терпела, была очень мучительна. Но блаженство моей души в высших видениях было столь же великим, как и боль тела в испытаниях распятия.

После этого мне придётся прекратить всякие попытки описания. Я правда не могу рассказать странные вещи, случившиеся со мной, да и не осталось в моей памяти ясного воспоминания о них. Одна из идей была в том, что я проходила подготовку к работе, которую должна была исполнить; другая, как мне показалось, имела

отношение как к инволюции, так и к эволюции. Возможно, она представляла собой переживания души, готовящейся к воплощению.

Когда я наконец выбралась из всего этого, я обнаружила семью, с грустным видом собравшуюся у моей кровати. Они думали, что я умираю. С начала моего ненормального состояния до финального заключения прошло двенадцать дней, и из них пять дней и ночей я не спала. В последний день я уже поверила, что мне не жить больше на этом свете, и когда я проснулась и ко мне вернулось обычное сознание, голос, который я слышала, таинственно постепенно заглох, как и видения, и ни то, ни другое более не являлось мне с тех пор.

Но с тех пор я сознаю новую духовную жизнь, в медитации я достигаю состояния блаженства, и я уверена, что со мной произошло нечто удивительное.»

Результаты исследования видения

Следует понимать, что вышеприведённые выдержки составляют лишь малую часть видений, описанных нашей корреспонденткой, но думаю, что я дал хороший их пример и не упустил ни одного момента, представляющего особый интерес.

Всякий, кто привык анализировать психические явления, сразу же увидит, что в этом отчёте есть несколько особенностей, отличающих его от тех, что встречаются чаще всего. Многие видения, даже весьма связные, подробные и совершенно реальные для переживающего их человека, при исследовании оказываются полностью созданными им самим. Я имею в виду, что сначала человек сам обдумывает какую-то тему в определённом направлении, тем создавая серию мыслеформ, а затем во сне или в трансе выходит из тела, видит эти мыслеформы, не узнавая в них своё творение, и принимает эти несовершенные отражения за действительность. Таким образом он твёрдо укрепляется в своих верованиях или суевериях, какими бы они ни были, потому что сам видел всё это в видении, которое он вне всяких сомнений считает небесным. Такой человек, конечно, совершенно искренен в своём убеждении, и даже совершенно прав, утверждая, что видел определённые вещи; его слабое место лишь в том, что он не обладает той подготовкой, которая позволила бы ему распознать природу увиденного. Однако в случае, представленном нашему рассмотрению, присутствуют многочисленные маленькие штрихи, которые уж никак не могли быть мыслями женщины, имевшей это видение, и это значимое свидетельство того, что за значительную часть увиденного был ответственен некий ум, отличный от её собственного.

Поскольку она очень хотела понять происхождение своих видений, а её история обещала присутствие каких-то необычайных особенностей, мне показалось, что стоит провести полное расследование этого дела.

Потому с женщиной был установлен раппорт, а далее оказалось необходимо исследовать и связанные с ней астральные и ментальные записи, дабы выяснить, что же действительно с ней произошло. Скоро стало очевидно, что в этом деле участвовало много отдельных факторов, и лишь терпеливо распутывая нити и

прослеживая каждую из них к её источнику, можно было ясно увидеть причины. Если быть кратким, то дело было так:

Женщина, как и сотни других людей, устроила себе серьёзные неприятности неосмотрительной практикой дыхательных упражнений. Её отчаянные попытки избавиться от результатов этих упражнений привлекли внимание умершего человека, который был достаточно силен, чтобы оказаться ей в некоторой степени полезным. Но у него были свои собственные цели — они не были сознательно эгоистическими, но принадлежали к его собственной курьёзной личной иллюзии, и помогая этой женщине, он осознал, что в ней он может обрести мощный инструмент продвижения своих планов. Он быстро изменил свой план, выделив в нём ей заметную роль, и провёл её через опыт, который без него она не получила бы наверно ещё в течение нескольких воплощений.

Многие из результатов, очевидно, получились совсем не такими, как он ожидал, хотя он отважно пытался обратить их себе на пользу. Но в конце концов он бросил её, отчасти предупреждённый тем, какой оборот принимало дело, а отчасти потому, что начинал видеть, что не мог использовать её так, как надеялся. Исход всего приключения, насколько это касается нашей корреспондентки, оказался благополучным, но это везение, за которое она должна благодарить судьбу, поскольку риск был огромным, и по всем обычным расчётам вряд ли оставалась малейшая возможность, чтобы она смогла выбраться из такого опыта, сохранив жизнь и рассудок.

Чтобы уяснить всё случившееся, сначала нужно попытаться понять, что за человек был её «руководитель» и как он таким стал. При жизни он был мелким фермером, добрым, но невежественным человеком, фанатически религиозным, причём придерживавшимся узкого протестантизма. Единственной его книгой была Библия, над которой он размышлял долгими зимними вечерами, пока вся его жизнь не стала насыщена его собственными представлениями об её учениях. Излишне говорить, что обычно его представления оказывались неверными, и зачастую материальными до нелепости, но он был человеком столь искренним, что невозможно было смеяться над ним.

Он жил в малонаселённой части страны, и поскольку оказалось, что его немногочисленные соседи не симпатизируют его религиозным взглядам, с годами он всё больше уединялся, скромно живя с урожая малой части своей фермы, и всё с большим рвением посвящал себя изучению своей единственной книги. Постоянная фиксация на одной идее в конце концов привела его в состояние религиозной мании, и он начал верить, что он сам и есть избранный спаситель мира, Христос, которому предназначено снова предложить миру возможность спасения, которая две тысячи лет назад была принята лишь частично. Важной частью его плана было избавление от ложных верований огромной массы нехристиан, и его идея была в том, что это нужно делать не обычными миссионерскими методами, а путём влияния на великих лидеров человечества. Именно эта часть его программы, как мы далее увидим, заставила его проявить столь глубокий интерес к нашей корреспондентке.

Полностью охваченный этими религиозными иллюзиями, сей достойный фермер скончался. Вполне естественно, что его астральная жизнь была просто продолжением физической, но она как бы получила новую силу. Скоро он оказался среди сыроватых мыслеформ золотого Иерусалима, особого уголка, созданного им для себя в соответствии со своим образом мыслей. Результаты его попыток представить описания, данные в Апокалипсисе, иногда были оригинальными и по-настоящему изобретательными. Особенно моё внимание привлек его образ двадцати четырёх старцев, которые, в восхищении падая ниц перед божеством, сидящим на престоле, слагали к его ногам свои золотые венцы, которые тут же взлетали с земли и автоматически возвращались на их головы, только чтобы быть сложенными снова. Его «море стеклянное, подобное кристаллу» и смешанное с огнём, было не вполне удачным и напоминало скорее какой-то необычайно странный продукт вулканического извержения. Образ Бога Отца был вполне обыкновенным — суровый старик с длинной белой бородой. В ранний период своей физической жизни у него был и мысленный образ Христа — обычная невозможная комбинация распятия и агнца с хоругвью, но позже, когда он убедил себя, что он сам и есть Христос, эта фигура более не усиливалась и стала совсем неактивной и неприметной.

Среди этих его мыслеформ и нужно было искать «совет небес», игравший столь важную роль в видении нашей корреспондентки, и состав этого совета оказался и интересным, и поучительным. Очевидно, первоначальная идея была в том, что этот совет был избран из десяти или более персонажей Библии (Илья, Моисей, св. Пётр и т.д.), представленных колоссальными фигурами, полукругом рассаженными на с виду неудобных золотых стульях с высокими спинками, которые, хотя были призваны изображать небесные троны, очевидно были позаимствованы из несовершенных воспоминаний о сиденьях в каком-то готическом соборе. Председательствовал в совете сам Господь Бог.

Первоначально члены этого совета были ничем иным, как мыслеформами, но к тому времени, когда мы натолкнулись на них в ходе наших исследований, некоторые из них были захвачены и одушевлены живыми существами, и это одушевление привнесло некоторые новые и интересные факторы. Двое из них были умершими религиозными людьми, каждый из которых действовал со своей точки зрения. Один, немецкого происхождения, при жизни был сапожником. Это был простой, необразованный человек, не лишённый сходства с описанным нами фермером. Он тоже прилежно изучал Библию, и тоже предавался смутным, мистическим мечтаниям. И он тоже чувствовал, что у него есть, что предложить миру, некое откровение или толкование, но оно было куда более разумным, чем у фермера. Он чувствовал, что главная истина и суть христианства — в мистическом союзе Христа с его небесной невестой, Церковью. Для него Христос был не столько исторической личностью из Евангелия, сколько живым духом Церкви, а задачу истинного христианина он видел в том, чтобы пробудить этот Христов дух в себе. Он думал, что послание, в котором нуждается человечество, состоит в том, что каждый человек может и должен стать Христом, и оно представлялось ему столь ясным и простым, что казалось, достаточно доставить эту весть так, чтобы она моментально привлекла внимание, и этим мир будет спасён от греха и сразу

поднят в свет истины. Он начал проповедовать это, ещё будучи в физическом воплощении, но умер, не успев много сделать в области обращения человечества.

По прибытии в астральный мир он столь же ревностно, как и раньше, был настроен распространять свои взгляды, и встретив фермера, завязал с ним дружбу. У них было много общего, и каждый чувствовал, что другой может помочь ему в продвижении его плана. Сапожник не признавал фермера единственным Христом, но приложил к нему свою теорию и считал его человеком, в котором дух Христов исключительно развит. Фермер лишь смутно понимал главную идею сапожника, но признавал, что нашёл человека, который согласен сотрудничать с ним в спасении мира. Каждый считал другого несколько чужаком, и в то же время имел хитрые намерения использовать другого для своих целей.

Вместе они придумали курьёзный «совет небес», членами которого они оба были; или, возможно, они нашли такую мыслеформу, созданную кем-то другим, и просто приняли её и присоединились к ней. Тренированному взгляду очевидно, сколь неуклюжи и несовершенны были эти мыслеформы, хотя несомненно, они полностью удовлетворяли своих создателей. Моисей, например, был серьёзно недоделан. Он чопорно сидел, будто проглотив аршин, как бы приклеенный к своему неудобному золотому трону, но в действительности у него были лишь лицо и передняя часть тела, сзади же он так и не был окончен. В этом отношении он напоминал многие мыслеформы, встречающиеся в «стране лета», где нередко можно видеть матерей, которые ласкают детей, имеющих тот же самый недостаток. Создатели подобных форм всегда вполне счастливы с ними и никогда не замечают их несовершенства, ведь так как в этих куклах нет иной жизни, кроме вложенной в них мыслью, эта мысль всегда будет откликаться на импульсы того, кто её породил, причём точно так, как он ожидал. Ещё одной бездеятельной персоной этого совета был св. Пётр. В его виде не было никакой значительности, но по крайней мере у него была большая связка ключей, позвякивание которыми и было его главным вкладом в обсуждения.

Хотя большинство участников совета принадлежало к только что описанному типу, мыслеформы Бога, св. Павла (его образ был выбран для оживления сапожником) и пророка Ильи были более определёнными и оригинальными. Последний просто совершенно удивил нас своей активностью, и при исследовании обнаружилось, что он тоже был занят (или по меньшей мере использовался как нечто вроде рупора) другим умершим, валлийцем, который в какой-то ранний период своей жизни испытал опыт, именуемый «обращением», а затем эмигрировал в Америку, где прожил несколько лет, а затем умер. При жизни он всегда искал религиозного опыта эмоционального типа; например, он присутствовал на нескольких собраниях «религиозного возрождения», проводимых неграми, где видел знаменитые «иерусалимские прыжки» и сам участвовал в них. К его религиозности была примешана курьёзная склонность к социалистическим идеям, и он мечтал о золотом тысячелетии, видение которого наполовину слагалось из иррационального, эмоционального христианства, а наполовину — из материалистического социализма.

Он лучше других уяснил соотношение между физическим и астральным мирами, а также возможности, которые даёт последний, и понял, что прежде чем он может

надеяться повлиять на физический мир, он должен так или иначе войти с ним в контакт. Он не думал о перевоплощении, поскольку никогда не слышал о нём, но он знал, что перешёл из физического мира в астральный, и считал, что следовательно должен быть и путь назад. Эта проблема занимала его внимание, и когда он обнаружил, что фермер нашёл медиума, через которого мог в некоторой степени соприкоснуться с физическим миром, он решил использовать обоих так, как сможет. Ему это казалось первым возможным шагом к достижению своих целей, и он вошёл в мыслеформу Ильи в «совете небес», видя в этом средство быстро подать себя так, чтобы сразу обеспечить уважение со стороны других. Я не думаю, что делая это, он был тщеславен или корыстен — для него это было просто средством к достижению цели, поставленным на его пути провидением.

Но здесь последовал неожиданный результат. Выступая под маской Ильи, он пытался вести себя, как по его мнению приличествовало вести себя пророку, и придать своей персонификации ветхозаветный аромат. Это повлияло и на его обычную астральную жизнь — он начал всё время жить в таком образе, и постепенно начал задумываться, а не на самом ли деле он Илья! Он находится буквально в процессе самотрансформации, и непременно скоро станет маньяком, одержимым этой идеей. Во время нашего исследования он ещё знал, что он валлиец, играющий роль Ильи, но я уверен, что в недалёком будущем он пройдёт эту стадию и будет так же уверен, что он Илья, как тот фермер был уверен, что он — Христос.

Так что он не представился двум другим человеческим существам в этом совете, но льстил себе тем, что как Илья он будет внушать большее уважение и фактически направлять их решения. И вот, мы видим поразительное зрелище совета, единственными действующими членами которого были трое умерших, причём каждый из них думал, что манипулирует другими для продвижения своих собственных целей. И всё же ни одна из этих целей не была эгоистичной, и все эти люди были религиозными, благонамеренными и искренними в своих намерениях. Только в астральном мире возможна такая необычайная комбинация, и всё же самое поразительный и характерный факт в этой истории ещё впереди.

Я уже упоминал, что по идее участников совета на нём председательствовал сам Бог Отец. Конечно, он, как и прочие библейские персонажи, был мыслеформой, но иногда проявлял судорожную и неуместную активность, что показывало присутствие какой-то внешней силы, отличной от остальных. Тщательное исследование показало, что в точности как форма Ильи была одушевлена валлийцем, эта форма божества была одушевлена игривым природным духом!

Я уже описывал некоторые из характерных черт этого радостного царства природы. Можно вспомнить, какое глубокое удовольствие получают некоторые из этих существ, участвуя в театрализованных постановках в своей среде и в любом маскараде (особенно, если удаётся восторжествовать, введя в заблуждение члена более высокой человеческой эволюции), а также как они любят рассказывать какой-нибудь захватывающий рассказ своим товарищам. Учитывая всё это, мы сразу же увидим, что с точки зрения шаловливого природного духа здесь представилась совершенно уникальная возможность. Он мог (и смог) подшутить над тремя человеческими существами, и этот розыгрыш имел такой колоссальный

масштаб, какой можно было только измыслить, и легко представить, какую тешашую душу историю он мог рассказать потом своим восхищённым друзьям. Не нужно и говорить, что у него не было ни малейшего представления о непочтительности; вероятнее всего, он был не в большей степени способен иметь такую идею, чем, например, муха. Всё это для него было ничем иным, как непревзойдённой возможностью для поистине великолепного розыгрыша, и тут он сделал всё, что было в его силах.

Конечно, он не мог понимать дискуссий и участвовать в них, так что в основном он сохранял таинственное молчание, что было весьма эффектно. Он как-то подхватил несколько библейских фраз, приличествующих его роли, и иногда, подобно попугаю, выдавал их совету, очевидно, не имея представления об их смысле. «Так говорит Господь», «Аминь, да будет так», «Я Господь, Бог твой, и да не будет у тебя других богов пред лицом моим», «Я поражу Землю проклятием» — вот некоторые перлы из его коллекции и образцы его бессознательного красноречия. Временами даже для него шутка заходила слишком далеко, а может просто ограничения мыслеформы оказывались чересчур утомительными, и он покидал её на некоторое время, чтобы высвободить перенапряжённые чувства дикими танцами и взрывами смеха где-нибудь вне поля зрения совета. Когда это происходило, интереснее всего было наблюдать, как мыслеформа возвращалась от живости к безучастию, и несчастные люди, участвовавшие в совете, сразу же делали предположение, что произошло нечто, вызвавшее гнев божий, который всегда играет видную роль в этом типе религии.

Такова была реальность, стоявшая за этим внушавшим трепет «небесным советом», перед которым написавшая нам женщина расточала столь искренние мольбы. Нужно понимать, что кроме неё лишь умершие могли вносить действительный вклад в любые обсуждения, имевшие там место; другие члены совета не могли ничего породить, хотя у них было достаточно живости, чтобы ответить на предложения формальным согласием.

Чтобы понять ту роль, которую играли в видении мыслеформы, связанные с теософией, мы должны взглянуть на историю нашей корреспондентки и на состояние её ума. Отпав от довольно материалистичной формы христианства, она стала практически атеисткой. Затем она потеряла любимого ребёнка, и на такую натуру все эти переживания глубоко повлияли, породив сильные эмоции, каждая из которых сыграла роль в формировании её темперамента. В этот период она соприкоснулась с теософией и начала её изучение с такой сложной книги как «Тайная доктрина». Не страшась трудностей, она занялась старательным её изучением и в попытках ухватить её учение создала мысленные образы того, что описано в станцах Дзиан. Некоторые из этих идей обладали для неё особой притягательностью. Одной из них была мысль о посвящениях с их таинственными и опасными испытаниями; другой была идея о последовательности рас вкупе с большим вопросом о том, кто же пройдёт последнюю проверку и безопасно достигнет другого берега. В некоторой мере всё это неизбежно было окрашено её прежними христианскими представлениями об «обращении» и «спасении», несмотря на то, что в то же самое время перед ней раскрывались великолепные горизонты великих восточных религий.

Таким образом получилось, что она окружила себя огромной массой сильных мыслеформ более или менее теософического характера, и самым этим фактом бессознательно запустила в действие некоторые оккультные законы. В высших мирах подобное притягивает подобное, и её мыслеформы скоро притянули к себе другие подобной же природы. В нескольких сотнях миль от места, где она жила, находилась серьёзная теософическая ложа, которая, помимо прочих видов деятельности, проводила занятия по «Тайной доктрине». Этой группой порождалось и выбрасывалось множество мыслеформ и умозрений, и наша корреспондентка вскоре оказалась в соприкосновении с этим астральным складом. Я не видел, как произошёл первый контакт. Возможно, путешествуя в астральном теле, она была привлечена этими представлениями предмета, которым она так глубоко интересовалась, или же кто-то из участников группы астрально обнаружил её мысли и постарался добавить к ним свои. А может быть, мыслеформы притянулись благодаря резонансу вибраций, как это неизменно с ними происходит, без всякого человеческого вмешательства. Как бы то ни было, факт остаётся фактом — она была окружена огромной массой мыслеформ определённого типа, и в то же время сама находилась именно в том состоянии, в котором была наиболее глубоко подвержена их влиянию.

В этот период она начала практиковать дыхательные упражнения и тем самым открыла себя астральным влияниям. Её глубокое сочувствие к страдающим заставило её разыскать казнённого убийцу, или, возможно, привлекло его к ней, а автоматическое письмо и последовавшее одержание были лишь естественным ходом событий. Убийца применил всю свою силу, чтобы сохранить приобретённое преимущество, и она отчаянно боролась, чтобы защититься и освободиться, своими неистовыми усилиями и количеством выделяемой энергии сделав себя на время очень заметным объектом в астральном мире.

Когда фермеру случилось оказаться неподалёку, эта схватка привлекла его внимание, а считая себя Христом, он чувствовал, что его долг — вмешаться и изгнать убийцу. Он никогда раньше не встречал такого яркого астрального тела; не видал он и такого впечатляющего окружения, как то, в котором находилась личность, которую он освободил — настолько необычны были эти формы (связанные с космическими процессами, представленными с восточной точки зрения), и настолько они превосходили своим количеством те, которые, как правило, сопровождают обычного человека. Там были формы восточных богов, основателей религий, Учителей, адептов, ангелов, и всех видов великолепных, но незнакомых ему концепций. А если мы вспомним, что фермер не мог знать, что это просто мыслеформы, а неизбежно должен был принять их за настоящих живых существ, то неудивительно, что с его невежеством в подобных вещах и постоянным ожиданием небесной помощи он должен был почувствовать, что специально был направлен провидением помочь личности, которая сможет отплатить ему взаимностью, — личности, имеющей в восточном мире важность, соизмеримую с той, которую он приписывал себе в мире западном. Он сразу же ухватился за эту возможность и объявил себя назначенным ей руководителем, взявшись за её дальнейшее развитие.

Любопытный факт, замеченный здесь, состоял в том, что хотя он выступал как руководитель, он в значительной мере подвергся влиянию мыслей нашей

корреспондентки и во многих случаях просто возвращал ей эти же мысли, изложенные на другом языке. Он ничего не знал о змеином огне, но думал о нём, как о некой форме божественного вдохновения; он видел, что с его помощью совершается какой-то процесс пробуждения, и он сделал всё возможное, чтобы помочь и способствовать этому. Их совместные усилия смогли пробудить то, что можно назвать верхними слоями этой таинственной силы, хотя к счастью для женщины, благодаря незнанию того, что нужно на самом деле для полного достижения, они не смогли расшевелить его до глубин, иначе её тело непременно было бы разрушено. Кроме того, они, очевидно, не знали, через какие центры нужно провести кундалини, чтобы добиться непрерывного сознания, и таким образом, не добились своей цели. Но описание страданий, которые выдержала женщина, является весьма точным в том, чего оно касается, и некоторые использованные ею выражения поразительно хорошо передают идею. Как опасны эти эксперименты, можно видеть из этого описания, а также из свидетельства семьи о том состоянии, в котором она была. Вся эта история даёт весьма впечатляющее предупреждение против рискованных попыток преждевременного развития в этом направлении.

Бесполезно подвергать подробному критическому рассмотрению то, что можно назвать теософической частью видения; какими бы чудесными ни были они для видевшей их, и какой бы трепет и подъём ни вызвали, в конце концов все они представляют не действительные явления эволюции, а лишь комбинацию и синтез множества мысленных образов. Некоторые символы были интересны и озаряющи, тогда как другие очевидно требовали усовершенствования. Ясно, что некоторые черты, такие как пение ангелов, появились из-за влияния потока мыслей христианского характера в уме руководителя. Вместе с нашей корреспонденткой он наблюдал, как разворачиваются видения, но будучи несведущ в восточном учении, мало что из них понимал. Например, он, похоже, смешивал последовательно сменяющиеся расы с разными коленами Израиля, и пытался увязать увиденное с историей о «запечатлённых» ста сорока четырёх тысячах.*

* Откровение Иоанна, гл. VII. — *Прим. пер.*

Именно в идее-фикс руководителя нам следует искать причину тяжёлого чувства ответственности, тенью нависавшего над всем видением, и убеждения, что от успеха нашей корреспондентки зависит спасение мира. Этот вид наивного самомнения или мании величия является одной из самых характерных черт сообщений, получаемых с астрального плана. Похоже, это одна из самых обычных иллюзий у умерших, а именно, что если ему удастся заполучить какую-нибудь женщину, которая будет действовать в качестве медиума, то он сможет революционизировать всё мышление планеты простым возвещением нескольких самоочевидных фактов. Но в данном случае у бедного фермера было более чем обычное оправдание. Он был под глубоким впечатлением от мысли, что если мир не примет его в этот раз, то потеряет последний шанс на спасение, и однажды высказал эту идею божеству на совете. Это случилось в тот момент, когда природный дух был на своём посту. Маловероятно, чтобы у духа могло быть какое-либо ясное представление о сути вопроса, но он по меньшей мере понял, что спрашивают его согласия по поводу какого-то предложения, и он дал его в самой

помпезной форме. Естественно, это только укрепило фермера в его заблуждении, и оно стало доминирующей мыслью всей его жизни. Без его влияния подобная мысль никогда не пришла бы в ум женщины, чьё представление о своём положении и своих способностях было более скромным и трезвым.

Представление мира и Дьявола в человеческих формах тоже появилось вследствие мышления руководителя, поскольку со своими знаниями женщина уже не могла верить в личного Сатану. Похоже, это произошло в период, когда её силы были больше всего истощены, а потому она находилась под более полным влиянием ума руководителя и была в меньшей степени способна применять свою естественную способность распознавания. Нервное напряжение, связанное с опытом, через который она прошла, должно быть неопишмым; фактически, оно опасно приблизило её к возможности физической галлюцинации. Она пишет о некоторых знаках почтения, изъясняемых ею животными в физическом мире, но исследование этого не подтверждает, показывая, что действия животных были вполне нормальными и продиктованными их обычным инстинктом, хотя женщина, будучи в состоянии перенапряжения, давала им другую интерпретацию.

Особый интерес этого случая для тех, кто его исследовал, составляло то, как несколько независимых и совершенно обычных астральных факторов образовали комбинацию, давшую драматичное и внушительное целое. Управляющей силой была воля руководителя и сила его необычайного заблуждения, но одной её было недостаточно, или она бы подействовала совсем по-другому, если бы наша корреспондентка безрассудно не открыла себя астральным влияниям. Группа по изучению «Тайной доктрины» и её мыслеформы, другой умерший в совете, шаловливый природный дух — все они сыграли свою роль, и не будь одной из этих составляющих, картина была бы менее полной, или сюжет развивался бы по иным линиям.

Мне представляется, что ценность этой истории в том, что она показывает поразительную плодovitость и изобилие ресурсов астрального мира, а также настоятельную необходимость того полного знания, которое приобретается лишь основательной оккультной подготовкой. В ней мы видим, как по-настоящему хорошие люди, имевшие только благие намерения, из-за недостатка этого знания самым жалким образом вводили друг друга в заблуждение, часто ставя себя в такое положение, что нельзя удивляться тому, что они были обмануты. Следует предположить, что им нужно было пройти эту трудную школу опыта. Также неплохо бы вспомнить, что никакие испытания подобной природы никогда не приходят без соответствующих возможностей для подготовки к ним. Никто, изучавший Библию столь же тщательно, как этот дух-руководитель, не мог не заметить содержащихся там предупреждений о лжехристах и лжепророках, и даже в книге свами Вивекананды можно найти серьёзное предостережение против преждевременного или неразборчивого использования его инструкций. К сожалению, люди никогда не применяют эти предупреждения к себе, но неизменно относят их на счёт своих ближних или оппонентов.

И всё же следует отметить, что общий результат для нашей корреспондентки оказался хорошим. Виденные ею формы были по большей части иллюзорными, но пробуждённые ими высокие эмоции, благоговение и восторг дали постоянные

результаты, которые не могли не оказаться во многом благотворными. Безграничный энтузиазм к духовным предметам, бескорыстное желание помочь ценой любых жертв — сами по себе могучие силы, и будучи порождены, они вызывают отклик из миров куда более высоких, чем любой из тех, которых достигало сознание в ходе самого видения. Само чувство было подлинным, каким бы несовершенным ни было то, что его вызвало; так что мы поздравляем нашу корреспондентку с тем, что она успешно прошла через опасности куда более страшные, чем сознавала, и будем надеяться, что мир и подъём, обретённый в этих испытаниях, окажутся её вечным достоянием. Глубокое ощущение единства с божественным, принесшее с собою такое блаженство, безусловно было касанием нижней кромки мира интуиции, а достижение его несомненно стоит всех тех страданий, которые она перенесла. Но изучающим известно, что всё это (и гораздо большее) может быть достигнуто без такой боли и такого ужасного риска, если вложить то же количество энергии в более обычные методы, проверенные мудростью веков. Рваться в неизведанные царства без руководства действительно знающего — значит навлекать на себя бедствие; и это опасность, подвергаться которой никому нет необходимости, ибо древние пути всегда открыты, и древнее высказывание всегда остаётся в силе — «когда готов ученик, явится и Учитель».

Сочинение книги

Многие из нас постоянно подвергаются влиянию со стороны невидимых существ множеством способов, о которых не имеют и малейшего представления. Мы говорили о расовой и кастовой гордости, но это явление часто встречается в ещё более сильной форме в виде семейной гордости, и в этом случае основной причиной вовсе нередко бывает влияние предков. Я знал несколько случаев, в которых людям удавалось долго удерживаться в астральном мире, чтобы витать над своими потомками и пытаться побуждать их поддерживать честь рода. Например, покойная королева Елизавета чувствовала столь сильную любовь к своей стране, что лишь недавно перешла в небесный мир, проведя всё прошедшее с её смерти время почти в безуспешных (до недавнего времени) попытках внушить своим преемникам свои представления о том, что нужно сделать для Англии. Её случай, пожалуй, был крайним, но в некоторых других королевских фамилиях преемственность традиций также в значительной мере обеспечивалась постоянным намеренным давлением более старых её членов из астрального мира.

Для отцов и матерей, имевших особые планы на конкретный брачный союз для своих сыновей и дочерей, вовсе нередки попытки и после смерти добиваться от них исполнения своих пожеланий. В более редких случаях они даже являются в виде привидений, чтобы настоять на своих указаниях, но чаще употребляют влияние, остающееся незаметным, поскольку о нём не подозревают. Оно заключается в постоянном представлении своего мнения уму человека, на которого они хотят повлиять — это постоянное давление, которое обычный человек, скорее всего, примет за своё собственное подсознательное желание.

Случаи, в которых мёртвые сами становились ангелами-хранителями для живых, весьма многочисленны — таким способом матери часто защищают своих детей,

умершие мужья — своих вдов, и эта защита может длиться много лет. Иногда такие влияния не носят защитного характера, а применяются умершими в качестве средства выражения каких-то своих идей, которые им очень хочется представить миру. Человек, на которого оказывается воздействие, иногда сознаёт это, а иногда и вовсе не сознаёт. Один выдающийся писатель сказал мне, что замечательные сюжеты своих романов неизменно приходят к нему в виде эдакого вдохновения, и он пишет, заранее не зная, каким будет их дальнейшее развитие, и что фактически, по его выражению, они пишутся через него. Писатели и композиторы подвергаются такому влиянию гораздо чаще, чем мы думаем, так что многие книги, приписываемые живым, в действительности являются трудами умерших.

В некоторых случаях умерший желает объявить о своём авторстве, и книги, такое авторство которых указано, уже вполне становятся заметной чертой современной литературы. Пожалуй, лучше эту идею можно выразить, сказав, что многие из нас постепенно начинают признавать, что такой вещи как смерть (в старом, неверном смысле слова) не существует, и что хотя человек, отбросивший своё физическое тело, может столкнуться с определёнными трудностями при попытке написать книгу собственноручно, он вполне может продиктовать её, как любой живой автор. Иногда такие книги являются нравственными или метафизическими трактатами, но иногда это романы, и эта последняя разновидность книг несомненно совершает благое дело, поскольку достигает многих из тех, кто едва ли наткнулся бы на более серьёзный трактат на оккультные темы, и вряд ли стал брать на себя труд по его изучению, даже если бы он попался ему.*

* В русской литературе примером такого творчества являются, в частности, романы Крыжановской-Рочестер. — *Прим. пер.*

Хорошим образчиком этого класса (становящегося из года в год всё более многочисленным) является «Странная история Ахринзимана» — книга, привлекавшая моё внимание несколько лет назад. Позвольте мне использовать её в качестве примера и объяснить, как она была написана. Я знаю, что первым порывом тех, кто дремлет в удобном тумане, который окружает заурядный ум и подобно подушкам закрывает его от настоящих фактов жизни, будет объявить всё это чепухой, исходя из нехитрой теории, что мёртвый уж точно мёртв, а потому совершенно невозможно, чтобы он мог что-нибудь продиктовать; и даже более сведущие люди поддадутся искушению и станут подозревать, что приписывание авторства человеку, покинувшему тело — не более чем современная рекламная уловка. Так что, пожалуй, мне лучше начать с заверения, что эта книга по меньшей мере является подлинной диктовкой из астрального плана, хотя это вовсе не гарантирует, что её притязания подтверждаются и во всех других отношениях.

Людям, незнакомым с условиями жизни тех, кого мы привыкли неправильно называть «мёртвыми», похоже, не удаётся осознать, насколько естественна эта жизнь во всех отношениях, или понять, что по ту сторону могилы человеческая природа демонстрирует все свои разнообразные аспекты столь же причудливо, как и по эту. Умершего вовсе не надо идеализировать — он не становится вдруг святым, почтенным и степенным; он точно такой же человек, как был и раньше,

столь же подверженный тщеславию или ревности, и столь же склонен совершать ошибки.

Астральный автор может применять ту же литературную технику, что и физический, и излагать свой рассказ в той форме, какая ему нравится. Когда Райдер Хаггард от первого лица рассказывает истории Аллана Квотермэйна или Людвига Горація Холли, это вовсе не обязательно значит, что он излагает собственный опыт, или что такие персонажи исторически существовали. Точно так же нужно понимать, что когда умерший диктует от первого лица «Историю Ахринзimana», он может давать нам более или менее видоизменённую автобиографию, или же просто излагать аллегорию в привлекательной и поражающей воображение форме романа, и такое предположение должно влиять на наше мнение о добросовестности автора не в большей степени, чем предыдущее замечание о Хаггарде.

Как бы то ни было, Ахринзиман рассказывает нам хорошую историю, причём вполне восточную в своём построении. Он предстаёт там как незаконный сын персидского царя. Его мать, греческая дева-весталка, захваченная персами в одном из своих походов, была убита царицей в припадке ревности, и во избежание дальнейших неприятных проявлений этой всепоглощающей ревности ребёнок был отослан на воспитание к крестьянам, в горы в отдалённом уголке империи. Ребёнок от природы был в некоторой степени ясновидящим и мог видеть окружающих его природных духов, а также свою мать. Вскоре он вошёл в контакт со жрецами, многому у них научился, и был взят в храм, и стал для них медиумом. Недовольный этим, он бежал и присоединился к банде разбойников, орудовавших в горах, но через несколько лет оставил и их. Затем он встретил человека, практикующего чёрную магию, и стал его учеником. Однако его учитель погиб, пытаясь навести на кого-то свои чары, и ученик не разделил его судьбу только благодаря вмешательству своей умершей матери.

В дальнейших своих странствиях он встретил принца, который в действительности был его сводным братом (сыном царицы, убившей его мать), и благодаря своей способности к ясновидению смог излечить его от одержания. Принц законным образом унаследовал престол и удостоил нашего героя почётного положения при дворе, ничего не зная, однако, об истинных родственных связях между ними. К сожалению, к тому времени Ахринзиман женился на совершенно недостойной женщине, которая никогда его по-настоящему не ценила, и без колебания изменила ему, когда обнаружила знаки внимания со стороны царя. В силу своего частичного ясновидения Ахринзиман узнал об этом, и в ярости устроил убийство царя с помощью астральных средств. Он сам занял трон, объявив о своём происхождении, но после недолгого царствования сам был убит другим претендентом на трон.

Остальная часть книги посвящена описанию его переживаний в астральном мире. Сначала он, исполненный ненависти и гнева, заводит знакомство со всеми видами отвратительных существ, чтобы с их помощью отомстить, но постепенно хорошее в нём берёт верх, и он старается не вредить, а помогать, и так, долгим и многотрудным путём восхождения в конце концов достигает совершенного блаженства.

Насколько же возможно, чтобы всё это было правдой? Можем ли мы принять это целиком или частично, как автобиографию (на что эта история и претендует), или мы должны считать её просто романом? Непременно, о многом в ней мы можем сказать «*Se non e vero, e ben trovato*» (если это и неправда, то здорово придумано). Что касается физической части истории, то мы располагаем лишь скудными указаниями на то, что она произошла в Персии в V веке до н.э., и наша фрагментарная история этого периода, насколько далеко она идёт, точно совпадает с тем, что пишет Ахринзиман. Интерес изучающего скрытую сторону вещей, естественно, будет сосредоточен в основном на астральных переживаниях, ради которых главным образом и была написана книга, и он захочет узнать, насколько их описания могут быть подтверждены с точки зрения тех оккультных знаний, которые уже достигли нашего западного мира.

Наиболее глубоко изучавшие их первыми признают, что мы пока что лишь собираем камушки на берегу огромного океана знаний, и что вся наша информация далека от того, чтобы быть исчерпывающей. А поскольку чудесное разнообразие астральных условий и их приспособляемость весьма велики, то утверждение о невозможности чего-либо было бы чересчур необдуманным и поспешным. Всё же вполне установлены некоторые общие правила, и некоторые из них в истории Ахринзима нарушаются, по крайней мере, если мы возьмём её буквально, хотя если мы допустим некоторые ограничения с его стороны, всё легко встанет на свои места. Если всё это — просто притча, то хорошо и замечательно, но интересно посмотреть, как могло получиться так, что Ахринзиман был в своём рассказе совершенно искренним, хотя некоторые моменты в нём противоречат общепринятым фактам.

Первый большой вопрос — как это вообще возможно оставаться на астральном плане в течение 2300 лет, когда мы знаем, что средний срок пребывания там для обычных людей составляет 20 или 30 лет. Верно, что человек необычайной силы воли может значительно продлить свою астральную жизнь, разжигая свои страсти и желания и бросая все свои силы в низшую свою сторону вместо высшей, и это — именно то, что сделал Ахринзиман, как он сам и говорит. Я читал о случае в Германии, когда один заблуждавшийся был привязан к земле на протяжении 400 лет, и сам знал один случай, когда амбиции и решительная воля удерживали человека в астральной жизни 300 лет, но такие примеры не часты, и ни один из них даже не приближается к тому множеству веков, на которые претендует Ахринзиман. Ясно также, что он вовсе не считает себя каким-то особым случаем, поскольку говорит о многих друзьях и современниках, которые всё ещё с ним, причём некоторые опережают его в прогрессе, а некоторые отстают от него. Потому, если принимать его историю за подлинную, то скорее следует считать её попыткой описать условия, через которые он прошёл за первое столетие после смерти, нежели нечто существующее сейчас.

Хотя и охочий до оккультного знания, он не показал большого стремления к духовности, кроме как в детстве — его действия были в основном продиктованы честолюбием, страстями и желанием мести, и он умер насильственной смертью в расцвете жизни. Учитывая все эти факторы, можно ожидать продолжительного и бурного астрального существования, ранняя часть которого должна быть крайне неприятной. Мы можем ожидать также и того, что постепенно эти страсти будут

исчерпаны, утвердится лучшая сторона его природы, и у него появятся возможности для прогресса.

Всё это Ахринзиман и описывает, но окружает это таким богатством аллегорий, что всё можно легко понять неправильно, и растягивает на 2300 лет то, что вполне могло занимать 40 или 50. Мы не должны забывать, что в астральном мире недоступен ни один из наших обычных методов измерения времени, и что если даже в физическом мире несколько часов страдания кажутся нам почти бесконечными, то в существовании, сама суть которого — чувства и страсти, это явление усиливается в сотню раз. Хотя вряд ли мыслимо, что Ахринзиман действительно провёл на астральном плане две тысячи лет, легко поверить, что его пребывание там *казалось* ему вечностью.

Тем не менее, остаётся следующий факт — если верить физической части истории его жизни, со времени его убийства прошёл примерно такой период времени — так что же он делал все эти годы? Лично я не знаком с ним и не имею права устраивать ему неучтивый допрос, но случай, в чём-то схожий с этим, который я как раз недавно расследовал, может предложить нам возможное объяснение.

Со мной консультировалась женщина, заявлявшая, что её «дух-руководитель» был древнеегипетским жрецом. И поскольку советы, которые он давал, были хорошими, а его учение — точным, стоило исследовать причины, заставившие его сделать такое необычайное заявление, поскольку представлялось едва ли вероятным, чтобы столь достойный и праведный человек опустился до обычной и мелочной персонификации. Встретив его, я сразу же увидел, что он несомненно был посвящён в определённый уровень мистерий согласно египетскому уставу, и естественно, я удивился, как же могло получиться так, что он ещё активен на астральном плане. При исследовании этого я обнаружил, что после жизни египетским жрецом у него было другое воплощение, изнурительная и неудовлетворительная жизнь в стенах монастыря, посвящённая, очевидно, отработке какой-то накопившейся кармы. Однако после его смерти некоторые обстоятельства (*казавшиеся* просто случайностью) привели его в соприкосновение с мысленным потоком его прежнего египетского окружения.

Внезапно в его сознании вспыхнула память этой прежней жизни (думаю, он всегда был на пороге этого, и всегда чего-то жаждал, хотя не знал, чего), и она оказалась настолько более живой и реальной, чем скучный монастырский круг жизни, что последняя жизнь стала для него просто каким-то дурным сном. Скоро он совершенно её забыл, или считал ничем иным, как утомительной частью своего астрального наказания, и потому в действительности был совершенно искренен в заявлении, что он *был* египетским жрецом — той могучей личностью, с которой он отождествлял себя вплоть до конца своей последней жизни в небесном мире, до своего спуска в сравнительно недавнее воплощение, в котором он стал монахом. Я не утверждаю, что случай Ахринзимана был подобен этому, но по крайней мере такая возможность есть.

Естественно, Ахринзиман пишет как человек своего времени, и пользуется привычной ему терминологией, многое из которой звучит странно для современного уха, особенно его постоянное смешивание символов с

материальными фактами. Конечно, его утверждение, что люди разделены на три большие группы, возглавляемые ангелами, несущими соответственно белые, красные и золотые звёзды, в буквальном смысле не в большей степени верно, чем то, что Феб проезжает по небу с востока на запад в своей колеснице, или что Бог Солнца заново рождается в рождество, когда дни начинают прирастать. Однако это *верно*, что некоторые древние религии использовали систему символизма, близкую к той, что излагается в его книге, а человек, переходящий в астральную жизнь с умом, наполненным такими идеями, может долгое время продолжать интерпретировать всё в согласии с ними, игнорируя те факты, которых они не охватывают.

Верно, что существуют могущественные духи, чей метод эволюции столь радикально отличается от нашего, что *для нас* он может оказаться злом, но с ними мы обычно не контактируем, да и не о них Ахринзиман говорит, поскольку сам признаёт, что ангелы света и тьмы — в конце концов просто человеческие существа, прожившие свою жизнь на земле. Он живо описывает громадные мысленные сооружения, воздвигнутые страстями человека, хотя часто ему не удаётся отличить временные мыслеобразы от более постоянных реальностей тонкого мира. Он даёт ужасающее описание своеобразной астральной битвы, при которой равнина становится усеяна частями тел сражающихся — это отвратительная подробность, которая не могла иметь места, как сразу станет очевидно всякому, кто понимает флюидическую природу астрального тела.

В самом деле, если считать, что его замечания действительно представляют знания древних персов об астральных явлениях, мы будем вынуждены признать, что это представление является менее научным и не столь полным, как имеющееся в распоряжении изучающих оккультизм в наши дни. Например, у Ахринзимана, похоже, не было сколько-нибудь ясного представления о важнейшем факте перевоплощения, или, пожалуй, он считал его возможностью, которая выдаётся иногда, а не основным средством эволюции, предназначенным человечеству.

Его термины, пока не привыкнешь к ним, несколько запутывают, поскольку вполне очевидно, что он называет «духовным» то тело, которое мы называем астральным, а его «астральное тело» — не более чем эфирный двойник, как можно видеть из того, что он описывает его как несколько большее, чем физическое, и подверженное влиянию сильных кислот. Эти замечания верны применительно к эфирному телу, но будут неточны, если относить их к тому телу, которое сейчас называется астральным.* У него была также сбивающая с толку привычка говорить о неприятных астральных условиях как о лежащих ниже земного плана, а о приятных — как о лежащих выше него, хотя он описывает и те, и другие, как менее материальные в сравнении с нашей землёй. Вероятно, он был введён в заблуждение тем, что более плотная астральная материя проникает наш физический земной шар, и те, кто ограничен наименее желательным её подразделением, часто могут действительно обнаружить, что находятся внутри земной коры. В дополнение к этому надо сказать, что мир, который ещё ниже физического, несомненно, существует, и к счастью, обычные человеческие существа не имеют никакой связи с ним, но он более, а не менее материален, чем тот мир, про который мы думаем, что знаем его.

* В ранней теософической литературе эфирный двойник тоже часто называли астральным телом. — *Прим. пер.*

Очень часто он описывает что-либо таким языком, который сразу убеждает исследователя, что он несомненно видел то, о чём пишет; и тут же он разочаровывает нас, давая этому запутанное и совершенно ненаучное объяснение, или трактуя поэтические символы так, как если бы это были материальные факты. Раз или два он показывает, что его представления находятся под влиянием теории о парных душах — направления мысли, которого следует тщательно избегать всем, кто желает насколько-нибудь действительно продвинуться в изучении оккультизма.

Он заблуждается, когда говорит о медиумизме как о вещи, необходимой для духовной эволюции, хотя, пожалуй, это снова вопрос терминологии, так как он мог использовать это слово в смысле психической чувствительности. Однако, и это очевидно, он совершенно неправ, когда утверждает, что для человека, ещё имеющего физическое тело, совершенно невозможно понять и контролировать астральные силы и существ, или обладать совершенным духовным зрением. Однако, это несомненно значит, или должно значить, что человек, который ещё *ограничен* своим физическим телом, не может обладать этими высшими способностями, ибо он ещё не осознал, что человек и при жизни может научиться покидать своё физическое тело в такой же полной мере, как при смерти, но при этом возвращаться в него, когда пожелает. Также он демонстрирует невежество относительно восточного учения, клеймя его как эгоистичное, и высказывая мнение, что оно «оставляет без удовлетворения голод многих, жаждущих света». В целом, однако, его учение похвально свободно от сектантства.

Так что, хотя изучающий оккультизм оказывается вынужден признать своё расхождение с Ахринзиманом по некоторым вопросам, я спешу добавить, что есть много вещей, по которым все мы должны с ним самым полным образом согласиться. Взяв навскидку несколько ценных мыслей, которые у него можно найти, можно упомянуть осуждение им войн и завоеваний, и его мысли об истории религий, которые замечательны. Все мы можем согласиться с ним, когда он пишет:

«Я считаю, что истину и заблуждение, добро и зло можно найти повсюду, во всех религиях и у всех народов; и как бы ни были чисты изначальные доктрины той или иной веры, оказывается невозможно избежать того, чтобы честолюбие и вождение, жадность и жестокость неразвитой человеческой души не извратили чистоты этих учений, не обратили их на самые низменные цели, и не скрыли их самыми грубыми заблуждениями... Абсурдные обряды, ужасные жертвоприношения, отвратительные практики, гротескные верования и фантастические теории, которые вкрались в учение этой религии, все являются наростами, один за другим выросшими на простую чистоту учения её основателя.»

Пожалуй, его выражения — не самые лучшие, но тем не менее, в его мысли, что всё злое есть извращение некоего хорошего качества, в которое оно однажды будет трансмутировано, много истины. Многие из его идей, касающихся

духовного развития, также можно весьма одобрить. Вряд ли можно лучше сказать об опасностях медиумизма и гипнотизма, чем в его серьёзном предостережении:

«Пусть никто никогда не отдаёт полную власть над собой, своим умом и своим телом в руки другого, будь он священник или мирянин. Ибо человеческая свобода — его божественное право, и тот, кто уступает её другому, презреннее самого последнего раба».

И снова в одном из примечаний он объясняет:

«Совершенный транс должен быть сознательным полётом души в высшее состояние, из которого она должна вернуться отдохнувшей, набравшейся сил и способной на более широкие мысли и более благородные и свободные дела, сильнее и совершеннее владея собой. Применять слово «транс» к проявлениям полусознательных ментальных aberrаций людей, чья чувствительность делает их доступными месмерическому контролю со стороны воплощённых или развоплощённых умов — значит распространять ошибочное представление, которое должно было уже давно быть опровергнуто. С распространением развития медиумизма всякую и каждую разновидность и степень проявления подсознательного стали называть «трансом», хотя с настоящим трансом развитого мистика старых оккультных школ они имеют не больше сходства, чем наркотический сон — со здоровым сном, при котором происходит восстановление сил. Гипнотический транс столь же вреден для души, как постоянное употребление наркотиков — для тела. Во плоти находится магнетизёр или нет, результаты будут те же самые; так что вошедшее в привычку использование магнетизма, чтобы вызвать сон или «транс», есть зло.»

Он точно описывает, как умершие низшего сорта толпами собираются на сеансах, и как так называемые духи-руководители вовсе не всегда оказываются достаточно сильны, чтобы не подпускать вредные влияния. Также он даёт ясное предупреждение насчёт того, как легко идеи земных исследователей смешиваются с откровениями, полученными через магнетизированного медиума. В результате при таком методе исследований человек обычно получает ту информацию или те советы, которых он желает или ожидает. Он понимает, что аскетизм *как таковой* — бесполезен, а часто и вреден, и что для того, чтобы видения были надёжными, физическое тело должно быть совершенно здоровым и полным сил. Он сознаёт также и некоторые трудности пути:

«Немногим, очень немногим из обладающих нужной ясностью видения удаётся научиться успешно пользоваться ею; и ещё меньше тех, чья неукротимая воля и неутолимая жажда знаний проведёт их через все опасности, испытания и разочарования, а также нескончаемые труды, которых требуют эти исследования.»

На его стороне — вся история, когда он говорит нам, что тем, кто развивают высшие степени сил, хорошо бы полностью удалиться от активной жизни в физическом мире, а странная компания его персонажей постепенно приходит к пониманию того, что лишь путём бескорыстия может быть достигнут настоящий прогресс.

Снова и снова перед глазами изучающего возникают крупницы знания, показывая, что у Ахринзimana был верный взгляд на вещи, хотя его выражение идей может быть и путаным из-за недостатка более определённой классификации фактов. Он понимает, как делаются талисманы и снадобья, и видит, как один мстительный поступок или даже мысль о мести открывает дверь злым влияниям, которые могут преследовать допустившего это действие многие годы; он описывает, как присутствие мёртвых заставляет живых думать о них, даже если они недостаточно развиты, чтобы их видеть.

Говоря об астральной жизни, он даёт прекрасное описание злой царицы, после смерти окружённой злыми мыслями и воспоминаниями, которые переживаются ею, как действительные события; а в его рассказе о рабе, который проводит всё своё время, ползая туда и сюда по тайному ходу, копая который, он был убит, сквозит мрачный реализм. Он рассказывает нам об умерших, у которых осталось смешанное впечатление, будто они ещё в земных телах, и о других, которые осознав своё отделение от тел, пытаются использовать земные тела живых людей для удовлетворения своих страстей. Он понимает, как люди, стоя бок о бок с точки зрения пространственной, тем не менее могут совершенно не сознавать присутствия друг друга; он знает величественную истину, что никакое зло не может быть вечным, и как бы далеко от Пути ни блуждала ошибающаяся душа, через долгое-долгое время она наконец найдёт дорогу домой.

Он заканчивает с надеждой, к которой все мы можем присоединиться — что подобно тому, как благодаря лучистой силе знания истончаются барьеры невежества, разделяющие народы, и начинает немного пробиваться свет братства, так и более широкое знание и более ясное озарение постепенно превратит в ничто воображаемый барьер, столь неверно называемый смертью, показав нам, что на самом деле никакого разделения вообще нет, ибо вне зависимости от того, есть ли у нас сейчас физические тела, все мы — члены того же великого братства, все движемся к той же цели, и все пребываем в солнечном свете той же Вечной Любви.

Глава XIII

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ЭТИМ ВЛИЯНИЯМ

Защитные оболочки

Мы рассмотрели примеры разных видов влияний, действующих на нас со всех сторон, и обнаружили, что среди них есть много нежелательных и беспокоящих; так что естественно возникает вопрос о том, как нам лучше всего их избежать или нейтрализовать. Образовать вокруг себя при необходимости нечто вроде доспехов из высшей материи, обычно называемых защитной оболочкой, — довольно лёгкое дело, но действительно ли это лучший способ решения проблемы? Как заметил один авторитет в этой области, что если говорить о самозащите, то первое, что

надо предпринять в связи с оболочкой — это не создавать её, а раз уж создали, то как можно быстрее её разрушить! Конечно же, в этих словах есть большая доля правды, поскольку в большинстве случаев (по крайней мере для всех учеников, кроме самых начинающих), всё, что может быть достигну образованием оболочки вокруг себя, может быть сделано с большей эффективностью и меньшей опасностью другими способами, как мы увидим позже. Точное знание об образовании оболочек различных видов иногда полезно; но, как и всяким другим знанием, им возможно злоупотреблять, так что прежде чем направить свою энергию в этом направлении, желательно точно знать, чего мы хотим достичь и как это делается.

Первый великий принцип, который следует помнить, состоит в том, что оболочку следует гораздо чаще использовать для защиты не себя, а других. Например, невидимые помощники часто находят желательным создать подобную защиту для некоторых из тех, кого они пытаются спасти от разного рода зловредных влияний. Но средний интересующийся гораздо чаще подходит к этому с идеей защиты себя от разных внешних влияний, и обычно спрашивает, как создать оболочку для этой цели. Бывают случаи, когда такое действие допустимо, и мы, пожалуй, сгруппируем их под тремя заголовками, соответствующими эфирному, астральному и ментальному проводникам.

Во всех трёх случаях эти оболочки создаются силой воли, но прежде чем применять её, хорошо бы знать, из какого вида материи нужно построить оболочку, и что именно они не должны пропускать. Обычно даваемые указания состоят в том, что нужно подумать о своей ауре, окружающей нас в форме овоида, сильно сосредоточиться на её внешней поверхности, а затем применить волю, чтобы укрепить её так, чтобы она стала непроницаема для любых влияний извне. Эти указания хороши, и так можно создать достаточно крепкую оболочку, но усилия можно сделать менее трудоёмкими и более эффективными, если точно понимать, что мы делаем и почему, и посылать энергию своей воли только в верном направлении, вместо того, чтобы заливать все окрестности потоками неверно направленной силы. Давайте рассмотрим три разновидности оболочек несколько подробнее, и посмотрим, для каких целей каждая подходит.

Эфирная оболочка

Сначала мы рассмотрим оболочку, предназначенную для защиты физического тела (включая и эфирный двойник) от различных опасностей, которым оно может подвергаться. Есть три самых распространённых применения такой оболочки — защитить чувствительного человека, находящегося в толпе; защитить физическое тело перед тем, как покинуть его во сне; предотвратить опасность физического заражения в каком-либо случае, когда исполняя свой долг, приходится ей подвергаться. Во всех этих случаях очевидно, что для эффективного достижения цели оболочка должна быть из эфирной материи, и только из неё, хотя иногда может быть желательно одновременно создать оболочки и на других планах, чтобы создать защиту от других классов опасностей.

Цель оболочки, создаваемой для нахождения в толпе, обычно бывает двойкой. Там, где перемешано множество обычных людей, почти всегда много физического магнетизма, неприятного для ученика и даже нежелательного для него, и часть назначения оболочки — защита от этого магнетизма. Возможно также, что в любой большой толпе окажется несколько тех несчастных, кто испытывая какую-либо физическую слабость, постоянно вытягивает из других большое количество жизненной силы. Такое поглощение энергии часто происходит совершенно без ведома человека, подпитывающегося таким образом, так что его можно считать страдающим чем-то вроде бессознательной эфирной клептомании.

Того, кого угораздило стать таким вот бессознательным вампиром, можно сравнить с гигантской губкой, всегда готовой поглотить любое количество жизненности, которое только может получить. Если он ограничивает себя лишь захватом голубовато-белых излучений, выделяемых всяким нормальным человеком, то он не наносит вреда, поскольку составляющие этого излучения уже использованы человеком, из ауры которого они взяты. Но обычно этим дело не ограничивается, поскольку при приближении вампира это излияние значительно стимулируется его высасывающей силой, так что теряются не только использованные голубовато-белые флюиды, но вся циркуляция жизненности по телу жертвы столь ускоряется, что вместе с отходами через все поры тела высасывается и розовая материя, а её несчастный хозяин не успевает её усвоить, так что способный вампир может вытянуть из человека весь запас сил за несколько минут встречи.

Такой бессознательный вампир конечно же достоин жалости, и всё же было бы большой ошибкой из-за этой жалости добровольно подвергать себя истощению, думая, что этим мы оказываем услугу и помогаем нуждающемуся. Ведь вампир постоянно растрчивает эту жизненную силу, приобретённую нечестным способом. Она проносится через него и снова рассеивается без должного усвоения, так что его вечная жажда никогда не удовлетворяется, и пытаться путём самопожертвования восполнить его запас — это всё равно, что лить воду в решето.

Единственное, чем действительно можно помочь выявленному бессознательному вампиру — это поставлять ему жизненность, которой он жаждет, в строго ограниченном количестве, в то же время стараясь месмерическим действием восстановить эластичность его эфирного двойника, чтобы постоянный подсос и соответствующая течь более не имели места. Такая утечка через все поры тела всегда происходит из-за этого самого отсутствия эфирной эластичности, а не из-за какой-то прорехи или раны на эфирном теле, как полагают некоторые изучающие — ведь представление о какой-то постоянной дыре несовместимо с условиями существования эфирной материи и строением эфирного двойника.

Одним из способов предохранения от такого вампиризма является прочная оболочка, и есть много людей, для которых это пока что единственный доступный путь.

У нормальных и здоровых людей обычно не бывает никаких трудностей с физическим телом, которое они покидают во сне или трансе, поскольку в маловероятном случае какого-либо нападения на это тело оно сразу же призовет

блуждающую душу, чтобы весь человек собрался и в случае необходимости защитил себя. У физического тела есть собственное сознание, совершенно отдельное от сознания живущего в нём человека — сознание довольно смутное, но всё же способное понимать, когда тело в опасности, и инстинктивно принимать все меры по его защите, что в его силах. Я сам видел проявление этого сознания, когда владелец тела был выведен из него дантистом при помощи веселящего газа. Оно проявилось в неясном вскрике и безуспешной попытке протеста, когда был вырван зуб, хотя сам человек потом сообщил, что абсолютно не сознавал операции.

А поскольку физическое тело всегда бывает тесно связано резонансными колебаниями с астральным, даже когда последнее далеко от него, всякое беспокойство, угрожающее физическому телу, почти наверняка будет моментально передано «я», которое срочно вернётся, чтобы выяснить, в чём дело.

Есть, однако, несчастные люди, случай которых нельзя считать нормальным, подвергающиеся нападениям некоторых существ, желающих захватить и одержать их тела, и такие люди часто находят необходимым принять сильные меры к тому, чтобы предотвратить захват их личной собственности. Или, например, обстоятельства могут вынудить ученика спать в чрезвычайно нежелательном окружении — как, например, в железнодорожном вагоне в близком физическом контакте с людьми, которые вампиризируют или излучают грубые и отталкивающие эманации. В любом из этих случаев сильная эфирная оболочка может оказаться лучшим способом справиться с затруднением, хотя у ученика есть альтернатива — создать сильную мыслеформу, одушевлённую назначением охранять тело. Такую мыслеформу можно сделать более действенной и живой, если удастся побудить войти в неё природного духа подходящего типа, чтобы он развлёкся выполнением её миссии.

Идея защиты от инфекции достаточно очевидна и не требует особых комментариев. Такая инфекция может проникнуть лишь посредством некоего рода физических зародышей, и против них плотная стена эфирной материи является верной защитой. Однако, никогда не следует забывать, что оболочка, которая *не впускает* материю определённого типа, также её и *не выпускает*; так что предохраняясь от микробов, которые могут нас заразить, мы также удерживаем в тесном соприкосновении с физическим телом огромную массу его собственных эманаций, многие из которых имеют определённо ядовитый характер.

В вышеупомянутых случаях оболочка делается только из эфирной материи, и человек, желающий создать её, должен вспомнить, что его эфирное тело вовсе не совпадает своими контурами с астральным или ментальным. Последние принимают вид и размер того овоидального сечения каузального тела, которое только и может быть проявлено в более низких мирах. Эфирное тело, однако, соответствует по форме физическому и немного выдаётся из него во все стороны — пожалуй, на полсантиметра или чуть более того. Потому, если человек решил уплотнить периферию своей ауры, он должен помнить, где она пролегает, и направлять свою силу воли соответственно.

Однако, он располагает альтернативой создать овальную оболочку из эфирной материи, извлечённой из окружающей атмосферы, и этот способ во многих отношениях более предпочтителен, хотя требует большего усилия воли и более определённого знания того, как при помощи воли придают форму физической материи. Такая оболочка, хотя и невидимая обычному зрению, полностью принадлежит физическому миру, а потому защищает своего создателя только от сугубо физических эманаций. Она ни в малейшей степени не препятствует входу блуждающих мыслей или астральных вибраций, склонных вызывать страсти и эмоции разных видов.

Некоторые чувствительные люди находят невозможным приближаться к страдающим от любых недугов или болезней, не воспроизведя немедленно в своих физических телах их симптомы. В таких случаях эфирная оболочка может оказаться полезной, поскольку без неё столь ненормально острое сострадание значительно мешало бы помогать таким людям.

Опять же, для тех, чьё дело вынуждает их жить и действовать среди ужасного грохота современной цивилизации, такая оболочка может иногда оказаться полезной, предоставляя усталым и издёрганным нервам по крайней мере хоть какую-то возможность для восстановления, на время защитив их от непрерывного стука всех разнообразных вибраций, составляющих современную жизнь.

Щиты

Иногда защита, к которой прибегают в некоторых случаях, представляет собой не оболочку, окружающую всё тело, а просто небольшой локальный щит для предохранения от какого-то особого временного контакта. Всем чувствительным людям известно, что западный обычай рукопожатия часто доставляет им настоящие мучения, нередко длящиеся несколько часов после момента контакта. А нежелание подавать руку часто вызывает обиду или создаёт впечатление гордости или надменности. Обычно этой трудности можно избежать, создав усилием воли сильный временный щит из эфирной материи, покрывающий правую руку. Он позволит чувствительному человеку выдержать неприятный контакт, не допустив в своё тело ни одной частички, заряженной нежелательным магнетизмом.

Ту же природу имеют и оболочки, иногда используемые для защиты от огня, хотя для их успешного применения требуется гораздо большее знание практической магии. Мне самому на спиритическом сеансе однажды сделали вокруг кисти руки такую оболочку из эфирной материи — она была столь эффективна, что будучи такой тонкой, что не воспринималась чувствами, она тем не менее позволяла мне несколько минут держать в руке горящий уголь, которым я тогда смог поджечь лист бумаги. Более широкое применение той же идеи — это гораздо больший щит, простираемый над горячим пеплом, или покрывающий ноги факиров, что позволяет совершать столь часто описываемое хождение по углям.

Предостережение

Учащихся, желающих для какой-нибудь цели защитить свои физические тела во время сна, стоит предупредить против повторения ошибки, совершённой некоторое время назад одним моим достойным другом, который приложил премного усилий для окружения себя особо непроницаемой оболочкой, нужной ему для особого случая, но сделал её из астральной материи вместо эфирной, и следовательно, взял её с собой, когда покинул своё физическое тело! Естественно, результатом было то, что физическое тело осталось совершенно незащищённым, в то время как сам он плавал над ним всю ночь, заключённый в тройные доспехи, будучи абсолютно не в состоянии послать ни одной вибрации в помощь кому-либо, или принять помощь или благотворное влияние через мысли любви, которые могли быть направлены к нему учителями или друзьями.

Астральная оболочка

Цели, преследуемые при создании астральной оболочки, естественно, имеют совершенно другой характер, поскольку должны быть связаны исключительно со страстями и эмоциями. Большинство этих целей опять же подпадают под какой-либо из трёх пунктов. Оболочка вокруг астрального тела может быть образована, во-первых, чтобы не пропускать эмоциональных вибраций (например, гнева, зависти или ненависти), намеренно направляемых на учащегося другими людьми; во-вторых, чтобы не пропускать вибрации низменного типа (такие как возбуждающие чувственность), которые не были намеренно направлены на учащегося, но плавали в окружающей атмосфере и воздействовали на него как бы случайно, в ходе обычной жизни; и в-третьих, он может найти полезным окружить своё астральное тело особой оболочкой на то время, которое он посвящает медитации, если его беспокоит вторжение мыслей низменного типа, несущих с собой астральную материю и, вероятно, способных вызвать нежелательные эмоции.

В каждом из этих трёх случаев усилие воли должно быть направлено на поверхность астрального тела — не на то соответствие из более плотной астральной материи, которое точно повторяет форму и размер физического проводника, а на яйцо окружающей его ауры, изображённое на иллюстрациях в книге «Человек видимый и невидимый». В этом случае, как и во всех других случаях образования оболочек, нужно создать ясный мысленный образ, и в течение по меньшей мере нескольких минут вся сила воли человека должна быть сконцентрирована на усилиях по созданию необходимой формы. Следует также помнить, что такие уплотнения в некоторой степени неестественны, то есть они являют собой расположение материи, не предусмотренное в нормальной схеме вещей, а потому у задействованного проводника будет постоянная тенденция к возвращению в своё нормальное состояние, то есть к разрушению оболочки. Потому усилие воли должно создать определённое впечатление, достаточное, чтобы по меньшей мере в течение нескольких часов сопротивляться этому мягкому, но настойчивому стремлению к разрушению оболочки, иначе она постепенно станет дырявой, рваной и потому уже не сможет выполнять свою цель.

Оболочка, присутствие которой требуется на сколько-нибудь долгое время, должна часто подновляться, так как без этого она скоро разрушится.

В связи с астральным телом нам нужно помнить то же соображение, которое я упомянул в связи с телом эфирным — а именно, что оболочка, не пропускающая вибрации внутрь, не будет и выпускать их наружу. Потому учащийся, создающий вокруг себя астральную оболочку, должен позаботиться о том, чтобы построить её лишь из материала низших подразделений астрального плана, поскольку исключительно эта материя и откликается на низкие и нежелательные вибрации, связанные с чувственностью, злостью, ненавистью, завистью и другими низменными страстями. Напротив, самые тонкие и чистые эмоции всегда выражаются через материю высшего подплана, и использовать в оболочке какую-либо материю этого рода нет никакой необходимости. В действительности, результаты использования такой материи в оболочке будут весьма неудовлетворительными, поскольку, во-первых, человек отсечёт от себя все потоки дружественных чувств, которые могут быть к нему посланы, а во-вторых, на время потеряет способность посылать подобные потоки любящих чувств к другим.

Могут спросить, как же обычный человек или даже начинающий ученик может знать, какой вид астральной материи он применяет в изготовлении своей оболочки. Ответ в том, что в конечном счёте это не труднее, чем создать концепцию о формировании оболочки вообще. Если он должен сделать оболочку из астральной материи, он должен сначала подумать о границах своей ауры, а затем перейти к уплотнению материи по всей этой поверхности. Этот процесс можно описать как разумное использование воображения; и лишь с чуть большими усилиями его можно направить на представление о том, что астральное тело состоит из семи степеней материи, разнящихся по плотности. Нужно направить волю на их сортировку и выбор материала, допустим, лишь трёх низших подпланов, чтобы сформировать оболочку исключительно из них; и хотя учащийся, не обладая ясновидением, может и не видеть результата своих усилий, ему не нужно сомневаться, что они дадут результат, и никакие типы материи кроме тех, о которых он подумает, не подвергнутся непосредственному влиянию потоков, которые он запустил.

Ментальная оболочка

Оболочка, создаваемая вокруг ментального тела, отличается от образуемой на астральном плане тем, что цель её состоит в предотвращении проникновения нежелательных мыслей, а не эмоций. Опять же, есть три основных случая, когда такая оболочка может быть полезна: во-первых, при медитации; во-вторых, при погружении в сон; и в-третьих, в особых условиях, когда без её помощи низменные мысли склонны становиться назойливыми.

Назначение ментальной оболочки при медитации — исключить массу мыслей низшего рода, которые постоянно резвятся в атмосфере. Никакая оболочка не может предотвратить возникновение блуждающих мыслей в собственном уме

человека; однако б`ольшая их часть вызвана внешним воздействием от случайных плавающих мыслей, оставленных другими людьми, и уж по крайней мере их вторжение можно предотвратить оболочкой. Но здесь опять же желательно применять для создания такой оболочки лишь низшую ментальную материю, поскольку в противном случае будет прекращён доступ полезных мыслей, или же мысль медитирующего, направленная к Учителю, будет закупорена в этой оболочке.

Многих людей беспокоят потоки блуждающих мыслей, когда они пытаются заснуть, и ментальная оболочка избавит их от тех мыслей, которые приходят извне. Такая оболочка нужна лишь временно, поскольку всё, что требуется — это покой в период времени, достаточный для засыпания. Покинув физическое тело, человек унесёт эту оболочку из ментальной материи с собой, но её задача будет уже выполнена, поскольку всё назначение её заключалось в том, чтобы позволить ему покинуть тело. После распада оболочки поток праздных мыслей или умственное беспокойство, вероятно, возобновится, но поскольку человек будет уже вдалеке от своего физического мозга, это не помешает отдыху тела. Пока он в физическом теле, ментальная деятельность будет влиять на частицы мозга, производя там такую деятельность, которая легко может сделать оставление им физического проводника невозможным; но если уж он оказался вне его, те же беспокойства или блуждающие мысли не вернут его обратно в тело.

Третий из упомянутых случаев не так прост. Нередко случается, что определённые группы мыслей, некоторые из них вполне желательны, а некоторые — столь же нежелательны, тесно связаны вместе. Возьмём первый пример, который приходит на ум: хорошо известно, что глубокая набожность часто бывает почти неразделимо смешана с определённой формой чувственности. Человек, которого беспокоит эта неприятная связь, может получить все выгоды от религиозной преданности, не страдая от вредных эффектов чувственности, окружив своё ментальное тело, насколько это касается его низших подразделений, крепкой оболочкой, тем эффективно отсекая низшие влияния, в то же время позволяя высшим беспрепятственно воздействовать на себя. Это лишь один пример феномена, у которого в ментальном мире есть множество разновидностей.

Лучшее применение оболочки

Когда требуется сделать оболочку, то вероятно, самым лёгким методом её создания будет указанный мною выше, но остаётся ещё другое соображение — вопрос о том, насколько же вообще оболочка является нежелательной вещью. У неё есть свои полезные применения, и для помощи другим людям она действительно бывает настоятельно необходима. Невидимые помощники часто находят её неоценимой, когда стараются дать облегчение какой-нибудь бедной измученной душе, у которой ещё нет сил защититься самостоятельно, будь то от определённых и намеренных атак извне, или от постоянного вихря утомительных блуждающих мыслей. Но применение оболочки для себя — это в некоторой мере признание своей слабости или недостатка, поскольку представляется почти

несомненным, что будь всё так, как оно должно было быть, нам бы не потребовалось никакой защиты такого рода.

Красивая история

Это очень удачно иллюстрирует небольшая красивая история из предания христианской церкви. Она рассказывает о том, что где-то в пустыне за Александрией некогда был монастырь, настоятель которого обладал способностью ясновидения. Среди монахов были два молодых человека, у которых была репутация особо чистых и святых — эти качества должны бы быть общими для всех монахов, но иногда это бывает не так. Однажды, когда они пели в хоре, настоятель направил на них свои ясновидческие способности, чтобы выяснить, как им удаётся среди искушений повседневной жизни сохранять эту особую чистоту. Он посмотрел на первого и увидел, что тот окружил себя оболочкой, которая была будто из сияющего хрусталя, и что демоны-искусители (мы бы их назвали нечистыми мыслеформами), насканивающие на него, ударяются в неё и отскакивают назад, не причиняя ему вреда, так что он оставался спокойным, хладнокровным и чистым. Затем настоятель посмотрел на второго молодого монаха и увидел, что тот не выстраивал вокруг себя никакой оболочки, но его сердце было столь полно любви к Богу, что она постоянно излучается им во всех направлениях в виде потоков любви к своим ближним, так что свирепо насканивавшие на него демоны смывались этим могучим излиянием, и он оставался чист и неосквернён. Как говорится в истории, настоятель сказал, что второй монах был ближе к царствию небесному.

Лучший способ

Может быть так, что многие из нас ещё не достигли уровня этого второго монаха, но по крайней мере эта история ставит перед нами идеал более высокий, чем просто цель самозащиты, и мы можем извлечь из неё некоторый урок. Однако мы должны тщательно остерегаться чувства превосходства или отдельности. Нам следует избегать опасности слишком много думать о себе. Нужно постоянно поддерживать себя в состоянии излияния — мы должны быть активными, а не пассивными. Когда мы встречаем какого-нибудь человека, наше отношение конечно же должно быть не «как мне от него защититься», а «могу ли я что-нибудь для него сделать». Именно это отношение и запускает в действие высшие силы, поскольку отражает отношение солнечного логоса. Именно когда мы даём, мы становимся годными для того, чтобы принимать; тогда мы являемся каналами для его могущественной силы.

Нам не нужно слишком много думать о личном прогрессе. Ведь можно оказаться настолько исключительно занятым мыслью «как мне продвинуться?», что забудется более важный вопрос: «что я могу сделать, чтобы помочь?». Ведь встречаются хорошие братья, даже среди лучших из нас, которые столь непрестанно проверяют, как идёт их прогресс, что напоминают тех детей, которые,

получив для возделывания участки сада, постоянно выдёргивали свои растения, чтобы посмотреть, как растут корни. Эта чрезмерная озабоченность своим ростом представляет собой реальную опасность, и я знаю многих, кто совершая самые прекрасные альтруистические дела, тем не менее, никак не могут быть совершенно уверены в бескорыстности своих мотивов, поскольку всегда сомневаются — не движет ли ими эгоистичное желание избежать дискомфорта при виде чужой боли.

Такие братья должны помнить, что такое самоисследование может выродиться в болезненное самокопание, и что главное — выбрать для себя верное направление, а потом просто идти вперёд и делать всё лучшее, что в их силах, то есть, если выражаться языком приведённой нами христианской истории, нужно сначала наполнить свои сердца любовью к Богу, а затем (не тратя время на взвешивание этой любви, чтобы выяснить, растёт она или уменьшается) обратить всё своё внимание на практическое её выражение в любви к своим братьям. Такое излияние любви есть не только защита, лучшая, чем любое количество оболочек, но и вложение, которое даст поразительные результаты. Ибо человек, совсем не думающий о результате есть именно тот, кто достигает величайших результатов из всех.

Мы читали о великолепном самопожертвовании нирманакай, которые, завоевав право бесчисленные века покоиться в несказанном блаженстве, всё же решили оставаться в соприкосновении с землёй, чтобы посвящать своё время порождению неисчислимых потоков духовной силы, изливаемой в могучий резервуар, из которого она может использоваться для помощи эволюции их менее развитым братьям. Распределение этой силы на благо «великому сироте», человечеству, доверено великой иерархии адептов, и именно оттуда они (и даже их ученики, под их руководством) черпают её, когда возникает необходимость.

Не нужно и говорить, что никакое из доступных нам дел не может приблизиться к великолепным достижениям нирманакайи хотя бы настолько, чтобы стало возможно какое-то сравнение, и всё же в силах каждого из нас добавить к содержанию этого огромного резервуара хотя бы по крошечной капельке, ибо когда бы мы ни изливали любовь или благоговение, совершенно лишённые всякой мысли о себе, мы создаёт результаты, лежащие далеко за пределами нашего постижения.

Всякая любовь, привязанность или преданность, какой бы благородной она ни была, если несёт в себе хотя бы малейшую мысль о себе (как в случае тех, кто желает ответной любви, пусть даже просто интересуясь — а насколько такой-то любит *меня*, или награды, защиты или спасения за свою преданность), посылает свою силу по замкнутым кривым, которые возвращаются к пославшим её, и карма, которую создаёт эта сила, связывает человека, вновь вовлекая его в рождение, чтобы он мог получить её плоды, столь же неуклонно, как если бы это была плохая карма.*

* Как образно выражают эту идею буддисты, плохая карма приковывает к сансаре железными цепями, а хорошая — золотыми. — *Прим. пер.*

Но когда «я» совершенно забыто, и мысль о себе не имеет никакой доли в изливаемом потоке, когда линия, по которой изливается сила, уже не замкнута, тогда карма *не* связывает человека и не влечёт его обратно на землю. И всё же эффект производится — эффект, превосходящий всякое наше воображение, потому что эта линия достигает самог`о солнечного логоса, и именно от него приходит отклик. С этим ответом в качестве следствия неизбежно приходит некоторое продвижение человека, чья любовь или преданность его вызвала, но в то же самое время духовная сила добавляется и в великий резервуар адептов. Таким образом выходит, что всякая мысль, в которой нет ни малейшего оттенка своекорыстия, самым прямым образом помогает миру, так что сильное излияние любви — защита лучшая, чем самая крепкая из оболочек, и человек, который полон сил этой божественной Любви, не нуждается ни в какой защите, ибо живёт в сердце самого Бога.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

